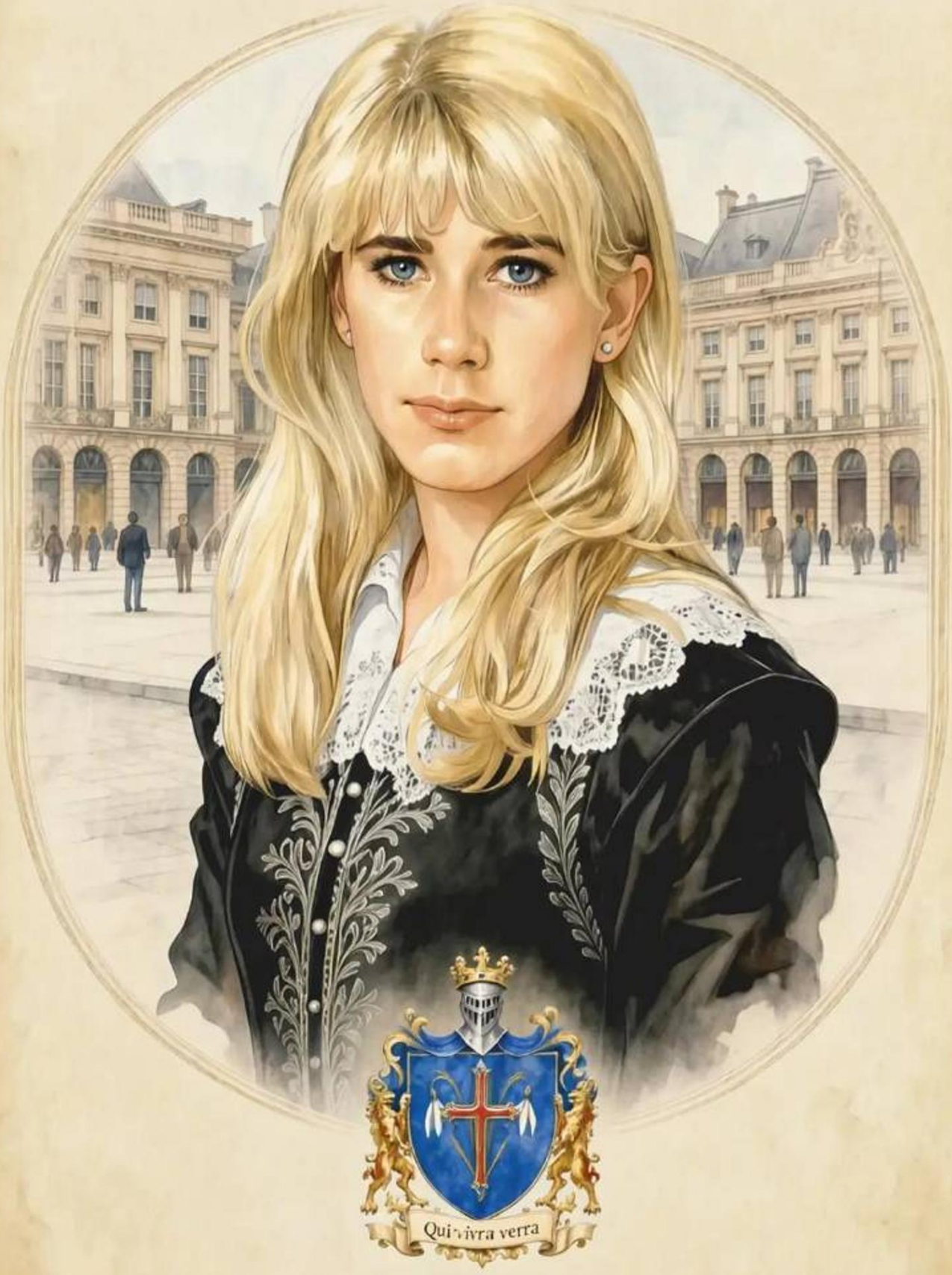
Ведьма с острова Эльба

Александр Копьев

Александр Копьев

Ведьма с острова Эльба

«Автор»
2026

Копьев А.

Ведьма с острова Эльба / А. Копьев — «Автор», 2026

Шарлотта де Ивер, ведьма Ордена, базирующегося на острове Эльба, прибывает в Париж, где оказывается в центре клубка интриг, в котором переплетаются политика, магия, религия и литературные аллюзии, навязанные свыше Создателем этого мира. И первая проблема уже в том, что будь она англичанкой, то звали бы ее не иначе, как миледи Винтер.

© Копьев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 5
Пролог. 5
Запись первая. 10
Запись вторая. 14
Запись третья. 18
Запись четвертая. 21
Запись пятая. 26
Запись шестая. 30
Запись седьмая. 34
Запись восьмая. 38
Запись девятая. 41
Запись десятая. 44
Запись одиннадцатая. 50
Запись двенадцатая. 55
Запись четырнадцатая. 60
Запись пятнадцатая. 65
Запись шестнадцатая. 69
Запись семнадцатая. 72
Запись восемнадцатая. 77
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Александр Копьев
Ведьма с острова Эльба

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Пролог.

Ближе к полудню 7 апреля 1625 года, в местечке Мён-Сюр-Луар, что под Орлеаном, возле гостиницы «Вольный Мельник», было довольно шумно. Справедливости ради, стоит заметить, что шумно там было всегда: крики рыночных торговцев и ржание лошадей преследовали каждого, рискнувшего снять комнату в этом, несомненно, бывшем когда то почтенным, заведении где то с восьми утра и до того момента, когда последний покупатель покинет площадь после долгих и жарких торгов за каждый денье, требуемый продавцом за жалкий пучок зелени. Стоит добавить, что делали они это не столько из-за жадности, сколько из того факта, что других развлечений, кроме как торговаться и, изредка, перекидываться в кости в таверне гостиницы, у жителей городка попросту не было. Однако, в этот раз шума было больше, чем обычно. Поэтому природное любопытство заставило трех посетителей, до этого момента спокойно беседовавших за столом в ожидании того, как им принесут завтрак, временно покинуть свое место и подойти ближе к окну, чтобы посмотреть, в чем же, собственно, заключается причина этого переполоха.

Троица эта, сама по себе, тоже была довольно любопытной. Первым был высокий мужчина лет сорока с небольшим, с лицом, которое в обрамлении бороды и усов по последней моде, напоминало то ли гончую, то ли печального пуделя, в фиалкового цвета камзоле и панталонах, явно дорогой ткани, хотя и не украшенной, как это было принято у дворян, вышивкой или позументами. Однако, помятый вид его, простая кожаная перевязь с тяжелой шпагой и осевшая кое-где пыль производили впечатление такое, словно человек вскочил на лошадь выйдя прямиком с бала, и с тех пор скакал минимум три дня, покидая седло исключительно ради того, чтобы немного поспать, даже не снимая одежды. Забегая чуть вперед, скажем, что, вообще то, так и было.

Следующим шел парнишка лет одиннадцати, одетый в пажеский наряд с беретом, по чертам лица которого можно было угадать, что он является если не сыном, то как минимум племянником первого господина. Замыкал же троицу молодой человек, по чертам которого возраст определить было довольно сложно, ибо был он того телосложения, которое бывает у подростков, еще не сформировавшихся, с округлыми чертами лица и светлыми растрепанными волосами по плечи. Одет он был в камзол черного сукна с черным же шелковым шитьем, из разрезов рукавов которого выглядывала белоснежная ткань рубашки, и плащ-казакин темно-зеленого сукна, обильно снабженный медными пуговицами, из под которого торчал изящно украшенный гнутый эфес, более подходящий рейтарскому райтшверту[1], чем шпаге дворянина. Платили они, впрочем, полновесными золотыми экю, один вид которых заставил хозяина таверны забыть о вопросах и полностью сосредоточиться на том, чтобы гости его побыстрее насладились жареной курицей и вином.

Впрочем, зрелище, открывшееся взору троицы, действительно оказалось прелюбопытным. Как уже говорилось, развлечений в городке было мало. Скорее всего, именно этим, в

[1] Тяжелая кавалерийская шпага с рубящим клинком и сабельным балансом, в отличие от классических шпаги и рапиры, имевших смещенный к руке баланс и ромбовидный клинок, и больше приспособленных для финтов и колющих ударов.

первую очередь, и было обусловлено повышенное внимание, которым толпа наделила юношу лет так, на вид, от шестнадцати до двадцати, неспешно тащившегося сейчас на понурой лошадке в сторону той самой гостиницы в окружении толпы ребятишек, осыпавших насмешками не столько даже самого всадника, сколько его лошадь. Этот благородный конь когда то гнедой масти несомненно все еще неплохо бы смотрелся под рыцарем в полном облачении или в упряжке повозки, груженой тяжелыми бочками, однако годы явно взяли над ним верх, и гнедая масть (и без этого не очень яркая у той части французских лошадей, которые имеют распространение в южных землях) выцвела до буланового. Прибавим к этому тот факт, что бока животного, взмокшего после долгого путешествия, блестели на солнце почти как шелковая ткань, от чего лошадь цветом своим вовсе стала похожа на канарейку, а восседавший на нем юноша отнюдь не отличался габаритами и статью закаленного рыцаря, так что выглядел в седле словно собака, по недоразумению взгромоздившаяся на забор, и мы получим примерное представление о том, почему, собственно, вид всадника и его лошади и вызывали столь пристальный интерес местного населения. Дополним картину тем, что камзол юноши, когда то крашеный вайдой[2]в синий, на тот момент был скорее голубовато-серого цвета, плавно переходящего в грязно-салатовый там, где ткань линяла более интенсивно, голову его венчал украшенный поникшим пером берет, а на боку имелась длинная, явно доставшаяся по наследству, шпага, бившая его по бедру каждый раз, когда лошади было угодно переставить ногу, и получим типичный вид обедневшего дворянина из Гаскони, во всем великолепии сельской моды явившегося покорять столицу. Ну или, по крайней мере, бывшего на пути к этому.

Сам же молодой дворянин, судя по выражению его лица, вполне понимал всю нелепость своего вида, и был этим если не разгневан, то как минимум, весьма раздосадован. К тому же, хотя он и был окружен насмешниками, но, справедливо, считал ниже своего достоинства обнажать шпагу против простолюдинов, а ввязываться в банальную драку при наличии у противника столь явного численного преимущества. К тому же, часть горожан, поначалу решивших, что шум вызван нападением разбойников или чем-то подобным, явились вооруженными, таща на плече кто топор или вилы, а кто и оставшуюся от гугенотских войн алебарду, что делало возможный конфликт еще более безнадежным для несчастного.

Так что, гасконец был вынужден просто ехать дальше, стиснув зубы, несмотря на то, что кровь его уже кипела от гнева, оглядываясь по сторонам и моля Бога о том, чтобы ему попался хоть кто-то, на ком можно сорвать злость. Таковым образом, он доехал до той самой гостиницы, увидев в окне троицу примерно в то же самое время, как они увидели его. А острый слух его донес до него все, сказанное в его адрес с их стороны.

— Лично я считаю, господа, что это зрелище достойно того, чтобы его увековечил на своем полотне какой-нибудь придворный художник, — высокий юношеский голос говорящего, скрытого от глаз гасконца приоткрытой ставней, ничуть не скрывал вложенной в него иронии, — Назвать как-нибудь вычурно, вроде «Явление в Менге», и отправить в подарок кардиналу: беднягу дю Плесси хватит удар, едва он увидит на картине лошадь, обрамленную ореолом света, словно ангел, несущий на Содом и Гоморру гнев Господень. Вы случайно не знаете, как называется эта расцветка?

— Боюсь, что я тоже впервые вижу нечто подобное, да еще и передвигающееся на четырех копытах, мой друг, — ответил ему тот, что был похож на гончего пуделя, — Хотя, признаюсь, мне она скорее напоминает копну сена, по совершенной случайности ставшей лошадью, вместо того, чтобы попросту быть ей съеденной. Есть в этом цвете что то такое, растительное.

---

[2] Вайда красильная – растение, применяемое для изготовления дешевого и весьма популярного в то время красителя. Обычно окрашивала ткань в синий или зеленый цвета, в зависимости от технологии. Однако, как всякий растительный краситель, выцветает, и при этом дает совершенно дикие расцветки.

— А, может быть, луковая? Такая миленькая, молодая луковица, словно на прилавке вон той девицы, — тонкий палец указал в сторону упомянутой торговки, впрочем, слишком занятой, чтобы это заметить, — «Гасконский луковый», — незнакомец сделал небольшую паузу, словно попробовал это словосочетание на вкус, — «Oignon gasconne pour une belle minion» — звучит вполне мелодично, не так ли? Хотя и безграмотно, конечно.

Вся троица разразилась смехом, и гасконец окончательно решил: ему таки было нанесено оскорбление. К тому моменту лошадь его почти поравнялась с гостиницей, так что он, спрыгнув с нее и вручив поводья кому-то из толпы, проследовал в сторону окна, встав напротив него, поправив берет и подбоченясь, дабы подражать манерам (как он видел) заезжим гостям из столицы.

— Эй, сударь! — закричал он. — Вы! Да, вы, прячущийся за этим ставнем! Соблаговолите сказать, над чем вы смеетесь, и мы посмеемся вместе!

Тот, что в фиолетовом, дернулся было встать, но было остановлен жестом сидящего напротив светловолосого дворянина.

— Сидите, мой друг, — в голосе его проскочила нотка искреннего веселья, — Я вспомнил, что напоминает мне эта картина: луковый пирог! Никогда бы не подумал, что он тут будет! Так что я лучше пойду один, иначе здесь будет слишком много Шарлей. К тому же, сдается мне, что вас он может и одолеть.

Произнеся эту туманную фразу, незнакомец встал из-за стола, чтобы в следующее мгновение материализоваться на пороге гостиницы, не выпуская, впрочем, кружки с вином из левой руки.

— Воистину, натуральный господин Луковый Пирог! Горячий, и даже с пером, как и полагается, — протянул он с непередаваемой интонацией удивления, от которой кровь гасконца закипела еще сильнее, — Я так понимаю, вы оскорблены, сударь, и хотите немедленно драться?

— Черт побери, да! – вскричал юноша, выхватывая шпагу, — И немедленно!

— Что ж… — протянул незнакомец, скривив досадливо губы, — А мне вот категорически сегодня лень…

В следующее мгновение гасконец успел лишь услышать лязг металла, покидающего ножны, как шпага его была вырвана из рук совершенно невероятным образом, а острие рапиры светловолосого оказалось точно напротив его горла.

— Так что будем считать, что вы убиты, — закончил незнакомец фразу, аккуратно убирая свое оружие обратно в ножны, — Надеюсь, это будет вам уроком – не связываться с незнакомцами до того, как узнаете, кто они и как хорошо владеют шпагой. А то за три часа в Париже заработаете случайно три дуэли, на свою голову. И не факт, что в этом случае все обойдется, кстати. Хотя, должно же быть постоянство? Или, хотя бы, гвардейцы.

Произнеся эту, не менее загадочную, фразу, незнакомец повернулся было, чтобы уйти. Однако, гасконец, еще не остывший, и так и не получивший удовлетворения, ринулся тут же поднимать свою шпагу, чтобы броситься ему вслед.

— Куда же вы, сударь? Мы еще не закончили! Не заставляйте меня бить вас в спину!

Светловолосый обернулся, уставившись недоуменно на гасконца.

— Ударить меня в спину? – в его голосе сквозило неподдельное недоумение, — Право слово, гасконцы действительно настолько сумасшедшие, как о них говорят. Неужели вы все еще намереваетесь меня победить? Или, что вероятнее, получить удар в лоб, быть избитым, лишиться письма к де Тревилю и провести дня три в постели, излечиваясь от раны, господин Луковый Пирог?

— О чем вы говорите, сударь? – гасконец остановился, пораженный словами светловолосого, — Откуда вы знаете о письме?

— Ну, это как раз самое простое. Оно, сударь, торчит у вас из под камзола, — незнакомец зевнул, указав правой рукой на грудь гасконца, и запив это высказывание глотком вина из кружки, которую так и не выпустил из левой руки, — Ну, а раз вы гасконец, то конечно едете в Париж и намереваетесь сделать карьеру военного. Пока все верно?

— Да, сударь, — гасконец порывисто кивнул, — Все так.

— Ну, а если вы едете в Париж поступать на военную службу, и с рекомендательным письмом, то направляетесь вы прямиком к капитану де Тревилю, вашему земляку и любителю набирать в роту таких же как он гасконцев. А письмо, несомненно, рекомендует вас как благородного сына какого-нибудь другого гасконца, с ним знакомого. Предполагаю, что даже от вашего собственного отца. Как видите – ничего сложного, — светловолосый пожал плечами и допил вино из кружки, запрокинув голову чуть вверх. – Ну, надеюсь, теперь я удовлетворил ваше любопытство?

Гасконец упрямо тряхнул головой.

— И все же, сударь, вы меня оскорбили!

— Вы про Луковый Пирог, сударь?

— Да, сударь, — кивнул юноша, — И я требую, чтобы вы извинились.

— Ну ладно, — незнакомец пожал плечами, — Будем считать, господин д'Артаньян, что шутка вышла неудачной. Хотя, замечу, что ваша фамилия и луковый пирог слишком хорошо сочетаются, чтобы я мог удержаться… Ну и, конечно, лошадь тоже в этом поучаствовала…

На лице гасконца попеременно отразились гнев, удивление и ошеломление, поскольку в своей насквозь издевательской речи незнакомец, что удивительно, не ошибся с фамилией.

— Вы за мной следили, сударь? – наконец произнес д'Артаньян, решительно поднимая шпагу и становясь в позицию, — Если так, то это только увеличивает количество нанесенных мне оскорблений!

— Не следил, — незнакомец рассеянно оглядел юношу, уделив устремленной на него шпаге чуть больше внимания, чем раньше — Просто я еще как вас увидел, так сразу и подумал: вот он, д'Артаньян! А кругом — канальи[3]. Кто ж знал, что вы и правда он?

— Кто, он?

— Д'Артаньян, конечно.

— Но я и есть д'Артаньян! – юноша почувствовал, что начинает сходить с ума.

— А я сказал как то иначе? – в голосе незнакомца начали прорезаться нотки откровенного веселья, — Хотя я, конечно, поначалу мыслил несколько более… метафорически.

— Вы издеваетесь, сударь! – гасконец, для пущей убедительности, взмахнул шпагой и, в следующий момент, недоуменно уставился на эфес, из которого торчал едва видимый обломок клинка. Большая же часть лезвия, с тихим звоном, откололась и упала на землю прямиком к ногам незнакомца.

— Вот я только собирался сказать, — незнакомец укоризненно ткнул пальцем в сторону эфеса, — Зря ваш батюшка вешал шпагу над камином: сталь от этого портится. А я все думал: как так вышло, что шпага в той главе сломалась от простого удара палкой? Теперь понятно.

Бедный д'Артаньян так и стоял с обломком в руках, чувствуя себя совершенно опозоренным. Незнакомец же, хихикнув, устремил на юношу исполненный веселья взгляд.

— Сударь, предлагаю, все же, продолжить нашу, так сказать, схватку в более удобное для вас время. Где-нибудь в Париже, например, и, желательно, когда вы приделаете к этому эфесу что-нибудь более подходящее.

Д'Артаньян лишь коротко кивнул, хотя в душе у него кипела обида.

---

[3] В оригинале этого выражения вообще были содомиты, но, по определенным причинам, озвучивать это д'Артаньяну не стали, во избежание эскалации конфликта.

— Не вздумайте скрываться или сбежать, сударь, — все же пообещал он, — Я вас все равно найду, хоть и не знаю вашего имени.

— А зачем бы мне скрываться? – искренне удивился незнакомец, — Позвольте представиться: шевалье Шарль де Ивер. К вашим услугам. Но, увы для вас – не сегодня. А теперь, все же, позвольте откланяться.

На этих словах незнакомец развернулся через плечо и скрылся обратно в таверне, оставив совершенно уже растерявшегося гасконца стоять на улице.

Запись первая.

— Я люблю лук, жареный в масле, я люблю лук, как вкусен он! Я люблю лук, жареный в масле, я люблю лук, я люблю лук!

Если вас смущает тот факт, что раздававшиеся из моей глотки вопли, изображавшие знаменитый марш наполеоновских солдат[4], должны были бы звучать лет так на двести позже, чем было на тот момент, то я вас успокою – в моем случае это вполне нормально. Просто, устав от однообразия дороги, я уже перепробовала все возможные вариации французских песенок, известных мне на тот момент – а это, увы, не так и много – и попросту орала все, что придет в голову. А распевать на всю округу о том, какая я распутница, в подражание Милен Фармер[5], было, простите, как то неприлично. Марш же французских гренадеров был, по крайней мере, на французском, в отличие от куплетов про Ришелье, которые пелись мной до этого, сопровождаемые задорным «ли-лон ли-ла» в качестве припева[6]. Хотя, встречных путников чужой язык вряд ли бы так и удивил – мало ли кто ездит нынче по дорогам Франции? А вот бросать поводья, заставив лошадей тащить экипаж самостоятельно, в местности более-менее населенной, категорически запрещалось. Ну, потому что тот же любой встреченный мною путник непременно задался бы вопросом «а как так получается, что лошади идут самостоятельно, но куда надо?», ответ на который давать мне совершенно не хотелось. Поэтому вариант достать лютню и попробовать сыграть что-нибудь веселое на ходу тоже исключался.

Тащиться же так просто полные шесть часов до Парижа, сидя на козлах в качестве кучера было для меня несколько утомительно. Пусть даже козлы эти были куда комфортнее чем седло, на котором полагалось бы путешествовать благородному дворянину, а в карете — хотя сложно назвать таковой экипаж, в котором нет ни одного приличного окна – лежала куча вещей, делающих комфортабельным самое длительное путешествие. Не говоря уже о том, что помимо белья, сорочек, костюмов и прочего платья там были еще кое-что другое, необходимое уже для работы. А вот слугой я так и не обзавелась: для человека в моем положении это было бы слишком неудобно. Служанка же вызывала бы еще больше вопросов, не говоря о том, что, как ни прискорбно, не болтливые женщины встречаются довольно редко, и даже я не всегда являюсь исключением.

Ну вот, например, кто меня тянул за язык? Вот ехал бы этот Дарт, чтоб его, Аньян, спокойно мимо, и ехал себе. Но нет, надо было непременно пошутить насчет лошади. Ну и все, теперь придется, рано или поздно, с ним драться. А все почему? Потому что я, вообще то, не привыкла выпивать две бутылки бургундского еще до полудня. И вообще, больше люблю кофе, вот. Но шевалье де Иверу, в отличие от мадемуазель де Ивер, положено пить именно вино, что уж поделать.

С другой стороны, я всегда подозревала, что местный Господь, в своей божественной милости закинувший меня в этот бренный мир, имеет весьма специфическое чувство юмора. Начнем с того, что зовут меня, на самом деле, не совсем Шарль, а, скорее, очень даже Шарлотта де Ивер – вот я хотела бы посмотреть на выражение лица того гасконца, если бы он это узнал! В письменном виде букв в имени, конечно, намного больше – спасибо ужасной французской орфографии – однако, проблема тут, скорее, не в количестве букв, а в том, что уродись

[4] Chanson de l'oignon начинается именно с этого куплета, просто обычно его слышат на языке оригинала.

[5] Милен Фармер, Libertine.

[6] Дуэт Миледи и Рошфора из русской экранизации романа «Три Мушкетера».

я англичанкой, звали бы меня Винтер[7]. Но! До встречи с небезызвестным гасконцем я даже не задумывалась о подобном совпадении, несмотря на то, что милостью и волей начальства вот уже который год торчу во Франции, пусть и не являясь при этом шпионом кардинала. Хотя, конечно, я регулярно ему отчитываюсь, хоть и делала это пока только через Рошфора. И замужем ни за каким графом де ля Фером я тоже не была. Так что, наверное, и голову мне рубить не за что. Хоть это утешает. Но, наткнуться на героя романа из совершенно другой вселенной, спокойно разгуливающего во плоти – это то, что все равно выбивает из колеи. И еще раз напоминает о том, что чувство юмора Господнего не только специфично, но местами и откровенно паскудно. Ибо ничто так не ломает четвертую стену прямо тебе в душу, как напоминание о том, насколько лично ты чужая для этого мира.

В общем, смирись, дорогая, отныне ты – Миледи. Впрочем, никто, кроме меня и, пожалуй, еще парочки сестер из моего Ордена, толком даже не понял бы о чем, собственно, идет речь. Все потому, что, в отличие от нас, они изначально родились здесь, и не знакомы ни с романами Дюма, ни с его интерпретациями режиссерами и писателями. Спросите, почему с ними знакома я? Хороший вопрос.

Начнем с того, что я – ведьма. Банально, но факт. А ведьмы (и колдуны тоже) – это такие несчастные люди, которым известно об этом мире слишком много, чтобы оставаться нормальными. Потому что нормальный человек, когда рождается, не помнит ничегошеньки из его прошлых (или будущих – потому что вне материального мира время это ну очень относительная штука) жизней, и живет себе спокойно, даже если и перерождается несколько раз. Ведьма же или колдун – обманщики, которые в один прекрасный момент своего перерождения вспоминают все, что прожили до этого момента. Начинается это где то в момент полового созревания, а к годам шестнадцати большая часть из нас заканчивает жизнь самоубийством или же попросту сходит с ума. До недавнего времени те, которым везло чуть больше, и они оставались в относительном, но хотя бы уме, после обретали доселе невиданные возможности и становились гениальными изобретателями, скульпторами, врачевателями и так далее, и в скором времени чаще всего заканчивали свою жизнь на костре – ну, потому что Церковь искренне полагала, что для таких результатов надо было продать душу дьяволу. Те же, что поскромнее, даже украсили собой несколько страниц учебников истории, оставив потомкам право спорить каждый раз, были они таки колдунами или нет. А лет так сто назад в светлую голову тогдашнего Папы Римского пришла в голову мысль о том, что раз один из так называемых колдунов столь прекрасно расписал стены его любимой капеллы, то, вполне возможно, и таланты их происходят далеко не от дьявола. Так что церковники выкупили под свой эксперимент целый остров Эльба, и построили на нем что-то вроде монастыря – и к себе поближе, и от глаз людских морем отгорожено – чтобы содержать и взращивать на благо Церкви таких вот, как я. Разумеется, если нас вовремя выявить, отнять от родителей и перевезти туда, где, под чутким руководством и наблюдением, можно не только добиться куда меньшей смертности, но и воспитать в должном ключе и послушании. Никогда не любила историю Ордена, поэтому, если честно, за подробностями не ко мне.

Могу лишь сказать, что ни в одном другом монастыре вы не встретите больших ревнителей целибата, чем в среде послушниц академии ордена Екатерины Александрийской. Разве что в ордене Христофора Ликийского – мужском аналоге того заведения, из которого выпустили меня, но, в отличие от женщин, мужчинам с этим намного проще. А вот женщины, лишившиеся девственности до достижения ими двадцати трех лет (возраст, в котором, как считается, психика заканчивает формирование) рискуют получить рецидив всего того кошмара, который пережили ранее, причем намного сильнее. Мне вот, например, двадцать три уже исполнилось, хотя выгляжу я все еще так, словно застряла в своих семнадцати годах. Но, в отличие от мно-

[7] Hiver и Winter обозначают одно и то же: «Зима».

гих коллег, пускающихся в загул как только открывается такая возможность, меня не слишком тянет к мужчинам. Скучные они какие то. Да и женщины, если честно, тоже.

Вполне возможно, я в последней жизни просто тихо и мирно померла на кушетке в окружении любящих родственников – хотя мой характер, который, как утверждают знающие люди, редко меняется при перерождении, оставляет мне мало шансов именно на родственников. Но что тихо – это точно. Потому что первое, что ты видишь и переживаешь, когда начинаются видения – это все свои насильственные смерти. Точнее, конечно, жизни, которые ими закончились, но в очень сжатом виде, так что смерть все равно самое запоминающееся. После этого тот ад, которым пугают грешников, как то уже не впечатляет, тем более, что в зависимости от того, сколько их там было, это может продолжаться от нескольких месяцев до нескольких же лет. У меня, к слову, после этого появилась паническая боязнь пожаров, и это я еще легко отделалась. Некоторые бояться совершенно простых вещей, вроде апельсинов или кошек, и лучше не спрашивать их, как так получилось. Зато, вместе с кошмарами приходит и плата за них, потому что чем больше перерождений ты вспоминаешь, тем сильнее становишься. Сила же, ко всему прочему, дает множество приятных бонусов: я, например, точно знаю, что пройдет еще лет двести, а я – если к тому моменту не помру от естественных причин вроде стали между ребер или отравления кусковым свинцом, оказавшимся в больших количествах не в том месте организма – буду выглядеть почти так же молодо, как и сейчас. Ну разве что на пару лет так старше. Сестры подозревают, что организм от такого стресса просто выключает какой-то генетический механизм, ответственный за старение, но точно до сих пор никто не знает. Потому что в семнадцатом веке, знаете ли, сложно найти даже банальный микроскоп, не говоря уже о совсем банальном генетическом секвенаторе. Даже если ты не просто когда то о нем слышала, но даже лично пользовалась в одной из уже прожитых жизней. Печально, но факт.

Вот кстати, если честно, главная проблема всех ведьм и колдунов, по крайней мере здесь – это именно отсутствие материальной базы. Глядя на окружающую реальность, состоящую из хитрых, но исключительно дремучих крестьян и всяческих шевалье со шпагами наперевес, у которых за показательной спесью и есть всего то на шпагу больше, чем у латыша из известной поговорки, твое подсознание, угнетенное местными нравами и отягченное знаниями периода куда более поздней цивилизации, может сколько угодно выдавать тебе мечты если не о пулемете, то хотя бы о банальном «Макарове» или «Вальтере ППК», как в тех историях о попаданцах, что будут популярны, кажется, в начале двадцать первого столетия. Однако, даже если ты досконально знаешь чертеж оружия, чтобы изготовить точную его копию, придется, для начала, поднять на соответствующий уровень всю промышленность, чтобы изготовить хотя бы достаточно точный фрезеровальный станок. А уж о таких вещах, как технология производства гильз, вместе с обработкой металла и нужных химических и физических формул для того, чтобы эту конструкцию не разорвало при первом выстреле, я лучше вообще промолчу. С остальными вещами все обстоит примерно так же, и, поверьте мне, без холодильника жить намного сложнее, чем без автомата от концерна «Калашников». Уж я то знаю.

Так что приходится довольствоваться тем, что есть, и совершенствовать то, что можно совершенствовать – пусть даже это заключается в том, чтобы уговорить некого Шарля д'Альбера[8]отправить рабочих отремонтировать канализацию, оставшуюся еще со времен Лютеции, и заставить крестьян хоть немного освоить сельское хозяйство на уровне, считающимся современным в 1615 году. Нет, серьезно, до того, как Орден занялся Францией, сельское хозяйство тут было до чрезмерности отсталым, а урожайность была таковой, что голодные годы случались с пугающей регулярностью. А теперь я, по крайней мере, имею возможность есть морковь, которая хоть немного похожа на морковь, а при виде роющегося в грязи животного не пригля-

[8] Шарль д'Альбер, герцог де Люин, миньон Людовика XIII. До своей смерти в 1621 году, и появления на политическом поле кардинала Ришелье, был тем человеком, который, по сути, управлял Францией вместо короля.

дываться поначалу, чтобы отличить то, что называлось свиньей при Анри Четвертом[9]от пробегающей мимо собаки. И что мы получили взамен? Крестьяне все равно недовольны тем, что им приходится, дескать, больше работать, дворяне тем, что отожравшиеся крестьяне теперь хотят больше свободы и меньше налогов, и все вместе все равно недовольны кардиналом просто потому, что он – кардинал и премьер-министр. Люди не меняются, как бы вы не делали мир лучше, это точно.

Но, вообще то я ведь вела речь о ведьмах и колдунах, а не о людях. Так вот, что еще полезного ты приобретаешь, будучи таковой? Кроме внезапного знания репертуара еще не рожденной певицы и всяких умных слов типа «генетический секвенсор», конечно. Кто-то – почти ничего. Кто то получает знания психологии, способные буквально загипнотизировать кого угодно, или, например, способность исцелять прикосновением, словно святые или некоторые монахи. Мне вот, в частности, досталось улучшенное восприятие – при желании или во время стресса я начинаю воспринимать все окружающее словно в замедленной сьемке, а еще я иногда чувствую, что случиться в будущем. Правда, очень недалеком, но предвидеть удар кинжала из-за угла – тоже полезный навык. В сочетании с тем, как меня (и остальных сестер тоже, но меня – особенно) гонял отец-воспитатель, в прошлом ходивший на двойном жаловании, пока не подался в монахи… В общем, в плане фехтования у бедняги гасконца не было и шанса. Я, конечно, не сильнее и даже не сильно то и более ловкая. Но я просто быстрее, и опыта у меня, если прикинуть, чисто технически лет так на пятьдесят больше. Еще мне обычно везет в азартные игры, а бессознательный талант вляпываться в неприятности в самое подходящее для этого время я за дар не считаю – это черта характера. И, конечно, я вижу всякое странное, но это, собственно, и талантом считать нельзя.

Потому что духов, демонов и ангелов начинают видеть все из нас. И вот честно, уж лучше бы мы этого не делали.

Но колдовать без этого, увы, никак. Это мы тоже умеем. Если разрешат. Правда, церковь по прежнему смотрит на колдовство как на происки дьявола, и никакие попытки объяснить обратное к успеху не приводят, ибо уже после слов про пси-фактор и волновую гармонизацию святые отцы непроизвольно тянуться или к кресту на груди, или – кто поопытнее – к подсвечнику на столе. Потому что подсвечником бить удобнее.

[9] Более известного в России как Генрих Наваррский.

Запись вторая.

А вот в том, что я выдавала себя за мужчину, нет ничего удивительного. И дело вовсе не в пресловутых каких то там правах –посмотрите на ту же герцогиню де Шеврез и спросите себя, есть ли у нее права или нет, и как она относится к общественному одобрению своего поведения. Просто, это избавляет от кучи неудобных вопросов, начиная от того «почему вы не замужем» и заканчивая «почему вы путешествуете одна». И вообще, от женщин ждут вполне определенного поведения и воспитания, а я не соответствую ни тому, ни другому. Ведьм же, несмотря на то, что церковь придала им легальный статус, в народе по прежнему не жалуют, а, значит, путешествовать в этом качестве мне тоже не с руки. Мужчиной же мне, в здешних краях, прикидываться довольно просто хотя бы уже потому, что каждый раз, когда я смотрюсь в зеркало, на меня глядит физиономия, сильно похожая на Имоджен Стаббс[10], будь она в том же биологическом возрасте. Поэтому, если убрать всю косметику (а для этого надо, сначала, начать ей пользоваться), то даже не придется налеплять фальшивые усы, чтобы я прекрасно сошла за близнецов из «Двенадцатой ночи», причем в любой из ипостасей. И, как мне кажется, буду сходить еще долго, потому что типичная французская дворянка выглядит, скорее, похожей на королеву-мать: пухлые черты лица, большие глаза чуть навыкате, гордый нос и пухлые же губы. Я же, без помады и белил, повторяюсь, выгляжу скорее как миловидный французский паж. Да и размером груди меня порядком обделили, так что бинтовать особо нечего, а походка, по словам матери-настоятельницы, вообще деревянная. В общем, так себе из меня девушка, по меркам французского двора. Что меня, памятуя нравы этого самого двора, полностью устраивает – мне вот только приставаний и ухаживаний и не хватает для полноты жизни. А в виде мужчины я вполне симпатичная. И достаточно юно выгляжу, чтобы не разбивать слишком много сердец, потому что среди дворян, по крайней мере, в моде здесь борода и усы, а их мне от природы, по понятным причинам, не досталось. И потому, на фоне любого приличного шевалье я смотрюсь юным щенком, даже не достойным лишнего упоминания. Более чем удобное положение, учитывая тот факт, что привлекать внимание мне, как раз, и не надо.

Что же касается всяческих неудобных вопросов, которые могут задавать мужчинам вроде меня, типа «не соблаговолите ли вы сделать пожертвование в пользу вольных братьев в виде кошелька» или «как вам идея прогуляться в двенадцать часов к ограде соседнего монастыря, для богословской беседы» меня, обычно, не волнуют. Потому что пугать меня такими вещами в принципе бесполезно. Я страшнее. Хотя, конечно, некоторым приходится это доказывать. Вот, например, та троица грабителей, которая нарвалась на меня на тракте по пути в Париж, явно думала, что это я так неудачно оказалась с ней на одной дороге, когда выскочила мне наперерез из кустов в надежде быстрой поживы. Мысль о том, что это им не повезло оказаться на моем пути, пришла в голову первого из них вместе с пистолетной пулей. Второму повезло чуть меньше, потому что левой рукой я практически не целилась, так что угодила ему прямо в живот. Третий же настолько был ошеломлен таким поворотом событий, что так и не понял, что лошади, выращенные в конюшне на Эльбе, совершенно не собираются ни пугаться стоящего у них на дороге человека, ни, тем более, перед ним останавливаться, так что негодяй попросту угодил под копыта, заставив меня громко выругаться, когда карета, под колеса которой он, в конечном итоге, попал, подскочила и накренилась. А я, гордо торчавшая сверху с пистолетами в руках, соответственно чуть было не свалилась вниз совершенно неподобающим образом.

Впрочем, к тому моменту, когда я все же остановила экипаж и, засунув пистолеты обратно в кобуру, привешенную к козлам как раз на такой вот случай, спустилась вниз, этот

[10] Британская актриса, сыгравшая Виолу в экранизации «Двенадцатой ночи» 1996 года от Тревора Нанна.

молодчик успел проползти еще пару шагов и все равно издох, оставив меня наедине с раненым, громко стонущим и держащимся руками за живот в попытке остановить кровь. Так что я сначала спокойно достала огниво – прелестнейшую вещицу, представлявшую собой развинчивающийся на две части пенал, превращающийся в удобное кресало из какого то пирофорного сплава и кремень в виде круглого же напильничка, одна из разработок сестер, между прочим – запалила припасенный под козлами факел и уже потом прошлась по дороге, нависнув над раненым и, на всякий случай, отбросив ногой лежавший возле него топор куда подальше.

— Прошу… — разбойник, оказавшись в свете факела, поначалу отвернул голову, но потом постарался смотреть прямо на меня, — Пощады… Помогите мне, добрый сударь…

К несчастью для него, эмпатия редко входит в скромное число моих добродетелей. Особенно учитывая тот факт, что возьми они верх, я бы была как минимум ограблена. А возможно, даже убита. А перед этим, возможно, еще и изнасилована.

— Без шансов, — сообщила я, приблизив факел ближе к нему и разглядывая рану, — Я пробила тебе кишки и желудок, а здесь, увы, медицина бессильна. Так что у тебя, господин разбойник, есть ровно два варианта. Первый: ты честно и правдиво отвечаешь на мои вопросы, я тебя гуманно добиваю и даже оттаскиваю ваши немытые тела на обочину дороги, чтобы их потом кто-нибудь отпел и похоронил. И даже произнесу над вами скромную молитву лично. Второй – ты мне врешь, и я забываю тебя тут, чтобы ты через пару дней все равно умер в страшных мучениях от воспаления крови и гниющих заживо кишок. И не забывай, что я увидела вас ночью через кусты за тридцать шагов – поэтому, собственно, у вас ничего и не вышло. Так что уж такую банальную вещь как ложь я распознаю сразу. Итак?

В глазах разбойника мелькнул ужас, смешанный с отвращением.

— Ведьма! Дьявольское отродье… Лежать бы тебе в гробу, если бы не так.

Он попытался сплюнуть, однако вышло плохо, так что он всего лишь испачкал себе подбородок кровью, смешанной со слюной.

— Значит, будет по плохому, — я пожала плечами и, неожиданно для него, резко опустила каблук сапога на его колено. Раздался хруст, разбойник взвыл от боли, а я, развернувшись, спокойно направилась обратно к карете. Несущиеся вслед проклятия я попросту пропустила мимо ушей – вряд ли, в них содержалось для меня что-то новое. А вот играть в благородство меня отучили еще пока я валялась в бреду, постигая кошмары собственных смертей. И, разумеется, проклятия сменились умоляющими просьбами как только он понял, что я не шучу – но к тому времени я уже забралась на козлы и пустила лошадей в шаг. Я ведь обещала, что забуду его на дороге? Так почему он так удивляется, что именно это я и сделала? Все честно.

Однако, к тому моменту как я перезарядила пистолеты – что не совсем быстрый процесс, когда делаешь это на ходу сидя на козлах – и заставила лошадей перейти с шага на рысь, я все таки потеряла лишний час. Поэтому к Парижу, вместо намеченного вечера, подъехала уже к сумеркам. И этот милый факт, вместе с особенностями местных картографов, сыграл со мной совершенно забавнейшую шутку.

Вот скажите мне, что должен думать нормальный человек, когда видит перед собой карту? Я, например, считаю, что север у нее расположен сверху. А вот автор того плана Парижа, который я раздобыла, чтобы не заблудиться ненароком в незнакомом городе считал совершенно иначе. И выстроил всю карту вдоль Сены, тем самым разместив север где то в нижнем левом углу. Прибавим к этому тот факт, что до этого я как то умудрилась избежать знакомства с местной столицей, потому что Рошфор-старший, обычно возивший мне письма от Его Высокопреосвященства, предпочитал встречаться где-нибудь подальше от столицы и глаз шпионов, плохое освещение и общую усталость от дороги, и поймем, каким образом я умудрилась оказаться возле церквушки Сен-Сюльпиз, будучи в полной уверенности в том, что въезжаю в город со стороны ворот Сен-Онор. И только задержавшийся у церковных ворот нищий, кото-

рому я бросила монетку в качестве платы за подсказку, указал мне на мою вопиющую ошибку, вызванную моей же полной неспособностью к восприятию местной картографии. Попытка же моя вырулить вместе с экипажем куда-нибудь на менее тесную улицу, чтобы направиться из пригорода, куда меня занесло, непосредственно в Париж, была прервана самым что ни на есть наглым образом. А именно, вылетевшим под ноги лошадям мужчиной в гвардейском плаще, упавшим на мостовую в паре туазов от кареты вместе с дверью которая, судя по болтавшейся над тем местом, где она до этого стояла, вывеске, принадлежала местному кабаку. Впрочем, шлепнувшись на землю, эта кардинальская птица тут же вскочила, выхватила шпагу и устремилась внутрь, откуда и так уже раздавались звуки драки и лязг железа, который, по всей видимости, стоило отнести к наличию шпаг и у остальных участников этого веселья. Приличный человек на моем месте тут же развернулся бы и ушел куда подальше. Я же, как ведьма, все равно никаким боком не попадала под названное определение, тем более что с экипажем мне все равно было некуда деваться, поэтому осталась и принялась ждать окончания драки. Просто из любопытства.

Ждать, впрочем, пришлось не очень долго. Где то через минуту из двери появилась троица дворян, в одном из которых я, к своему удивлению, узнала давешнего лукового гасконца. Дернувшись, поначалу, в мою сторону, и обнаружив, что карета перекрыла им практически всю дорогу к церкви, они не стали тратить время, чтобы ее обходить, и бегом двинулись в противоположном направлении. А выскочивший следом гвардейский патруль из четырех человек погнался за ними, громыхая подошвами сапог по мостовой и изрыгая ругательства, парочку из которых я даже на всякий случай запомнила, настолько красиво и метафорично звучали они на языке еще не рожденного Вольтера. Сама же я, по здравому размышлению, спрыгнула с козел и направилась внутрь кабачка, чтобы посмотреть, что там от него осталось и, по случаю, может быть перехватить хотя бы глоток вина. Лучше всего, крепко разбавленного и в сопровождении куска прожаренного мяса. Потому что, напоминаю, я ехала шесть часов без всякой остановки, и какие то там гвардейцы или их соперники не имели никакого права стоять между мной и поздним ужином! Так что, я переступила валявшуюся на земле дверь и зашла внутрь, где, в свете парочки уцелевших свечей, пробралась аккуратно через распластанные на полу тела и отыскала хозяина, выудив его за шиворот из-за бочки в углу, за которую он, видимо, спрятался еще в начале драки. А затем многозначительно покрутила перед носом выуженным из кошелька испанским дублоном[11].

— Это – убрать, — я широким жестом указала на разгромленное помещение кабака, — Мне – много вина с водой и чего-нибудь поесть. А, если найдешь, куда пристроить экипаж и два коня, получишь еще столько же.

— Так ведь время то позднее, шевалье, — попытался было улизнуть хозяин, но я непреклонно спрятала дублон в кулак, оказавшийся перед его носом.

— То есть, ты хочешь сказать, что всякую гасконскую пьян мы, значит, в неурочное время обслуживаем, да? – зловеще протянула я, — А усталого путника после долгой поездки, значит, не обслуживаем?

— Понял, понял, часто закивал хозяин, тут же испарившись в сторону кладовой. Я же, подняв с пола пару уцелевших подсвечников, зажгла их, пристроив на ближайший стол. И, таковым образом внеся свою скромную лепту в уборку царившего разгрома, принялась ждать обещанной еды, разглядывая все тот же план города.

От попыток соотнести изображенное с реальным географическим положением себя в пространстве – я, к тому моменту, уже нашла искомую церквушку в правом нижнем углу карты (хотя ей полагалось быть в нижнем же, но левом) меня отвлек появившийся долговязый слуга,

[11] Испанский дублон во Франции известен как пресловутый «пистоль», и равен по курсу 10 ливрам.

принявшийся расставлять на место мебель. А точнее, тот факт, что когда он запнулся об одно из лежащих на полу тел, то это самое тело внезапно издало тихий протяжный стон.

— Глядите, милсдарь, этот то – живой! – удивленно воскликнул слуга, наклоняясь над телом и переворачивая его на спину. Пришлось, со вздохом, подхватить свечу и пойти тоже посмотреть. Все таки, после той троицы на дороге, надо бы было сделать и что-то хорошее. Для кармического баланса, так сказать. Однако, увидев лицо лежавшего, я все таки выругалась.

— Вот черт, — сказала я с непередаваемой досадой, — Именно его то мне и не хватало!

Запись третья.

Этого господина, то есть, стонущее на полу тело, я, несомненно, уже видела ранее. Правда, тогда он был моложе, и еще не приобрел прискорбной привычки чуть что напиваться вином до беспамятства (о которой поведал мне пришедший на охи и причитания слуги хозяин трактира). А точнее, встретила я его лет так десять, наверное, назад, когда я, по поручению матушки-настоятельницы, выслеживала в Верхних Альпах банду разбойников, возглавляемых не в меру ретивым колдуном, сумевшим ускользнуть от внимания церковников в период своего становления. Однако в то время мне бы и в голову не пришло, что таскавшийся за мной с тем же рвением, с которым я сама бегала по альпийским лугам за чертовым колдунишкой, заезжий дворянчик лет так двадцати с небольшим, назвавшийся скромным именем Оливье, и Атос, который граф де ля Фер – это одно и то же лицо. Просто потому, что на такие мелочи я попросту не обращала внимания – это было мое первое задание, и я старалась его не провалить, чтобы получить квалификационный ранг. Тогда я, конечно, еще не приобрела этой привычки переодеваться мужчиной, но все эти цветочки-хаханьки и попытки купить мое внимание посредством того, чтобы всучить мне в подарок какую-нибудь драгоценную безделушку вызывали во мне даже большее неприятие, потому что, во первых, я так и не привыкла к тому, что в этом времени приставать к девушкам, выглядящим в лучшем случае на шестнадцать – это вполне нормально, а, во вторых, в любом случае я все еще должна была держать целибат. А, судя по обращению со мной упомянутого Оливье, в промежутках между ухаживаниями позабывшему о том, чтобы сообщить мне, что он еще и виконт де ля Фер, рассчитывал он на гораздо большее чем какие то там поцелуи (их тоже не было!). Так что я, в какой то момент, просто не выдержала и призналась ему, что я – ведьма. А значит вот ничего ему вообще не светит, в ближайшие много так лет. И нет, конечно, повесить он меня после этого не пытался, и даже не скинул с обрыва, возле которого мы тогда стояли. Но, определенно, придумал себе, что я его (вот мне оно надо!) зачаровала. И с тех пор, видимо, как запил, так и продолжает напиваться в попытках залечить униженное мужское эго. В общем, с моей точки зрения, афонский баран[12]он, а не граф де ля Фер, хоть и весь из себя мушкетер.

Кстати об этом. Я так поняла, что тот самый д'Артаньян все таки нашел эту свою троицу, и даже успел с ними подружиться, хоть и прибыл в Париж на день раньше, чем должен был в романе. Что говорит нам о том, что реальность имеет свойство стремиться к постоянству, как ни крути. Хорошо, что я здесь совершенно не при чем, хотя – чисто на всякий случай – я торжественно поклялась перед собой, что ни под каким предлогом не буду вмешиваться ни в какие дела с подвесками и, тем более, пошло травить несчастных кастелянш по монастырям. Себе дороже, а то голову, все таки, возьмут и отрубят, пусть я в своей жизни не обижала ни единого палача, даже если он был из славного города Лилля. Так же, именно из боязни быть обвиненной в оставлении ближнего своего в беде, а вовсе не из каких-либо сентиментальных чувств к бывшему ухажеру, я все таки сходила до экипажа и, вернувшись с парой склянок и чистыми бинтами, сначала влила в рот несчастного Атоса хорошую порцию маковой настойки для обезболивания (и ради того, чтобы он, не дай Бог, не очнулся невовремя, тоже), а потом, безошибочно определив, куда его там именно проткнули, спокойно обработала рану, промыв ее обеззараживающим раствором для начала и потом тщательно замотав бинтом, предварительно нанеся на кожу специальный травяной с минералами бальзам. Потому что вот чего-чего, а приличными аптечками у нас могут похвастаться все сестры, даже те, которые не связаны

[12] В оригинале - bélier de l'Athos. Если кто то еще не знал, то Атос – это, вообще то, французское название горы, на русском именуемой Афоном.

напрямую с медициной, а раз уже мне пришлось ухаживать за кем то, пусть он даже трижды афонский баран, делать это надо качественно.

Под конец же я позвала хозяина и в ультимативной форме привлекла его, вместе со слугой, донести несчастного де ля Фера до его дома на столешнице, оставшейся, весьма кстати, без единой ножки после того, как на нее уронили кого-то из валявшихся тут же гвардейцев. Благо, идти то было всего ничего, учитывая, что жил, как оказалось, он буквально над кабаком, пусть вход в его комнаты и находился снаружи. Так что, понукаемая постукиванием все тех же дублонов в моих пальцах, эта парочка оттащила господина Атоса наверх, где даже передала в руки его собственного слуги – типа до того неприметно-заурядного с виду, и к тому же молчаливого, что я вряд ли бы смогла подобрать соответствующие эпитеты к его описанию. Ну такой типичный Жак, по кличке, насколько я помню, Гримо. Очень ему подходит, если честно. Для лошадей неподалеку все же нашлось стойло с даже приличным кормом, а вот самой мне же пришлось довольствоваться комнаткой на чердаке – потому что весь второй этаж, состоявший, собственно, всего из трех комнат, занял Атос с его слугой, а, после небольшого раздумья, я все же решила не тащиться посреди ночи через весь Париж, руководствуясь, к тому же, планом, на котором вместо Королевской площади, куда мне и было надо, все еще находился Турнирный Двор. Однако, после того, как я все таки выпила пару кувшинов сильно разведенного вина и сожрала («съела» звучало бы слишком деликатно для этого процесса) кусок слегка подогретой свинины, я обнаружила, что спать я совершенно не в состоянии. Настроение было не то. И вообще, на меня накатило. И, возможно, я все таки была капельку пьяна…

… Так что, исполняя, пусть и не так громко, как хотелось, знаменитую «Даму из Арагона»[13], я старательно заменила Арагон на Альпы, а Анну-Марию на Шарлотту, благо, на каталонском сделать это было довольно просто. И вообще, к последнему куплету я, если честно, орала в полный голос, а стиль исполнения и вовсе стал напоминать фанданго.

— Вечно буду в сердце помнить кудри светлые твои, о, прощай, моя Шарлотта, ты разбойница любви, моей любви! – струны лютни, явно не приспособленные для игры боем, все еще обиженно трепетали, а я очнулась от наваждения, наконец то услышав настойчивый стук в дверь, за которым последовала довольно вежливая, но не менее настойчивая просьба прекратить безобразия, пока сюда не явилась стража или что-то еще подобное. И вот тогда я все таки легла спать.

А, проснувшись довольно рано, оставила Гримо, хозяин которого все еще спал крепким сном (спасибо маковой настойке), флакон с бальзамом для ран и направилась, наконец, в сторону Королевской площади. К тому моменту я, все таки, сориентировалась в различиях между нормальной географией и старым моим планом Парижа, так что до моста Турнель — за проезд по которому с меня, между прочим, содрали кучу денег – я добралась довольно спокойно. А вот после моста Святой Марии я сглупила, направившись по набережной, так что, уткнувшись в Арсенал, немного поплутала по улочкам, промахнувшись мимо площади и выехав, вместо этого, прямиком к Бастилии. Так что пришлось разворачиваться и ехать обратно, пока я, со второй попытки, не нашла все таки Королевскую улицу и, проехав под аркой и чуть было не расшибив голову об украшающую ее лепнину не оказалась на нужной мне площади. А уж отыскать угловой от въезда особняк по правую руку, который Орден снимал у владельцев как раз на такой случай, было легко[14]. Куда сложнее было определиться с тем, кто, собственно, должен заниматься каретой, лошадьми и перетаскивать все мои вещи наверх, но для этого, как выяснилось, была предусмотрена целая служанка, обнаружившаяся внутри, когда я, воспользовавшись выданным мне ключом, открыла дверь и вломилась в прихожую, внутренне

[13] Песня La Dama D'Aragó, в исполнении La Cobleta de la Selva наиболее близкая к тому, что имеется в виду в тексте.

[14] Да и сейчас это сделать не так и сложно. Там располагается дом-музей Виктора Гюго, а сама площадь теперь называется не Королевской, а площадью Вогезов.

уже содрогнувшись и представив себе холодные стены и пыль, которые – за неимением пока в апартаментах иных жильцов, кроме меня – неизбежно должны были ждать меня в самом начале заселения.

И, разумеется, эту довольно молодую и болтливую особу с черными кудряшками вокруг миловидного личика звали Кэти. Пора бы и привыкнуть, собственно, что совпадений не бывает, и это все – чистой воды закономерность. Впрочем, Кэти была совсем не бесполезна. Вооруженная моим кошельком и зарядом собственного оптимизма, она быстро нашла где-то людей, за довольно скромную плату перенесших мой багаж внутрь особняка, пока совершенно прохиндейского вида кучер отгонял карету в оказавшуюся буквально на соседней улице конюшню. Собственно говоря, относительно дома конюшня была вовсе за стеной, однако, по многим причинам, двери в том направлении не были предусмотрены, пусть из части окон я, как оказалось, могла даже любоваться на тот самый двор. Ну и ладно. Ездить по Парижу я все равно предполагала редко и верхом, так что ничего страшного. Однако, пока я плутала по многочисленным комнатам и разглядывала огромных размеров кровать с балдахином, должную служить мне в качестве спального места, мне пришла в голову мысль о том, что, возможно, мода на любовников, распространенная при дворе, имеет под собой куда более практическое основание, чем мне казалось. Потому что, несмотря на почти уже летнюю погоду за окном, в помещении все еще было достаточно прохладно, так что я все еще зябко куталась в плащ. А мысли о том, во сколько мне обойдется протопить все это (если вообще получится) до приемлемой, в моем понимании, температуры, заставляли жалеть о том, что у меня нет собственных золотых рудников, как у какого-нибудь графа де Пейрака. Поэтому наличие под боком одного, а лучше парочки, крепких и, главное, теплых, мужских (хотя можно и женских, наверное) тел казалось уже не таким уж и распутным вариантом. От мрачных мыслей меня отвлекла все та же Кэти, заявившая о том, что набрала мне ванну. А еще, в ответ на мои опасения касательно расходов, показавшую мне торчавшую за ширмой печь.

Ну да, надо все таки помнить, что ты, все же, ведьма, а где то на Эльбе в канцелярии, отвечающей за рационализацию и изобретательство, сидит одна моя одноклассница с говорящими именем Айно и фамилией Ярвинен. Так что чем-чем, а качественным отоплением я обеспечена – и мне плевать, сколько Орден потратился на то, чтобы достать для этой печки правильный камень[15]. Все равно экономия выходит такая, что вся постройка окупилась уже после первой же зимы. А, значит, и ванна у меня будет когда угодно, а не только по праздникам. Прощай, обтирание губкой с холодной водой по утрам, да здравствует полноценное мытье! Ну, или хотя бы губка с теплой водой вместо холодной – надо, все таки, знать меру. В любом случае, уже в следующую минуту Кэти могла видеть картину того, как её хозяйка, с радостным визгом, совершенно не подобающим ни знатной даме, ни тем более шевалье, несется в сторону искомой ванной, срывая с себя одежду и белье.

Потому что, знали бы вы, как я по этому соскучилась…

[15] Из чего следует, что в этой вселенной особняк Роганов укомплектовали как минимум одной финской печью из талько-магнезита. Для климата Франции это даже сейчас более чем достаточно, а уж до похолодания 1716 года подобный обогревательный прибор и вовсе можно считать избыточным.

Запись четвертая.

В то самое время, когда д'Артаньян и неразлучная троица мушкетеров как раз получали заслуженный выговор у де Тревиля, по поводу вчерашней драки в кабаке, я как раз закончила плескаться в ванной и, переодевшись в одежду, более подобающую придворной даме, направилась на встречу с кардиналом Ришелье, воспользовавшись для этого услугами того самого кучера с прохиндейской наружностью и каретой. Не той, разумеется, на которой приехала сама – та прекрасно подходила для путешествий, но, с точки зрения эстетики, походила более на повозку для заключенных Бастилии, чем на представительский экипаж.

Арма́н Жан дю Плесси́ де Ришелье, новоиспеченный премьер-министр Франции, тогда еще не успел обзавестись собственной резиденцией в виде Пале-Рояль, поэтому Его Высокопреосвященство единолично занимал довольно скромный, внешне, особняк на улице Бон Анфан, бывший, кстати, совсем неподалеку от места его будущей резиденции, так что он из своих окон мог спокойно наблюдать за тем, как каменщики и прочие строительные рабочие разбирают старые парижские дома, чтобы возвести на их месте величественный дворец, не просто не уступающий, а несколько, даже, превосходящий стоявший неподалеку же Лувр. Мне все былоинтересно – а как к этому факту относится сам король? Впрочем, какое мне дело. Мне – а еще целой Канцелярии долгосрочного планирования Ордена – хватало и того факта, что этот самый дворец уже строился. Хотя исторически его строительство должно было начаться лет так на пять позже.

А все потому, что, то ли благодаря деятельности нашего Ордена, то ли в силу слабости Господней к творчеству иномирного писателя Дюма, местная хронология и так сильно отличалась от той, которая была известна сестрам по их воспоминаниям. Хотя, скорее всего и то, и другое – время, как известно, относительно, а мы, своими действиями в попытке цивилизовать общество, уже его постоянно торопим. Так что неудивительно, что совершенно не зависящие от нас вещи тоже наступают раньше, чем им положено. Например, пресловутый де Тревиль, вообще то, должен был стать капитаном только через 9 лет, однако здесь он к двадцати семи своим годам уже успел отличиться настолько, что получил этот чин сразу, перескочив через су-лейтенанта и лейтенанта (мое почтение, кстати, этому господину, хотя я его еще ни разу не видела). Неудивительно, что д'Артаньян, видя перед собой такой пример, решил, что он так тоже сможет. Да и роту гвардии кардинала здесь сформировали на два года раньше, чем в моей земной истории – там она появилась только в 1926 году, уже после заговора Шале. Сам же заговор Шале тоже сместился на год вперед, хотя еще и не состоялся – так что Портос, наверное, все еще вряд ли должен был о нем говорить в приемной де Тревиля в ожидании взбучки, хотя в романе он, несомненно, делал именно это.

Ну, а о том, что заговор еще не состоялся, я знала точно. Потому что в большой кожаной папке, которую я держала в руках, пока шла от кареты до приемной кардинала, как раз содержались бумаги, касающиеся этого самого заговора.

— Ваше высокопреосвященство, — войдя в кабинет, я остановилась возле двери, изобразив положенный этикетом реверанс, хотя и не отрывая глаз от человека, сидящего напротив за большим письменным столом. Кардинал Ришелье, Красный Герцог, и прочая и прочая и прочая, пугало для половины французских дворян и двух третей простого народа, гениальный государственник и любящий дядюшка для своей племянницы, Мари Мадлен, очаровательной – по меркам времени – особы, еще, впрочем, не носившей тогда пресловутого титула д'Эгиньон. На портретах его принято изображать уже стариком, однако, в моих глазах он предстал как статный, довольно крепкий мужчина с волевым профилем испанского конкистадора, красивыми чертами лица и волосами цвета воронова крыла, лишь едва тронутыми первой седи-

ной. То есть, вообще то говоря, кардинал был вполне себе красивым мужчиной, даже на фоне большинства окружающих. Что, в сочетании с тем, что он действительно соблюдал положенный священникам целибат, порождало в остальных зависть, выплёскивающуюся в виде многочисленных сплетен, касающихся его тайных любовниц, включая, кстати, легенды о тайной страсти к самой нынешней королеве, Анне Австрийской. Потому что нет ничего ядовитее, чем отвергнутая мужчиной оскорбленная придворная красотка, сочиняющая сплетни об этом самом мужчине. А, глядя на кардинала, я приобрела уверенность в том, что таких красоток было явно больше, чем одна.

— Проходите, дочь моя, проходите, — кардинал привстал с кресла, протягивая вперед руку с перстнем, который я, по этикету же, аккуратно поцеловала(точнее, как и все, сделала вид, что поцеловала, но это не важно). На этом, собственно, с формальной частью было покончено, и можно было приступать к делу.

— Значит, вы и есть Шарлотта де Ивер? – кардинал несколько раз обошел меня, стоявшую у стола по стойке «смирно», сделавшей бы честь любому гвардейцу – А Рошфор описывал вас совершенно иначе.

— Лучше или хуже, чем видно вам, Ваше Высокопреосвященство? – вежливо поинтересовалась я, когда кардинал, описав второй круг, все же остановился напротив.

— Иначе, — коротко заключил Ришелье, описав воздухе некую фигуру, из которой я поняла, что старший Рошфор, ни разу не видевший меня в женском платье, сделал вывод о том, что никаких форм у меня нет вовсе, и вообще, я ярко выраженный андрогин (что, все же, неправда и вообще клевета!), — Так, что вы хотели мне сообщить?

Вот тут для меня самое главное было не ляпнуть что-то вроде «Монсеньор, герцог Бэкингем в Париже!». Во первых потому, что Ришелье вот уже три года как давно не монсеньор а рангом повыше. А во вторых, потому что никакого Бэкингема в Париже в ближайшую неделю не ожидалось: ни герцога, ни даже случайного его однофамильца, торгующего контрабандным сукном из под полы на рынке Анфан Руж. Так что я просто протянула в руки кардинала папку с бумагами.

— Прошу, Ваше Высокопреосвященство. Документы, подтверждающие наличие заговора против вас, задуманного Анри де Талейран-Перигором, графом де Шале, вместе с Мари Эме де Роган-Монбазон, герцогиней де Шеврез, с целью не только убить вас, Ваше Высокопреосвященство, но и свергнуть короля и посадить на трон герцога Анжуйского[16]. Переписка, список заговорщиков и показания нескольких слуг, которых можно было задержать и допросить без того, чтобы вызвать подозрения.

Честное слово, вроде уже 1625 год, а традиция составлять заговоры с целью возвести на трон герцога Анжуйского не меняется, словно мы все еще режем гугенотов на день Святого Варфоломея. И я уверена – тот факт, что этот титул обычно достается братьям короля, не имеет к этому никакого отношения. Плоды очередного заговора, при этом, спокойно уместились в одну эту скромную папку, на сбор которой Рошфор-старший, который выслеживал заговорщиков и перехватывал гонцов (не без скромной помощи меня и парочки агентов помладше, занимавшихся, в основном, тем, что изготавливали эти самые копии, пока я работала с самими курьерами) потратил несколько месяцев. И – самое главное – никто из заговорщиков даже не догадывался о том, что их раскрыли. Чуточка внушения, и курьер отбывал на следующую станцию в полной уверенности, что он просто спал или напился на станции, в то время, как на самом деле его подвергали тщательному, пусть и без пристрастия, допросу.

Кардинал, тем временем, извлек из папки добытые нами копии, для сохранности наклеенные на твердую плотную бумагу, и принялся просматривать их с тем выражением лица, кото-

[16] Здесь и далее следует помнить, что Гастон Орлеанский и герцог Анжуйский – это один и тот же человек, просто называемый различными титулами в зависимости от времени и ситуации.

рое говорило о том, что содержание этих бумаг интересовало его не менее, чем их довольно примечательный синий оттенок.

— И что это такое? – наконец, не выдержал он, указывая на один из документов, представляющий собой – насколько я могла видеть текст, стоя подле него возле правого края стола – весьма пикантное письмо, написанное госпожой де Шеврез тому самому де Шале.

— Светокопии, Ваше Высокопреосвященство, — я чуть улыбнулась, — Одна из тех колдовских разработок, который у вас именуются алхимией, а у нас обыкновенной наукой. Позволяет скопировать не только текст, но даже и почерк писавшего – правда, нужны соответствующие ингредиенты, солнечный свет и лист тонкого венецианского стекла, чтобы разместить между оригиналом и его копией. Получается синий цвет там, где ничего нет, а буквы или иное изображение остаются белыми – от того и выглядят они для вас столь непривычно. Но, надеюсь, это не умаляет ценности доставленных мной документов?

— Ничуть, — Ришелье тихо хмыкнул, пробежавшись глазами по документу, и отложил его в сторону, — Как-нибудь покажете мне, как делаются эти ваши светокопии?

— Непременно, Ваше Высокопреосвященство!

Собственно, именно поэтому – а не только потому, что в канцелярии долгосрочного планирования все поголовно считали Ришелье гением политики еще за десять лет до начала его карьеры – мы, не без поддержки Папы Римского, и выбрали Францию для того, чтобы начать свои реформы. Этот человек обладал именно той живостью ума и любопытством, чтобы не отказываться от идей, выдвинутых столь сомнительной организацией как наша, и не объявлять ересью все, что выходит за рамки его понимания. Сельскохозяйственная реформа была, например, проведена во Франции именно с его помощью, через церковь. Правда, священникам, проповедующим после мессы важность правильного возделывания полей, поначалу пришлось это не по вкусу – особенно с учетом того, что проповеди были обращены не столько к крестьянам, сколько к дворянам, владевшим землями по факту. Однако жирные курочки этот вкус быстро удовлетворили – а тех же дворян, которые все же не вняли проповедям и не выделили достаточно денег на модернизацию крестьянского труда (Боже, ты ведь видел, что иногда от голода и неурожая несчастных людей спасло просто то, что на поля, наконец, провели воду для полива! Потому что поставить мельницу с насосом и выкопать канаву для воды до этого – это им было, видите ли, дорого!) внезапно для всех обвинили в подрыве государственных основ и потворствованию ереси, и немножко так покарали. Парочку самых отъявленных еретиков, между прочим, даже повесили, для разнообразия перед этим лишив титула, чтобы не возиться с отрубанием головы. Остальных просто заставили оплатить все, за что они должны были заплатить добровольно, по велению Господнему – но их было уже немного, потому что внезапно обнаружилось, что вместо очередного голода, грозившего Франции по всем прогнозам и засушливому лету, случился вполне себе приличный урожай. Но кардинала начали не любить уже тогда, потому что среди дворян, почему то, считалось, что этих самых дворян категорически нельзя вешать.

По мне, так вполне можно – болтаются они на воротах все равно точно так же, как и остальные повешенные, разве что камзол подороже. А конкретно те, которых повесили, в любом случае были замешаны еще и противостоянии короля и его матери, Марии Медичи, так что туда им и дорога.

— Хорошо, — кардинал кивнул, — Очень хорошо, — он аккуратно сложил бумаги в стопку и убрал их обратно в папку, — Рошфор мне уже доложил, что заговорщики планируют явиться ко мне, как только я перееду в Флёри-ан-Бьер, под предлогом визита герцога Анжуйского. А этот де Шале уже крутиться неподалеку, якобы занимаясь подготовкой к этому самому визиту. Однако, я пока не называл точной даты своей поездки, поскольку не знаю, когда это будет выгодно лично мне.

Кардинал побарабанил пальцами по столу.

— Может быть, у вас есть какие-то оригинальные идеи касательно того, как мне поступить?

— Вас действительно интересует мое скромное мнение? – я, признаться, удивилась.

— Да. Если оно окажется полезным, — Ришелье откинулся на спинку кресла и принялся сверлить меня пристальным взглядом.

— Ну что ж, — протянула я, — Если судить по переписке, то мне кажется, что де Шале действует за спиной герцога, причем на свой страх и риск. Сам герцог в этой переписке не участвовал, и вообще, простите за прямоту, но, как мне кажется, даже если он участвует в этом напрямую, то только потому, что является претендентом на престол в случае смерти короля.

— Что вы имеете в виду? – Ришелье с интересом подался вперед.

— Именно то, что я говорю, Ваше Высокопреосвященство, — я, напротив, даже не попыталась изменить позы послушной ученицы, отвечающей строгому учителю, — Он считает, что он, как принц крови, участвует в заговоре потому, что он – герцог Анжуйский. То есть – символ, объединяющий партию противников короля. Но сам он в успехе заговора совершенно не заинтересован. Это как, знаете… — я непроизвольно щелкнула пальцами несколько раз, подбирая нужное выражение, — Повинность, вот! Участвует в заговоре просто потому, что без него заговор бесполезен. Или, в данном случае, потому что если не будет участвовать он, то его заменят на следующего по старшинству претендента на престол, то есть, какого-нибудь, упаси нас Господь, Конде. Тем более, Гастону сейчас всего восемнадцать, и его мысли, прошу прощения за фривольность, заняты отнюдь не престолом, а количеством шнурков в корсете госпожи де Монпансье и тем, как бы побыстрее их распутать.

— Довольно метко, — кардинал даже улыбнулся уголками губ, — А остальные?

— Остальные – это вообще несерьезно. Суассон его поддержал лишь потому, что погряз в любовных интригах против Гастона. Я даже подозреваю, что в глубине души он надеется, что вы раскроете заговор и, обидевшись на Гастона, отмените его брак с госпожой де Монпансье. Де Лаваллет подписался потому, что подписался де Суассон, прочие потому, что им все равно, в чем участвовать, лишь бы это было против вас[17]. И что в результате. Самые активные обещают нашему главному заговорщику ни много не мало, а «постоять у двери», чтобы морально поддержать де Шале в осуществлении задуманного. Я даже боюсь спросить, что они под этим имели в виду? Глядеть из-за занавески, пока Шале крадется к вашей кровати с подсвечником в руках? За такое, увы, даже в Бастилию не сослать – засмеют и будут правы. Я даже знаю соответствующее выражение, — я вздернула нос, вытянулась вверх, привстав на носках ног, и торжественно продекламировала, — Душой я с вами, под пулями врага. Но телом, к сожалению, в Брюсселе, в таверне.

Я опустилась обратно и приняла прежнюю позу.

— Так вот, именно так это и выглядит, Ваше Высокопреосвященство. Поэтому увы, серьезных обвинений никому, кроме дурака, простите, де Шале – и он это полностью заслуживает – по большому счету предъявить не получится. Даже этой выскочке де Шеврез – она тут же побежит к королеве, а та возьмёт ее под свою защиту. Простите за прямоту и недостаток изысканности в речи, Ваше Высокопреосвященство, но все обстоит именно так, — я сделала небольшую паузу перед тем, как продолжить, — А вот самого де Шале надо казнить, показательно. И даже не за то, что он замыслил заговор, а за то, что он попросту, простите, дурак. А дурак в политике – куда более опасное явление, чем умный враг.

— И как вы предполагаете действовать?

— Очень просто. Вы непременно отправитесь в Флёри-ан-Бьер, только возьмете с собой столько гвардейцев, что заявившиеся туда заговорщики при виде их сразу поймут, что все их планы раскрыты и с треском провалились. И тогда они попросту удерут, поджав хвост, и

[17] В тексте перечисляются имена реальных участников исторического заговора.

оставив отвечать за все бедного герцога Анжуйского и де Шале. Герцог, разумеется, тут же раскается, тем более что ему особенно и не в чем, а де Шале можно будет спокойно арестовать и судить – благо, в этой папке хватит доказательств, чтобы обвинить его не только в покушении на вас, Ваше Высокопреосвященство, но и в заговоре против короля.

Ришелье поднял руки и изобразил несколько вежливых, но довольно звучных хлопков, должных означать аплодисменты.

— Браво, госпожа де Ивер! Теперь я вижу что все, что говорят о сестрах вашего ордена не лишено под собой некоторых оснований.

— Благодарю, ваше Высокопреосвященство, — я скромно потупила глаза, потому что, собственно, я даже не придумала пока ничего нового. Именно так поступил Ришелье в истории, которую знаю я. Казнил де Шале и прибрал к рукам Гастона Оранского, попросту запугав его угрозами раскрыть заговор королю. Мне даже сделалось немножко стыдно.

— Однако, в этом плане есть одна, небольшая, проблема, — внезапно продолжил кардинал, и я, собравшаяся было уже уходить, вздрогнула от неожиданности.

— И какая же?

— Мадам де Шеврез. Она может заметить, если из Парижа вдруг пропадут все мои гвардейцы, или я попросту направлюсь в Флёри-ан-Бьер со слишком большой свитой. И предупредит заговорщиков заранее.

И вот тут меня, на свою голову, осенило.

— Подвески! – говорю я, — Вот зачем они нужны! Я знаю, как отвлечь всех от отбытия гвардейцев из Парижа. Или, по крайней мере, дать этому совершенно другое объяснение. Причем такое, что и королева, и герцогиня де Шеврез, и все остальные будут внимать этой истории с такой тщательностью, что попросту забудут о каком-то там де Шале и его заговоре.

Наверное, в этот момент я выглядела достаточно безумной, чтобы кардинал мне поверил. Потому что он, выдержав небольшую паузу, всего лишь вежливо поинтересовался в ответ, что за подвески, и что же еще, кроме них, собственно, мне нужно для осуществления своего плана.

— Перо, бумага и образец почерка королевы, — говорю я. – А то я ни разу не видела ее писем вживую, даже в таких вот копиях. И пару дней, чтобы я сверилась с последними новостями. И да, какого числа Ваше Высокопреосвященство все же собирается переехать в летнюю резиденцию?

Запись пятая.

Мне, если честно, было совершенно безразлично, были ли действительно какие-то романтические чувства между этим самым Бэкингемом и Анной Австрийской, потому что я совершенно точно знала, что их якобы любовная переписка, на самом деле, была шифром, которым королева сообщала герцогу совсем не любовного толка сведения, представляющие ценность, в первую очередь, для тех, кто всерьез планирует войну против другого государства. Вроде численности и готовности войск, запасов продовольствия, урожае, количестве собранных налогов и так далее. Благо (для королевы) Его Величество король не считал свою жену достаточно умной, чтобы не подпускать ее к документам, которые (к досаде кардинала) приходилось предоставлять ему хотя бы для отчетности. Но считал достаточно ветреной, чтобы увлекаться английскими герцогами, поскольку сам он, видимо, после длительного пребывания под тиранией собственной матери, вообще мало интересовался женщинами, считая их порочными исчадиями зла. Мальчиками он тоже не интересовался, и вообще, предпочитал всему охоту, игру на музыкальных инструментах и, как ни странно, попытки управлять страной, пусть ему это и не слишком удавалось. Так что, любовную переписку с Бэкингемом король, подозревавший о ее существовании, не одобрял, но понимал. А вот политическую переписку с ним он бы и не одобрил, и не простил – вот и пришлось нашим «романтическим любовникам» описывать количество собранной пшеницы и овса в Пуату строфами Шекспира, Ронсара и де Камоэнса, перемеженными довольно страстными деепричастиями и отглагольными прилагательными. Потому что королю это тоже было глубоко безразлично, по крайней мере, до тех пор, пока платоническая эта переписка не перешла в разряд встреч совсем не платонического характера, и то при условии, что об этом стало бы ему известно.

Мне, если честно, было совершенно безразлично, были ли действительно какие-то романтические чувства между этим самым Бэкингемом и Анной Австрийской, потому что я совершенно точно знала, что их якобы любовная переписка, на самом деле, была шифром, которым королева сообщала герцогу совсем не любовного толка сведения, представляющие ценность, в первую очередь, для тех, кто всерьез планирует войну против другого государства. Вроде численности и готовности войск, запасов продовольствия, урожае, количестве собранных налогов и так далее. Благо (для королевы) Его Величество король не считал свою жену достаточно умной, чтобы не подпускать ее к документам, которые (к досаде кардинала) приходилось предоставлять ему хотя бы для отчетности. Но считал достаточно ветреной, чтобы увлекаться английскими герцогами, поскольку сам он, видимо, после длительного пребывания под тиранией собственной матери, вообще мало интересовался женщинами, считая их порочными исчадиями зла. Мальчиками он тоже не интересовался, и вообще, предпочитал всему охоту, игру на музыкальных инструментах и, как ни странно, попытки управлять страной, пусть ему это и не слишком удавалось. Так что, любовную переписку с Бэкингемом король, подозревавший о ее существовании, не одобрял, но понимал. А вот политическую переписку с ним он бы и не одобрил, и не простил – вот и пришлось нашим «романтическим любовникам» описывать количество собранной пшеницы и овса в Пуату строфами Шекспира, Ронсара и де Камоэнса, перемеженными довольно страстными деепричастиями и отглагольными прилагательными. Потому что королю это тоже было глубоко безразлично, по крайней мере, до тех пор, пока платоническая эта переписка не перешла в разряд встреч совсем не платонического характера, и то при условии, что об этом стало бы ему известно.

Что же, во всем этом, меня, тогда, не устроило? Для начала, тот факт, что поездка Бэкингема, которая должна была бы быть делом совершенно секретным, обсуждалась в кулуарах Парижа, да и вне их, если честно, словно что-то само-собой разумеющееся, как будто это был

не вояж, устроенный тайно первым человеком Англии после короля, а турне известной певицы, получившей славу не столько благодаря голосу, сколько благодаря скандалам в газетах. И ладно бы, я услышала эту фразу уже после того, как Рошфор доложил об этом кардиналу – тогда бы это можно было списать на утечку и шпионов. Так нет же! О том, что герцог в Париже я услышала от трактирщика, причем еще до десяти утра, когда, в мужском своем образе, пыталась позавтракать в районе Сен-Жермен. И даже не спрашивайте меня, что я там делала, потому что да, я таки решила проведать нашего графа де ля Фер и убедится, что в мужском костюме он меня не узнает. Не узнал, разумеется, подлец этакий. Ну а я, конечно, даже огорчилась, несмотря на то, что именно этот результат и был мне нужен.

Но вообще то, я была там совершенно не из-за этого глупого графа! Мне надо было убедиться, что все идет согласно плану – или, в данном случае, прочитанной когда-то книге – и д'Артаньян действительно влюбился в эту кастеляншу Боанасье. Кстати, действительно прелестную особу с этакими орехового оттенка кудряшками овечкой и чуть вздернутым носиком, от чего весь ее облик словно сошел с популярных в недалеком будущем пасторальных пейзажей. Разве что вместо фавна рядом гарцевал непосредственно наш гасконский герой, являя собой одновременно как пример юношеской пылкости и искренних чувств, так образец того, что мужчина-девственник это самый трудолюбивый вариант подкаблучника. Потому что вертела эта Констанция им как хотела, а корзинку с овощами он нес за ней так, словно преданная собачка, разве что не в зубах. В общем, слава Богу что мне эти ваши любовные интриги как постный сухарь на Марди Гра[18]. Так что дожевала я то, что трактирщик, под моим чутким присмотром, соорудил в качестве сэндвича, запила очень сильно разбавленным вином и направилась вприпрыжку через два моста в резиденцию кардинала. Нет, конечно, не к самому Преосвященству, а к Рошфору – за разъяснениями, а как так, собственно, вышло?

— А это абсолютно нормально, — заявил мне этот благородный муж, наигрывая на клавесине нечто, подозрительно напоминающее все ту же «Даму из Араго», только снабженную витиеватыми пассажами в стиле придворного барокко, — Вы просто плохо знаете королеву, и тем более ее фрейлин. Я уверен, что эта экзальтированная дама – Её Величество – получив известие, что ее ненаглядный Бэкингем едет в Париж так неожиданно для неё самой, металась по покоям с криками столь громкими, что удивительно, как ее не услышали не только все её служанки, а даже и сами король. А служанки, — говорит он, — Существа легкомысленные и болтливые. И не только королевские.

— Н-да… — протянула я, — И как тогда прикажете сохранять что-то в тайне?

— А никак, — довольно заявил Рошфор, — Слухи и сплетни к делу все равно не приспособишь. Да вы и сами знаете – ну придете вы к госпоже де Шеврез и скажете «Говорят, что вы вчера виделись с Гастоном Орлеанским и планировали заговор против кардинала». А она в ответ – «Мало ли что говорят? Да. Виделась, а вот про заговор это все придумали, и докажите обратное». И будет полностью права. Поэтому Париж полнится слухами, но вычленить из них что-то полезное – это дело кропотливой работы и долгой привычки. Лучше оставьте эти мысли, пока не проживете здесь года хотя бы три – и тогда поймете все сами.

В тот момент меня это объяснение полностью удовлетворило, хотя я все равно высказала Рошфору все, что думаю в адрес людей, беспечно не обращающих внимания на слуг лишь потому, что считают их за говорящую мебель. Не удивительно, что даже во времена, когда о таких штуках, как прослушка, даже не слышали (хотя нет, не верно – кое-где таки снабжали комнаты потайными слуховыми трубками – в Лувре, например), тайны выплывают наружу еще быстрее, чем во время президента Никсона[19].

---

[18] Марди Гра – местный аналог русской Масленницы, день перед великим постом.

[19] Намек на Уотергейтский скандал, приведший к отставке президента США.

— А что это вы такое играете, сударь, интересное? – все таки рискнула поинтересоваться я, переведя дух после долгих и достаточно громких эпитетов, которыми украшала высказанное ранее мнение. Рошфор, к слову, внимал с видом скромного ученика, поскольку ни один коренной носитель языка не способен на ходу вплетать в ругательства иностранные идиомы и выражения еще парочки, от каталонских до немецких, при этом сохраняя грамматику французского по существу.

— Это? Новая песенка, услышал её на улице и она показалась мне достаточно забавной. Хотите сыграю? – Рошфор, кстати, обладавший неплохим голосом, поправил манжеты брабантского кружева, торчавшие из под колета весьма себе модного покроя (весьма необычная для него одежда, если честно), и принялся наигрывать с самого начала.

Я в Париже встретил даму, с волосами словно мед,

Губы тронуты улыбкой, сердце холодно как лед.

О прелестница младая, ты огонь моей любви,

В сердце помнить буду вечно кудри дерзкие твои.

Я, невольно, поперхнулась и закашлялась, так что Рошфор прервался и обеспокоенно уставился в мою сторону.

— Нет, ничего, продолжайте, — я отмахнулась, комкая возле лица платок, чтобы скрыть невольно выступившую краску. Вот интересно, какой наглец сумел не только подслушать меня, орущую каталонскую песню, которой уже сто лет в обед, но и переиначить ее на свой лад за всего то неделю? Найду – уши отрежу!

— А я дальше и не помню, — простодушно признался Рошфор, — Может быть, вы знаете продолжение? Или, хотя бы, автора?

— Понятия не имею, — так же честно ответила я, — Но, если хотите, я поинтересуюсь. Мне все равно нечем заняться с тех пор, как позавчера я, наконец, загнала блуждающего висельника возле Сен-Пьер-де-Монмартр.

— Висельника, сударыня? – Рошфор выразительно приподнял правую бровь.

— Самого натурального, — кивнула я, — Все таки не забывайте, Рошфор, я тут не только для того, чтобы предоставлять вам всякие полезные безделушки, пока вы возитесь с заговорами и английскими герцогами. Иногда мне надо выполнять и свои прямые обязанности, раз уж на весь Париж больше некому. В данном случае, кстати, совершенно невинные – упокоить беднягу, который пугал несчастных монахов, несмотря на то, что те даже ходили против него крестным ходом. А все потому, что его похоронили как самоубийцу, за оградой монастыря, разумеется. А, на самом деле, его убили, а потом повесили тело, чтобы выдать это за самоубийство.

— Действительно, неловко вышло, — задумчиво протянул Рошфор, глядя на меня теперь с большим интересом, — А вы что сделали?

— Да, собственно, ничего, — пожала плечами я, — Показала монахам на место, где он был закопан, и велела похоронить и отпеть по человечески. Покойнику то лет уже под семьдесят, так что его убийцы лежат теперь где то на том же кладбище, как я полагаю. Так что ни мне отмщения, ни аз воздам. В общем, тяжелее всего было просто его поймать и убедить, что

я не собираюсь продавать его душу чертям или использовать для эликсира молодости, как этот бедняга себе нафантазировал, когда понял, что я его вижу как живого.

Рошфор даже перекрестился, что для него было не характерно, невзирая на службу у кардинала.

— А что, сударыня, можно чью то душу продать чертям в ад, вместо своей?

— Конечно, — я кивнула, стараясь сохранять серьезный вид, — Только надо выгадать подходящее время, разумеется. А то в аду все почти как на бирже – вечно стараются скинуть цены за опт, а во время войны или мора берут три по цене двух, а то и пять за три. А так – сколько угодно.

По моему, Рошфор потом так и не поверил, что в тот момент я действительно шутила.

Запись шестая.

Хотя, конечно, я ему соврала. На самом деле, гоняла я отнюдь не какого то висельника, хоть неупокоенные души и входили в перечень существ, подлежащих упокоению согласно какому то там орденскому циркуляру. Моей целью было существо совершенно другого толка, куда более опасное и паскудное, и облюбовавшее окрестности Парижа достаточно давно, чтобы разжиреть и набрать силу настолько, чтобы я, едва успев освоиться в особняке, уловила его эманации и сочла их достаточно сильными, чтобы немедленно захотеть от этой страховидлы избавиться. Ну, в конце-концов, никто не хочет, чтобы у них дома постоянно воняло свиным навозом, правда? Ну вот тут то же самое, только разве что вместо запаха эфирные эманации, ощущавшиеся, впрочем, немного лучше. Так что изгнать его я вызвалась совершенно добровольно и даже не претендуя на какую-нибудь награду, кроме собственного комфорта. Правда, потом выяснилось, что за страховидлу награда все же положена, ибо не успела я выйти на разведку к пресловутому холму, как была схвачена парочкой монахов в рясах настолько грязных, что я так и не сумела определить, к какому именно ордену они принадлежали, и вежливо доставлена к отцу-настоятелю местного монастыря. А тот, оглядев меня не без некоторой брезгливости, уже сообщил мне, что Его Высокопреосвященство, в своей непостижимой мудрости, прямо повелел местной братии перестать маяться дурью и воспользоваться, раз уж я подвернулась под руку, моими услугами для изгнания поселившегося возле монастыря демона. И даже потряс передо мной кошельком с золотыми, будто я не ведьма, а какой-нибудь Геральт из Ривии. Ну, а кто я такая, чтобы спорить с кардиналом?

Поэтому, если вы никогда не слышали, как звучит вольная трактовка песни «Where is my mind» посреди леса в лунную ночь с 30 апреля на 1 мая[20], то вы, на самом деле не так много и потеряли. В первую очередь, нервов и волос на голове, конечно. Хотя, возможно, в отличие от тех редких путников, которым не посчастливилось оказаться у марсового холма под Парижем в то самое время, когда я, взгромоздившись на дереве с лютней в руках, завывала очень вольную трактовку этой самой песенки, пристально вглядываясь в темноту в ожидании появления выслеживаемых мною призраков, вы не являетесь достаточно суеверным, и не признаете в торчащей на ветках черно-белой фигуре французскую родственницу ирландской баньши, например. Зато акустика в лесу была просто прекрасная, так что вопли разносились далеко, давая мне – словно экзотической летучей мыши – возможность чуять малейшие колебания эфира на довольно таки приличной площади, что, в свою очередь, избавляло от необходимости бегать кругами вокруг всего Монмартра, словно марафонец за парижскими проститутками.

— Я вишу сверху вниз как на карте Таро, в голове кавардак не пойму ничего, — сообщила я пролетающей мимо сове, спокойно спикировавшей через несколько шагов на незадачливую ночную мышку, — Уоу-у-у-у-у! Остается на ветках мне смирно сидеть, йее-е-е-ау, и на весь темный лес что то страшное петь! – на этом месте нос мой зачесался, а откуда то справа пахнуло прохладой, что верно говорило о наличии призрака.

— Уу-у-у-у? – на всякий случай уточнила я, на что получила хороший такой ледяной порыв прямо в спину, чуть было не свалившись с ветки самым неподобающим образом. Но, все таки, я все равно спрыгнула и, отправив лютню в сумку смирно стоявшей возле дерева лошади (к счастью, кобылка была из наших, орденских, конюшен и заговорена так, что не шелохнулась бы без приказа даже если рядом с ней выпалила бы пушка) достала шпагу и направилась в сторону, от которой столь навязчиво веяло холодом.

[20] Обычно именуемую Вальпургиевой.

К слову, никаких специальных мётел, палочек, посохов и иных специальных таскательных (как метко напишет когда-нибудь один довольно известный писатель) атрибутов для настоящего колдовства вовсе не требуется. Можно воспользоваться любым подручным средством, а – если его нет – спокойно указать пальцем или обойтись вовсе без него. Просто ощущение веса в руках помогает концентрировать и направлять, так сказать, собственную энергию, а больше даже собственные мысли и волю, в нужном направлении. Да и вообще, отмахнуться от летящей прямо в лицо страховидлы, больше всего напоминающей кальмара с крыльями летучей мыши, если бы его изобразил на своей картине Иероним Босх, тоже удобнее все таки шпагой, а не просто ладонью, пусть даже и в перчатке. Страховидла, явно не ожидавшая, что какая то там шпага внезапно рассечет ее пополам, вместо того, чтобы просто пройти насквозь без всякого ущерба, как полагается обычным физическим предметам при встрече с призраком, шлепнулась на землю по сторонам от меня и, превратившись в белесый туман, скрылась под землю. Да и черт с ней, я, вообще то, не за ней охочусь, а это так, мелкая сошка. А сама же дрянь, которую я выслеживала, обнаружилась чуть дальше, за пригорком.

Иеронима нашего Босха, я, кстати, упомянула совсем не зря. Потому что объект моей охоты являл собой натуральную задницу на тонких ножках, с единственным белесым глазом там, размещавшимся именно там где вы подумали. А еще у него был, кхм… хвост. Тоже интересного вида. В общем, оно идеально бы вписалась в знаменитую картину «Сад земных наслаждений» вместо самого художника, разве что сверху у этой дряни была не тарелка с винным штофом, а натуральные волосы, короткие и всклокоченные, словно у безумного немецкого профессора. Названия у нее, собственно, тоже не было, потому что если бы мы начали зарисовывать и классифицировать все порождения хаоса, которые получаются в результате случайного смешения человеческих страстей, эфирных возмущений и толики не в том месте пролитой крови, семени и прочих человеческих же выделений – то эта, пусть и несомненно занимательная, библиотека через лет так двести заполнила бы собой весь остров Эльба и потребовала бы открытия филиала в Венеции. Поэтому мы просто, и небезосновательно, вообще ничего не классифицируем, и считаем такие порождения хаоса уникальными. Конкретно это, правда, название вполне могло бы получить, потому что было ни чем иным, как результатом недавней, по историческим меркам (лет пятьдесят с небольшим), резни имени Карла Девятого[21].

В общем, видок у твари был просто замечательный, особенно сзади, так что я только порадовалась, что простые люди если и могли бы ее увидеть, то только непосредственно перед смертью. Физически она, правда, им тоже сделать ничего не могла, зато – как и все такие исчадия – питалась страхами, насылаемыми на людей. Так что монахи, немало обеспокоенные тем, что стали находить в окрестностях своих владений чрезмерно много мертвых тел, выглядящих так, словно они были испуганы до смерти, сначала даже провели несколько молебнов и крестных ходов, дабы изгнать нечисть с церковных наделов – да вот беда, делали это они совсем не там, где нечисть обреталась. А то бы, может, даже и помогло. И только после этого, скрепя сердце, все же воспользовались советом Ришелье и изловили еретическую ведьму, то есть меня, дабы она покарала нечистого. Вот я и пришла, вломившись на полянку, где, в окружении свиты из прочих призраков, совершенно наглым образом топталась эта жопа с ножками,.

— Кардинальский патруль, — возвестила я, отвешивая пинка почти точной копии того незадачливого кальмара, только на этот раз отвратительно розового цвета, — Руки на капот, и не политурить!

Согласно наставлениям, получаемым ведьмами еще на первом курсе, четко сказано, что власть нечисти над человеком тем более сильна, чем более человек в это верит. Поэтому следует сделать так, чтобы нечисть была озадачена и ошеломлена сама – а я точно знала, что

[21] То есть, другой, Варфоломеевской, ночи.

значения фразы «не политурить» вряд ли знал даже сам автор этого выражения[22]. Свита же исчадия, состоявшая, по большей части, из несчастных жертв резни, угодивших в лапы едва рожденному бесу (ну а как его назвать, с церковной точки зрения?) не знала ни про «политурить», ни даже про то, что такое «капот» и «кардинальский патруль», и от того потеряла драгоценные секунды, понадобившиеся мне, чтобы щедрой рукой – пусть и левой – осыпать всю ближайшую братию обыкновенной солью, пусть и освященной когда то капелланом к вящей славе Господней. Щедрой же рука была прежде всего потому, что цены на соль, не взирая на некоторый прогресс в ее производстве, падали весьма неохотно, и потому, если судить по стоимости, можно было бы просто кинуть в них кошельком, полным серебряных монет. Жаль, что монеты не так эффективны, потому что их потом можно хотя бы собрать.

Визг, вой, куча тел, корчащихся и усыхающих, словно попавшие на соль слизни (а, технически, с исчадиями освященная соль делает примерно то же самое, что и соль со слизнями, только высасывает не воду, а энергию), и вот уже вместо кучи дряни передо мной только пресловутая задница, успевшая отпрыгнуть, да натуральные мертвяки, которым соль и так безвредна, ибо, по сути, они все равно не исчадия, а души. Пусть и гугенотские и порядком попорченные хаосом, и числом все равно никак не меньше трех десятков. Босховская задница тут же отгородилась от меня мертвяками, выстроившимися в линию, и надулась, словно воздушный шар. Значит, будет пугать.

И, не успела я это подумать, как почувствовала, что ноги мои отрываются от земли, а шею начинает сдавливать, словно веревкой. Очень неприятные ощущения, если честно – никому не советую. Только, в отличие от того повешенного, что стоял в рядку передо мной слева, я знала, что это все не по настоящему, а, скорее, лишь проекция его собственных воспоминаний, вытащенная исчадием и направленная теперь на меня. Пусть такой вот проекцией и можно убить точно так же, как и если бы тебя вешали по настоящему – достаточно того, чтобы она была достаточно сильной и убедительной. Что с успехом показывают те же гипнотизеры, вызывая ожоги, прикладывая к испытуемому холодную монетку, и внушая ему то, что она на самом деле раскалена докрасна. Вот только не на ту они напали.

В ответ же воздух наполнился запахом прелых яблок, от которого ближайшая ко мне парочка тут же начала хрипеть и кашлять, выплевывая несуществующие легкие. А полянка вокруг стала истончаться, превращаясь в огромное, выжженное и перекопанное серое поле, состоявшее, как казалось, из одной лишь чавкающей грязи, над которой висело такое же серое, покрытое низкими облаками, небо.

— Чем ты меня хотело пугать, чучело? – я стряхнула остатки призрачной веревки с шеи и брезгливо поморщилась, — Повешением, — я ткнула в того призрака, что никак не мог перестать кашлять, а затем по очереди указала на остальных, перечисляя все их смерти, судя по внешнему виду- расстрелом, холодной сталью под ребра и сжиганием на костре? Так я тоже так могу.

За моей спиной возникли призрачные тени, формирующиеся в длинные ряды серых окопов, из которых тут и там торчали каски изготовившихся к бою солдат. Чучело, издало ворчание, и, в ответ, из за его спины потянулись еще мертвяки, выстраиваясь в три шеренги и готовясь к нападению, пусть они еще толком не поняли, что именно им угрожает. Если честно, знала бы, что их так много, может бы и не вела себя столь нагло, однако что сделано – то сделано. Тем более что часть из них до шеренги так и не дошла, захрипев и повалившись на землю – как и положено умершим от удушения. Потому что главное в этом – сам принцип, а уж веревка то была или фосген, тут уже без разницы.

[22] «Главное – не политурить» - выражение из рассказа Роберта Шекли «Опека», объяснять которое без прочтения самого рассказа бесполезно.

— Runde zwei! – возвестила я, поворачиваясь к теням и безошибочно отыскав среди них скромного юношу в шинели и погонах лейтенанта, с бледным тонким лицом, которое я безошибочно помню, пусть оно и было скрыто под противогазом, поверх которого торчала офицерская фуражка — Albert, mein Junge, bitte zeig diesen armen Kerlen, dass sie hier nicht willkommen sind.[23]

Когда то именно так я и сказала, кстати. Правда, французские солдаты, идущие в атаку на позиции, где закрепилась моя рота, представляли собой куда более сложную мишень, чем идеально выстроившаяся напротив меня шеренга, так что где то половину из них просто смели шквальным огнем еще до того, как исчадие поняло, что этот раунд так же остался за мной. Призраки истаяли, французы вместе с немцами, оставив меня на вернувшейся к прежнему виду поляне напротив все той же хаотической задницы, окруженной оставшейся парой десятков самых стойких грешников.

— Что там у нас дальше по плану? – я старалась держаться так, словно мне предыдущий фокус не стоил вовсе ничего, хотя в груди от воспоминаний о том, как французская (или английская, что совершенно без разницы) пуля попала мне точно в правое легкое, болело просто адски – все таки, в такой смерти тоже нет ничего интересного, а уж тем более, когда это происходит на залитом отравляющим газом поле, так что я даже толком и не знала, от чего тогда померла. Зато у меня в арсенале, так сказать, есть вариант «два в одном», пусть и не очень приятный. Однако, вместо крика все равно вышел зловещий шепот.

— Может начнем сразу с сожжения? Как вам будет Дрезден сорок пятого? Или, может, вы предпочитаете казаков под Березино? Это вам, по крайней мере, близко по духу, потому что получать пикой в живот, стоя по пояс в ледяной воде, как раз в духе гугенотских войн. Тем из вас, кто помер от холодного железа, определенно понравится. Или, — я, наконец, перестала ощущать это гадостное чувство, когда кровь из пробитого легкого подступает к горлу, вытесняя оттуда проклятый газ, и вздохнула свободно, от чего голос вновь обрел нормальную громкость, — Можете просто убежать, и обещаю, что когда я покончу с вашим хозяином, то даже помолюсь за ваши души, чтобы в другой жизни им досталась судьба получше. Выбирайте.

Исчадие взревело, однако, я, все же, была убедительнее, потому что мертвяки, переглянувшись между собой почти как живые, с мерцанием исчезли, оставив меня на полянке наедине с этой босховой тварью. И вот тогда да – тогда я ухмыльнулась, взмахивая шпагой, превратившейся в одно движение в пламенеющий, словно у архангела, клинок.

Собственно, исчадия хаоса никогда не умели драться в ближнем бою. Так что закончилось все слишком быстро, чтобы это стоило описывать отдельно – тварь совершенно тупо прыгнула, напоролась на клинок, который я воткнула, словно вертел, прямиком в его глаз, и лопнула как мыльный пузырь. А потом я еще минут десять отчищала себя от налипших его остатков, которые, хоть и призрачные, но пачкаются в этом качестве ничуть не хуже чем если бы были реальными. Фу!

Ну а висельник, о котором я рассказала Рошфору? Был висельник, не спорю. Я его потом случайно отыскала, когда возвращалась с полянки и завернула к церкви, чтобы совершенно пошлым образом воспользоваться их святой водой и отмыть до конца налипшие клочки исчадия. Так что монахам я скормила ту же историю, что и Рошфору – чтобы побыстрее выкопали беднягу и перенесли куда надо. Тем более, что монахам о таких вот задницах, разгуливающих по Монмартру, знать тоже не надо.

Не поймут.

[23] (нем.) Раунд два! Альберт, мальчик мой, покажи, пожалуйста, этим несчастным, что им тут не рады.

Запись седьмая.

На самом деле, такая мелочь, как подрезать у Бэкингема парочку подвесок, даже не требовала моего присутствия в Лондоне – потому что для этого есть агенты поменьше рангом и, самое главное, живущие намного ближе к, так сказать, объекту. Да я в любом случае и не поехала бы, потому что клялась, что не полезу в это дело вовсе. Но на этом настоял кардинал – в смутной надежде, что, если он и не сумеет подловить королеву на этой мелочи, то, по крайней мере, сделает ему мелкую пакость, заставив разориться на несколько тысяч фунтов, чтобы к сроку изготовить новые. А вот тот факт, что герцог, до того момента, как прискакавший к нему д'Артаньян не потребовал вернуть злополучные эглеты[24], даже не удосужился заметить, что там не хватает парочки, говорит о многом. Впрочем, пока все шло как положено: мушкетеры ускакали, старательно сокращаясь в численности по дороге в порт, гвардейцы, заранее расставленные вдоль дороги, столь же старательно делали вид, что их ловят – а, на самом деле, отбывали в сторону летней резиденции кардинала сразу, как только вся эта мушкетерская братия попадала в очередную, тщательно срежиссированную, засаду, всем весело, все чувствуют себя при деле и вообще героями. Правда, несколько наших людей все же ранили во время произошедших стычек, но это уже издержки. В конце-концов, за время моего пребывания в Париже эти дуэлянты и так резали друг друга с поразительной частотой, и даже странно, что при всем этом из них умерло менее десятка с обеих сторон. Остальные же отделались просто ранениями различной степени тяжести.

И лишь одной мне было скучно, потому что после того, как я доделала тщательные расчеты, учитывающие чуть ли не фазу Меркурия и час рождения лошади Рене д'Эрбле, в быту именуемого Арамисом, чтобы влюбленный гасконец успел едва-едва к балу, а не прибыл заранее или, тем более, не опоздал, делать мне стало совершенно нечего. А нет ничего ужаснее чем ведьма, изнывающая от безделья. От скуки, я даже начала бродить по Парижу в надежде, что кто-нибудь, для разнообразия, вызовет на дуэль меня, но увы – шевалье де Ивер в моем исполнении то ли выглядел чрезмерно юным, то ли не умел быть достаточно наглым и несносным, чтобы иметь честь быть приглашенным на подобного рода развлечения. От это самой великой скуки же, я даже забрела на территорию Двора Чудес, что за улицей Реамюр, но, почему то, завидев меня, заворачивающую в сторону входа во Двор, местные громилы тоже не поспешили забрать у просто таки нарывавшегося на неприятности незнакомца ни кошелька, ни роскошной одежды, скрывшись в дебрях тряпья, развешенного как попало среди деревянных конструкций, служивших там для разграничения территории. Хотя, поглядев в зеркало, одолженное мимолетом у опешившей цыганки, мне пришлось согласиться с тем, что нападать на человека, выглядящего как конь бледный после недельной голодовки – это чересчур даже для самых отпетых негодяев.

Так что я кинула ей обратно золотой, вместе с зеркальцем, и отправилась в ближайший приличный трактир, где, по случаю, заказала себе жареного поросенка, употребив его под бутылку вполне приличного анжуйского и тем самым прилично поев первый раз за полторы недели. А я то думала, почему Кэт, пробегая мимом меня, постоянно норовила подсунуть мне то кусок ветчины, то, хотя бы, булочку… Надо бы выписать ей премию и, заодно, рассказать, что ведьмы не настолько страшные, чтобы не трогать их ни под каким предлогом. Даже если они сами это приказали и если эта ведьма – их госпожа, и, вообще, я лично.

Ну а поев, я определенно стала добрее – по крайней мере слуги перестали ходить мимо меня вдоль противоположной стенки, а хозяин даже рискнул приблизиться, чтобы попросить

[24] Правильное, с точки зрения ювелирного дела, название упомянутых подвесок.

плату. Разумеется, я заплатила, и пообещала прийти еще, на что трактирщик, низко кланяясь, выразил свой искренний восторг, попросив, впрочем, в другой раз быть в настроении, не распугивающем клиентов еще до входа в собственно заведение. А то, говорит, кошка в подвал забилась еще до того, как господин – как вас – де Ивер? Вам очень идет. Так вот кошка забилась в подвал еще раньше, чем господин показался на другом конце улицы. Ну я, разумеется, пообещала быть добрее, кинула ему штук пять монет не глядя, благо все равно у меня кроме дублонов ничего в кошельке не было, и отчалила к Рошфору.

— Любезнейший мой господин Рошфор, — говорю я ему тем своим нежным тоном, от которого он обычно почему то краснеет и начинает путаться в манжетах, — А не возьмете ли вы меня с собой в Фонтенбло? А то мне, сударь, признаться, тоскливо и скучно в этом вашем Париже без дела, а кругом одни камни и навоз, который ваши сограждане так и не научились вовремя убирать с улиц, несмотря на все возможные эдикты.

— Отчего же, сударыня, — скромно молвит этот увлекательный человек, — Почему бы и нет? Но я надеюсь, что три дня верхом на лошади не скажутся пагубно на вашей удивительной красоте и выдающихся способностях. Поскольку каретой, сами понимаете, воспользоваться будет нельзя.

— Ничего страшного, — беспечно говорю я, — А что это вы сегодня так внезапно заботитесь о моей красоте? Я что, все еще так плохо выгляжу, что трактирщики при виде меня прячут в подвале детей и заранее вызывают священника для последнего причастия?

Рошфор, который, разумеется, не был в курсе моих утренних похождений, к моему восторгу совсем смутился.

— Это все потому, что по городу нынче ползут слухи, что к кардиналу зачастила некая прекрасная дама, со златыми кудрями и глазами цвета благородного сапфира, — изрек он таким тоном, словно объявлял начало спектакля в шекспировском «Глобусе». Ну знаете, это вот все «Два благородные семейства» и тому подобное, чтобы зритель хотя бы понял, о чем будет идти речь.

— Ну, допустим, — покорно согласилась я, так и не привыкшая к факту, что не все в Париже разделяют королевское пристрастие к Роганам и Медичи[25].

— И будет очень печально, если красота этой таинственной дамы вдруг померкнет, как фиалка под палящими лучами солнца, — закончил Рошфор, все еще теребя несчастную кружевную манжету.

— Вы ведь знаете, Рошфор, что эта красота – на две трети парик, и еще на треть хорошая пудра и помада? – настала моя очередь недоуменно уставиться в его сторону, — Потому что отращивать волосы быстрее, чем они растут от природы не научилась еще ни одна ведьма.

— Знаю, — как то отвлеченно парировал Рошфор, — А вы знаете, что мне три дня назад присвоили титул графа?

— О! — я искренне обрадовалась, тем более что это позволяло сменить тему разговора, — Поздравляю вас, ваше сиятельство, достопочтенный граф де Рошфор! Выражаю вам свое искреннее почтение! – я торжественно сорвала с головы шляпу в утонченном поклоне, — А Рошфор-младший теперь, получается, виконт?

Вопрос был вежливый, но форма его совершенно не отражала его существо, поскольку фактически я чуть было не прям спрашивала, наследуемый ему выдали титул или же просто по патенту.

— Получается, что виконт, — кажется, тот факт, что одиннадцатилетний конюший кардинала, его сын и тоже, что характерно, Шарль-Сезар, получил титул вместе с ним самим, как

[25] Два дворянских дома, представители которых той или иной степени родства составляли примерно половину всех дворян Европы. Что, правда, отнюдь не мешало им интриговать и резать друг друга с той же обстоятельностью, что и всех остальных. В контексте – типаж внешности.

то прошел мимо его внимания. И теперь Рошфор самым натуральным образом размышлял, сочетаются ли статус виконта с фактическим воспитанием оного и, в частности, проказами, которые новоиспеченный этот виконт устраивал еженедельно в компании мальчишек совсем не дворянского сословия. Вид у него, по крайней мере, был именно такой.

— Прелестно! – возвестила я, — Надо будет купить ему сладостей по случаю и в качестве подарка. А вас, дорогой граф, я, наверное, угощу по этому поводу чем-нибудь экзотическим, в знак вечной дружбы. Но! – я воздела вверх палец, — Только по возвращении из Фонтенбло.

— А разве вы не собираетесь на бал? – как то совсем робко подал голос новоиспеченный граф, — Неужели вам не интересно посмотреть на то, как королева будет выкручиваться из этой вашей истории с подвесками?

Я задумалась. Потому что мне и правда было интересно.

— Но, у меня все равно нет приглашения, — заявила я с искренним, как ни странно, огорчением. Что было понятно, потому что шевалье де Ивера на такой бал и не позвали бы, а мадемуазель де Ивер, по своему статусу, делать там было совершенно нечего.

— Зато оно есть у меня, — как то неожиданно быстро нашелся Рошфор, — И я могу провести вас в качестве спутницы.

— Только не объявляйте меня как мадемуазель де Ивер, — сдалась я, — Не хватало, чтобы кто-нибудь решил, что в Париже репетируют вторую часть Двенадцатой ночи, если до этого видели меня мужчиной.

— Не волнуйтесь, — Рошфор доверительно наклонился вперед, — Можем представить вас как ту самую таинственную даму кардинала, что будет чистой правдой. Правда, вам придется притвориться англичанкой, но с вашим знанием языков это, я полагаю, будет не трудно.

По моей спине пробежал холодок, вызванный быстро улетучивающимся хорошим настроением.

— А почему это вдруг англичанкой? – спросила я, уже зная ответ.

— Ну, потому что в слухах вас, сударыня, называют не иначе как «Миледи».

Да блин! Я застонала и рухнула в кресло, предусмотрительно подставленное Рошфором, судя по скорости и ловкости, с которой он это сделал, имевшим в этом немалый опыт.

— А можно не надо?

— Что то не так, сударыня?

— Все! Это же кошмар, Рошфор, — протянула я, все еще пытаясь понять, что я сделала не так, и почему всё, в любом случае, идет строго по роману, — Я слишком молода, чтобы потерять голову!

Рошфор обеспокоенно склонился надо мной с бокалом, полным вкусно пахнущего шерри[26], и подсунул его мне под нос. Я, как и полагается скромной даме, тут же его приняла, опустошив в пару больших глотков.

— В каком смысле «потерять голову», сударыня? – спросил он, наполняя робко протянутый бокал второй порцией из большого графина.

— В прямом, Рошфор! – жалобно протянула я, — Вы все равно не поймете. Это ваш граф де ля Фер, эти мушкетеры, эти подвески – и в конце меня поймают и отрубят голову на болоте под ла Рошелью, хотя я ни в чем не виновата, — я отхлебнула из бокала, но уже аккуратно, и жалобно продолжила, — Можете считать, что я когда то прочитала такое пророчество, и все идет именно к тому, чтобы оно исполнилось.

Бедный граф не нашел ничего лучшего, как протянуть руку и пощупать мой лоб, огорченно покачав головой.

[26] Херес. То есть, испанское крепленое белое вино, выдержанное в бочках для придания особого вкуса и аромата. Хороший херес на вкус напоминает концентрированный виноградный сок с привкусом печеных яблок, и совсем не отдает алкоголем.

— Сдается мне, сударыня, у вас просто жар от усталости. Вам бы отдохнуть пару дней, а не ехать в Фонтебло – мы прекрасно справимся и без вас.

— Ну уж нет, — тут я обрела силы и решительно встала с кресла, — Такое приключение я точно не упущу! Не дождетесь.

Так что в Фонтебло я, все таки, поехала.

Запись восьмая.

— А знаете, Рошфор, мне здесь определенно нравится, — я выплюнула травинку, которую сорвала до того, как взобраться на дерево, и поправила висящий на суку пояс с двумя кобурами, из которых торчали рукоятки любимых пистолетов, — Свежий воздух, приятная тень… Романтика! Не то, что этот ваш Париж.

Рошфор, лежавший под деревом, недовольно перевернулся на спину и уставился на меня снизу вверх.

— Знаете, сударыня, лежать на земле в засаде, словно какой-то разбойник – совсем не то занятие, которым должен заниматься дворянин.

Первую группу неудачливых заговорщиков, во главе с де Шале, мы спокойно пропустили мимо. Ришелье, разумеется, к тому моменту был уже в замке Флери, в окружении гвардейцев, и поджидал этих господ во всеоружии и с бумагами, чтобы поставить их перед фактом, что заговор провален, еще толком и не начавшись. Я даже восхитилась мимолетом тем, как новоиспеченный граф инструктировал гвардейцев о том, как именно следует отсечь и нейтрализовать графскую свиту, пока я, дел на тот момент не имевшая и, от того, полностью преданная себе, объедала позднюю вишню в саду Его Высокопреосвященства. Как оказалась, тактика действий в таких случаях не слишком даже отличалась от того, как бы действовал спецназ в далеком будущем, разве что была более, так сказать, куртуазной, поскольку укладывать лицом в землю дворян требовалось все же с некоторым почтением. Мы же расположились на подъезде к замку, ожидая второй акт совсем не мерлезонского балета, то есть вторую группу заговорщиков, должных подъехать вслед за герцогом, чтобы обеспечить вооруженное прикрытие для прибытия нашего главного фигуранта – совсем даже не де Шале, а самого Гастона, герцога Анжуйского.

Поэтому, вообще то, с Рошфором мы были в лесу далеко не наедине: чуть подальше расположился третий взвод гвардейцев, перекрывший дорогу вполне цивильным образом, с помощью баррикады из пары поваленных деревьев, а по сторонам дороги уместилось еще десятка полтора господ, плащи свои снявших, по моему настоянию, дабы своим видом не выделяться среди окружающей листвы. Мы же с графом были замыкающими в этой цепочке, отсекая дорогу тем, кто додумался бы повернуть назад, когда они поймут, что все пропало. Для них, разумеется.

— Извольте называть меня «сударь», дорогой Рошфор, — наставительно погрозила я ему пальчиком с дерева, — А то придется объяснять все гвардейцам, а это лишнее. И вообще – посудите сами: что плохого в лежании под деревом? Лежишь себе, скучаешь, попиваешь вино. И никаких забот! Просто вообразите, что в это вот самое время наш дорогой шевалье Шарль д'Артаньян, наш тезка, к слову, глотает пыль по дороге из Лондона, неся на груди, под камзолом, шкатулку с алмазными побрякушками, тыкающую его куда то под ребра, стараясь успеть к назначенному сроку и, при всем при этом, пребывая в счастливой иллюзии, что все, что он делает – это во благо любви и королевы. А не потому, что одна сумасбродная барышня воспользовалась некой книжкой, чтобы отвлечь возлюбленную его приятеля Арамиса от графа де Шале с его до безумия скучными и пошлыми заговорами.

Рошфор печально подул на тлеющий фитиль аркебузы и воззрился на меня со скорбным видом.

— Иногда, сударь, — он сделал ударение на этом слове, — мне бы очень хотелось, чтобы вы были не столь практичной особой. Вот мне, например, кажется, что в том, чтобы делать что-то во имя любви нет ничего зазорного. И, смею вас заверить, со мной в этом согласны не только

поэты и менестрели, как вы изволили заметить третьего дня, когда мы с вами беседовали по дороге в Флери.

— Ничуть не сомневаюсь, дорогой граф, — фыркнула я, — И я с вами полностью согласен: делать что-то из любви это совершенно не зазорно. Просто ваши друзья обычно ограничиваются любовью исключительно к женщинам. И нередко осуждают кардинала за то, например, что он делает из любви к Франции. Я же вовсе действую обычно из чистой любви к искусству, так сказать – и, поэтому, так же часто чувствую себя непонятым.

На этом моменте я почувствовала приближение наших гостей, и поспешила укрыться в листве так, чтобы меня было незаметно с дороги.

— Едут! – шепнула я вниз, — Кажется, началось.

Кавалькада, состоявшая не менее чем из тридцати всадников, проскакала под деревом, на котором я так удачно примостилась, подняв тучу пыли и смешавшись, когда передние всадники уперлись в импровизированную баррикаду. Послышались ругательства, недоуменные вопросы, недовольные возгласы и вот это все, что сопутствует той неразберихе, когда и без того нервные люди внезапно обнаруживают, что все идет не так, как они задумали. Су-лейтенант, конечно, выступил красиво – как положено, возник на коне, вздымаясь в седле поверх кроны поваленного дерева со шпагой наголо и в шляпе с развевающимися перьями. Будь я в той толпе, сняла бы его тут же прямо из пистолета. Но у заговорщиков то ли воспитание было другое, то ли они просто все еще не поняли, что происходит.

— Господа, сложите оружие! – громовым голосом молвил он, — Вы окружены, а лишнее кровопролитие нам ни к чему.

Рядом с лейтенантом появились гвардейцы, не спеша устанавливающие громоздкие мушкеты на сошках. Те же, кто прятался в лесу, ограничились тем, что просто показались из листвы, благоразумно не вставая во весь рост и целясь с колена. Рошфор же просто вышел позади их всех, встав посреди дороги со шпагой и выражением лица, глядя на которое даже я бы не была уверена, что стоит с ним связываться. Даже если ты на коне а он – нет. Я же просто села на ветке, свесив ноги и, выудив оба пистолета, направила их стволы вниз так, что створ правого целился точно в лоб того из заговорщиков, что топтался сзади кавалькады и уже оглядывался на предмет того, а не стоит ли на всякий случай бежать. Парень – а всаднику было от силы лет девятнадцать, что делало его ровесником нашего гасконца – ойкнул и замер, уставившись точно в дуло и стараясь, при этом, удержаться на гарцующей на месте лошади.

— Я маркиз де Бомон, — отвечал тем временем лейтенанту дворянин, бывший, видимо, за главного, — По какому праву вы смеете задерживать нас, господа?

Вот всегда так. Всегда найдется какой-нибудь де, простите, Бил, пусть даже и маркиз де Бомон, который начнет выделываться и упоминать, не ко времени, права и дворянские привилегии.

— По приказу кардинала, — следовал ответ.

— А я требую пропустить нас именем герцога Анжуйского. Уйдите, господа, или мы будем вынуждены вас атаковать.

Я, поддавшись сентиментальным чувствам, тихо свистнула торчавшему внизу пареньку и показала ему стволом в сторону кустов. Парнишка, хоть и по виду мелкий дворянин, тут же понял, куда идет дело и, с впечатлившей меня быстротой, стёк с лошади и улегся в канаве у обочины дороги.

— Хороший мальчик, — прошептала я в его адрес, пока лейтенант все еще медлил с ответом, расчетливо дожидаясь, пока его гвардейцы будут полностью готовы к залпу.

— В таком случае, господа, прошу нас простить, — наконец промолвил он, — Господа гвардейцы! Пли!

Если бы вы видели, какое опустошение производит залп мушкетеров, стреляющих с нормального для этого оружия расстояния, вы бы никогда больше не сказали вслух крамольную

мысль о неэффективности старинного оружия. Потому что, на самом деле, оно очень даже эффективно – кроме того факта, что окутавший дорогу пороховой дым, в котором метались напуганные лошади и орали от боли раненые, сильно мешал бы сделать прицельный залп второй раз. Я выпалила куда-то в сторону врага вслед за гвардейцами, ничуть не сомневаясь, что, скорее всего, промажу, сунула пистолеты обратно в кобуры, а затем спрыгнула с дерева, подхватив укромно лежавшее подле дерево копье для охоты на кабана[27]. Потому что шпага – это, конечно, хорошо и благородно, но вот в свалке лучше орудовать чем-то более для этого приспособленным. Глефы же, в отличие от пресловутого кабаньего копья, в кардинальском замке, к искреннему моему сожалению, не оказалось. Так что, с копьем наперевес, я метнулась вперед с диким воплем, вполне достойным того, чтобы стать в один ряд с боевым кличем конфедератов. Ну а что, в стороне стоять, что ли?

Я, вообще, плохо помню, что именно делаю когда дерусь. Потому что в этот момент я уподобляюсь берсерку, ведомому лишь богами и собственными инстинктами, то есть – просто следую своей сущности. В конце-концов, в моих воспоминаниях резня, кровь и прочие разрушения, учиняемые мной – то есть, вообще, конечно, теми, кем была я во всех прошлых жизнях — занимают гораздо больше, чем что-нибудь еще. Что, в сочетании с женской физиологией, выдает порой такие психические завихрения, что никакой магний не поможет. Поэтому я просто процитирую Рошфора, который, увидав меня по окончании этой битвы, даже слега изменил своей обычной куртуазности, сначала выругавшись длинно и заковыристо, словно последний парижский клошар. И только после этого протянув мне роскошный, батистовой ткани, большой платок, чтобы я стерла забрызгавшую лицо кровь.

— Сударыня, — сказал он, когда я спросила, а чего это он ругается и смотрит на меня странно, — Вы крутились как бешеная, орудуя этим вашим копьем так, что позавидовала бы сама смерть. Троих, — говорит он, — вы просто закололи, а еще одному перерезали горло. А когда вы, уперев древков землю, перекинули через себя несчастного всадника, вздумавшего затоптать вас лошадью, и сбили им еще одного, то испугались не только враги, но и наши доблестные гвардейцы.

— Я — сударь, Рошфор, — укоризненно напоминаю ему я, рассеянно оглядывая платок и прикидывая, можно ли будет его после этого отстирать, — Хотя солдаты, вроде как, слишком заняты пленными, чтобы нас услышать, но все равно. Послушайте, может, я вам просто подарю взамен другой?

— Что? – Рошфор удивленно вскинулся, — Вы о чем?

— О платке, — я продемонстрировала ему окровавленную тряпочку, — Боюсь, это уже не исправить никакой стиркой. Жалко, конечно.

— Да пёс с ним, с платком, — граф отобрал у меня тряпочку и бережно сложил, спрятав за раструбом левой перчатки, — Скажите мне, вы сами не ранены?

Я оглядела себя, придя к неутешительному выводу о том, что кровь, летевшая вокруг, пока я чинила резню и отводила душу, умудрилась попасть не только на лицо. Кошмар! Придется теперь отмывать всю меня.

— Да, вроде, нет… — протянула я, состроив сложную мордочку, — Это все не мое. А скажите, Рошфор, как кардинал отнесется к тому, что я искупаюсь в пруду в парковом замке? Одетым, разумеется.

Рошфор выразительно промолчал. Но по выражению его лица я поняла, что он, наконец, понял, почему ведьм в годы его молодости предпочитали просто отправлять на костер.

Да, мы абсолютно несносны. Это правда.

---

[27] Копье с листовым заточенным наконечником и стопорами в основании лезвия, чтобы удерживать его от того, чтобы проткнуть животное насквозь. В тексте используется, скорее, как нагината, чем как глефа.

Запись девятая.

Вообще то, в той истории, которую я знала, вся эта шайка доблестно сдалась и повернула обратно, едва заметив вооруженную охрану кардинала. Поэтому, глядя на то, как гвардейцы на лошадях ведут в сторону шато де Флери уцелевших заговорщиков, в пешем порядке, разумеется, я задалась вопросом: а что же пошло не так у нас? Еще больше я удивилась, когда узнала, что непосредственно в замке все тоже пошло не совсем по плану. А именно – упомянутый граф де Шале, оказавшись в одном зале с кардиналом и парочкой гвардейцев и узнав, что его заговор раскрыт, попытался не более ни менее как отравиться, использовав для этого пилюлю с ядом, зашитую в воротнике рубашки. Что было совершенно не характерно для дворян в 1625 году, и привело кардинала в полное недоумение, ибо самоубийство, все же, для христианина есть грех смертный. Зато такие вот штуки с ядом были характерны для совсем других времен, с которыми я, в отличие от Ришелье и Рошфора, была очень даже знакома. Поэтому для меня возник другой вопрос: а кто же тебя, идиота, надоумил то? Ну не сам же де Шале это, в конце-концов, придумал, у него для этого мозгов не хватит и воспитание не то.

Проблема в том, что нас таких умных, вроде меня – очень, очень, очень мало. Где то так один случай на несколько миллионов на сто лет. Нет, если судить по отчетам инквизиции, то ведьм и колдунов было просто пруд пруди на каждом шагу, однако, большинство их них никакими колдунами и ведьмами, разумеется, не были. Истинных же, повторяюсь, мало настолько, что во всем моем Ордене на настоящий момент было всего то чуть более ста человек, и около семидесяти в мужском. И это на всю Европу. Оставался, конечно, еще и Восток, и Россия с Азией, но вряд ли кто-то из них мог остаться незамеченным, появившись во Франции – кроме русских, конечно, но те были слишком заняты собственными проблемами, чтобы нелегально лезть на нашу территорию.

А, значит, это был кто-то неучтенный. А неучтенные колдуны и ведьмы это редкость еще большая, и шанс встретить еще одного после того, как я не так давно расправилась уже с одним таким колдуном, была, в нормальных условиях, минимальной. Из чего следовало, что что-то в своих рассуждениях я упускаю. А вот Рошфор, с которым я поделилась своими опасениями, высказал идею вполне здравую, заставившую меня задуматься.

— Сударыня, — сказал он, — А вы не думали, что у англичан и тех же наших-еретиков-гугенотов тоже могут быть свои ведьмы? Не одна же католическая церковь может заниматься такими вещами, а в той же Англии власть ее отнюдь не безгранична, как в остальной Европе. Почему бы и нет?

— А знаете, Рошфор, — я приподнялась на цыпочках и легонько чмокнула его в щеку, — Это вам в качестве благодарности. Потому что эта простая мысль, почему то, не приходила в голову никому до вас.

И с этой мыслью я беру ключи и направляюсь в подвал, к нашему де Шале. Кардинал, к тому времени, отбыл в Фонтебло, чтобы поговорить уже с герцогом Анжуйским и заставить того выдать всех заговорщиков, так что граф – оставшийся никому не нужным – был предоставлен сам себе, тихо сидя в подвале через стенку от винных бочек, и от того представлял собой легкую добычу. Мне даже не пришлось его сильно пытать: так, внушила по быстрому с порога воспоминание о том, как прекрасно и комфортно было тонуть в холодных водах Атлантики рядом со здоровенным океанским лайнером, так он сразу и поплыл. После того, как перестал биться на полу, думая что выбирается из толщи воды, откашлялся и уставился на меня совершенно безумным взглядом.

— А скажите мне, — говорю я после этого так вежливо, — дорогой наш граф, а кто это вас надоумил яд в воротник зашить? И, тем более, им воспользоваться, хоть это и грех смертный самый что ни на есть? А то я ведь могу еще что-нибудь такого… Вспомнить. Интересного.

— Я все расскажу, — хрипит он, — Это все де Шеврез! Это она заставила.

— Доброго католика заставила совершить смертный грех? – протянула я недоверчиво.

— Она сказала, что ей было просветление, и никакого рая и ада на самом деле нет. А правы восточные мудрецы, которые говорят, что все души перерождаются после смерти. А раз так, то в самоубийстве нет греха.

— Перерождаются, — киваю я, — Однако она, наверное, забыла сказать, что истинные грешники перерождаются так, что страдают так или иначе всю следующую жизнь, а, может, даже несколько. Так что рай и ад все равно существуют, просто они там же, где и мы с вами. Говорите, это она сама, придумала? Чего то я вам не верю…

— Не сама, не сама, — запуганный граф, подумав, что я собираюсь повторить процедуру, поспешил ответить, — Я такого вообще не говорил. Это все мадам Гургоне.

— Что за мадам Гургоне? – интересуюсь я.

— Новое увлечение герцогини. Она придумала собираться с подругами вечерами, вызывать духов и советоваться с ними. Собираются за столом вместе с этой мадам, садятся в круг и вызывают кого-нибудь. А на столе колдовская таблица с буквами и специальный треугольник с шариками вместо колес – вроде как духи его двигают и так отвечают на вопросы. Вы же колдун, сударь, вы что таких вещей не знаете?

— Допустим, знаю, — киваю я, — Просто они, вообще то, не работают. Так при чем тут мадам?

— Мадам Гургоне – медиум. Я поначалу думал, что она просто шарлатанка. А потом как это все началось по-настоящему, даже испугался. Но вы же знаете Мари – она только смеялась в ответ на все мои мольбы прекратить это все, и говорила, что я все неправильно понимаю. К тому же, у нее ведь на этих вечерах кого только не было, включая даже саму Её Величество…

Граф сник, а мне его даже стало немножко жаль. Потому что ведь любит эту де Шеврез, действительно. И ради нее пошел на заговор, а окажется – я была уверена – единственным козлом отпущения. Хоть и дурак и, на мой взгляд, все равно вполне заслуживает того, чтобы ему отрубили голову. Так что по дороге из подвала я даже приказала страже принести ему чего-нибудь поесть, вкусного. Плохое утешение, но хоть заснет не голодным. А сама, прихватив на кухне поднос с едой и бутылкой бургундского, вернулась к Рошфору, расположив это все уютно на столике и усадив его обедать, раз уж он до того времени так и позабыл поесть, за делами.

— А вы, любезный граф, — спрашиваю я его, намазывая маслом большой кусок хлеба и водружая сверху ломоть жареной телятины, пока Рошфор, сидя за столом, пытается понять, что это на меня нашло, — Не знаете случайно такую мадам Гургоне?

Я добавляю сверху листья салата, несколько долек тонко нарезанного яблока и несколько луковых стрелок, укрываю это все вторым куском хлеба с маслом и подаю Рошфору.

— Знаю, — кивает Рошфор, который в своей жизни сэндвич видит второй раз, — Есть такая особа, состоит вот уже пару лет в окружении герцогини де Шеврез. Мошенница, сильно охочая до денег, выбившаяся в свет благодаря тому, что каким то чудом свела знакомства с герцогиней. Однако в интригах не замечена до сего дня, потому мы ее не трогаем – мало ли странных увлечений нынче при дворе, чтобы хватать всех шарлатанов подряд?

Граф, посмотрев на то, как я, втайне мечтая о томатах, которых во Франции в ту пору было не сыскать даже в ботанической коллекции, сооружаю себе аналогичный бутерброд, и решился таки откусить кусок, принявшись задумчиво жевать. Судя по его виду, ему, кстати, понравилось.

— А где бы мне ее найти? – спрашиваю я, дождавшись, пока он все таки проглотит откушенное, и, в свою очередь, принимаюсь есть свой.

— Где то на улице Турнель[28], я полагаю, — Рошфор раскупорил бутылку и запил откушенный кусок глотком прямо из нее. Я, впрочем, не возражала, поскольку (как я неоднократно упоминаю) я так и не смогла выработать в себе привычку к алкоголю, чтобы потреблять его круглыми сутками и не пьянеть. Поэтому из всех вин предпочитала то, которое было разведено чистой водой не менее чем на три четверти, и то чисто для дезинфекции, если под рукой не было приличного источника. Поэтому я просто хрустела свежим огурчиком, вполне неплохо справлявшимся с тем, чтобы заедать им сэндвич.

— Фи, — говорю я, — Об улице Турнель я не слышала ничего хорошего. А теперь придется туда идти и, возможно, устраивать погром. У вас, Рошфор, случайно не найдется пара громил повнушительнее? А то у меня вид скромный, неубедительный, поэтому вечно никто меня не принимает всерьез, пока кого-нибудь показательно не зарежешь.

— Найдется, сударыня, — говорит мне Рошфор, прожевав второй кусок с куда большим энтузиазмом, — Только я вам их не дам.

— Это почему же? – удивилась я.

— Потому что вы, сударыня, обещали мне сопровождать меня на балу в Ратуше, — хитро улыбается Рошфор, — А, значит, по приезду в Париж должны быть заняты подготовкой к балу. А если я вам дам этих громил, то вы ведь начнете шататься по парижским улицам, и, не дай Бог, еще получите удар клинком, с вашим характером.

— Да не волнуйтесь вы, Рошфор, я даже уже заказала платье, — соврала я, которая, признаться, про бал совершенно забыла. Ничего, платье у меня все равно есть, хотя и не слишком скромное, чтобы посещать в нем королевский бал.

— И все равно, сударыня, никаких громил, пока вы не сдержите слово, — настоятельно произнес граф, знающий меня слишком хорошо, — И никаких походов на улицу Турнель, равно как и на все остальные места, где вы намереваетесь устраивать погромы. До бала, разумеется.

Я почти притворно вздохнула и состроила скорбную мордочку.

— Любезный мой Рошфор, если бы знали, на какую пытку вы меня обрекаете! Да одна прическа, каждый раз, когда я официально посещаю Его Высокопреосвященство в образе, как вы там выразились, Миледи, стоит мне три часа укладки. И вообще, я в ваших платьях чувствую себя как разодетая в шелка курица. А вы меня хотите не только во все это нарядить, но еще и вытащить в свет, где – я уже с ужасом себе это представляю – придется еще и беседовать со всеми этими герцогинями де Шеврез, баронессами де Моттевиль и прочими маркизами де Пейрак[29], не говоря уже о том, что, упаси меня Господь, быть представленной Их Величествам.

— Проще говоря, вы стесняетесь, — подытожил Рошфор, плохо скрывая улыбку за остатком сэндвича.

— Да, — вынуждена была признать я, после недолгого раздумья, — Именно так. Я стесняюсь.

---

[28] Улица в Париже, которая славилась тем, что там находилось изрядное количество борделей, дворов нищих и прочих притонов несмотря на её скромные размеры. По иронии судьбы, располагается совсем рядом с Королевской площадью и Бастилией.

[29] Отсылка к циклу про Анжелику, вряд ли понятая Рошфором так, как было задумано героиней.

Запись десятая.

— Вы прекрасны, госпожа, просто прекрасны, — Кэти осторожно выглянула из-за спинки монументального дубового кресла, в которую только что прилетела брошенное моей рукой пресс-папье, выбранное для этой цели исключительно потому, что выглядело оно достаточно прочным, чтобы не разбиться от такого обращения. Ненавижу портить хорошие вещи. Но душа, после четырех часов, проведенных в попытках привести внешний вид мадемуазель Шарлотты де Ивер в соответствие с нормами и приличиями придворного этикета семнадцатого века, просто требовала хоть какого то выхода для накопившихся чувств. Под чутким руководством служанки я же чувствовала себя елкой, наряжаемой по случаю праздника Рождества, и от того страдала вдвойне – потому что сама мысль о бале и без этого заставляла меня страдать. Тем более, что из всего привычного костюма удалось выторговать только сапожки – и без этого предназначенные к женскому платью для верховой езды, богато украшенные и, потому, допущенные к ношению по причине того, что вряд ли кто-то на балу будет заглядывать мне под юбку. Точнее, под пять юбок, если считать вместе с нижним платьем – четыре шелковых, надетых для пышности, и нижнего платья, состоявшего из корсажа с юбкой, жестко соединенные между собой скрытой шнуровкой. Одна нижняя эта юбка, расшитая серебром, мелкими бриллиантами и голубыми жемчугами по белоснежному атласу, весила, наверное, пару десятков фунтов[30], а после того, как Кэти затянула корсаж и накинула сверху этого великолепия еще и отдельный лиф со скромным высоким вырезом (все равно демонстрировать особенно нечего), расшитый не менее богато, мне стало казаться, что трудности рыцарей прошлого, таскавших на себе боевые латы – это сущие пустяки. Всего то какие то тридцать килограмм, о чем вы? И они, между прочим, сидели на лошади, а не передвигались на своих двоих! И дышать им было не в пример свободнее.

А это была только первая часть, именуемая «котт», поверх которой еще надевалось второе платье, «роб». В моем случае – ультрамаринового цвета бархатное распашное платье с пышными рукавами, так же с серебряным тонким шитьем, поверх которого полагался еще и кружевной широкий воротник, отделанный жемчугом и камнями чуть менее, чем весь перед лифа. Мысль же о рождественской елке у меня возникла после того, как служанка, оглядев меня критическим взглядом, достала из привезенных мною вещей здоровенную шкатулку, врученную мне перед отъездом матушкой-настоятельницей в качестве подарка, и, выудив оттуда всяческие украшения, принялась увешивать меня ими согласно последнему пику моды. Как оказалось, алмазные с сапфирами цепочки, которые я приняла за ожерелья, предназначались для того, чтобы перехватывать ими рукава платья, воротник должен был подкалываться парой брошек поменьше спереди и сзади, и скрепляться еще одной пышной брошью посреди груди, а еще куча всяких заколок, жемчужных нитей, цепочек и подвесок шла для того, чтобы уложить верхнее платье и присоединить его к нижнему надлежащим образом. Знаете, вот когда я ходила к кардиналу – я одевалась значительно проще, и там всех этих мучений не было.

— Вы больше не гневаетесь, госпожа?

— Нет, — мрачно сказала я, потому что более предметов, пригодных для метания, под рукой все равно не оказалось.

— Тогда вы не будете против, если я примерю на вас ожерелье?

— Не буду, — зловещим голосом пообещала я, но Кэти все равно достала это серебряно-сапфировое чудо и водрузило мне на шею, завершив тем самым композицию «arbre

[30] Хотя французский фунт и составляет целых 483 грамма, вряд ли цифра, названная героиней, являлась большим преувеличением.

d'hiver»[31]и мимолетом сообщив, что я, между прочим, забыла еще о том, что мне нужна покраска и укладка.

Бегать за ней сил моих все равно не было, да и делать это было бы, откровенно говоря, неудобно. Поэтому я покорно отдалась во власть ее рук, накладывающих косметику, прикалывавших шиньоны (между прочим, сделанные из моих же собственных волос, перед тем как я постриглась ради мужского образа) и творящих всю ту остальную магию, которая должна была превратиться в простенькую прическу а-ля ранний вариант «водопада», сидя посреди комнаты в окружении кучи свечей и изредка, когда была возможность, прихлебывая отвар корня валерианы из винного бокала. Под конец всего этого действа пришел Рошфор, впущенный в дом все той же Кэти и благоразумно, судя по звуку его шагов, остановившийся на пороге комнаты и не подававший иных признаков своего присутствия до тех пор, пока служанка, с последним взмахом рук, не объявила, что все закончено, и я готова.

Я встала и повернулась вокруг себя несколько раз, больше для того, чтобы убедиться, что вообще смогу в этом ходить. Потому что, по моему твердому убеждению, всяческого барахла на мне было столько, что в этом платье стоило ходить в атаку впереди мушкетеров его величества, ибо ни одна мушкетная пуля, пущенная с расстояния более десяти шагов, это платье все равно не пробьет. А затем воззрилась на Рошфора, отметив про себя, что достойный шпион Его Высокопреосвященства на этот раз превзошел сам себя, обрядившись в черный с серебром бархат с брабантскими кружевами, поверх которого даже был надет куцый модный плащ и шикарная, отделанная парчой, перевязь.

— Мы, надеюсь, уже опаздываем? – робко поинтересовалась я, разглядывая, как выражение лица Рошфора приобретает оттенки от озадаченности до какой-то торжественной решимости.

— Да нет, ничуть, — рассеянно протянул он, — А вы, сударыня, вот так вот на бал и пойдете?

— Нет, я еще маску надену, как вы просили, — я указала на единственную в этом туалете вещь, которая мне и правда нравилась, а именно скромную синего же цвета венецианскую полумаску с чуть длинным носиком, скрывающую верхнюю половину лица, — И плащ с капюшоном, пока еду в карете. А что, сударь, вас что то не устраивает? – с робкой надеждой продолжила я, — Только не говорите мне, что я одета по моде вашей прабабушки, и один мой вид навсегда опозорит в глазах окружающих меня, вас и даже самого кардинала – я этого, после четырех часов пыток, просто не переживу!

Тон мой, впрочем, свидетельствовал об обратном – или я так, по крайней мере, считала.

— Совсем наоборот, сударыня! – поспешил заверить меня этот подлец, — Вы прекрасно выглядите. И наряд ваш вам очень к лицу.

— Странно, — я прошагала мимо Рошфора в соседнюю комнату и уставилась в ростовое серебряное зеркало венецианского стекла, торчавшее там еще со времен прежних владельцев. Из зеркала на меня смотрела с подозрением смотрела какая то дама, смутно напоминающая помесь Алисы Фрейндлих и парадного портрета Эльзы Холодное Сердце. Тогда я вернулась в предыдущую комнату и, прихватив из шкатулки изящную брошь в виде подснежника, каким то образом миновавшую участи быть подколотой куда-нибудь к остальной коллекции, и водрузила ее на перевязь, украшавшую широкую графскую грудь.

— Это вам для того, чтобы гармонировать со мной по стилю, -туманно произнесла я, направившись к выходу, и краем глаза заметив, как Рошфор, склонившись к Кэти, что то ей озабоченно шепчет, а та, прикрыв рукой рот, тихо охнула в ответ. Нет, ну точно что-то тут не так. Но мне ведь никто не скажет до последнего! Не хочу на бал.

[31] Буквально – «зимнее дерево».

Однако, на него ведь даже опоздать было невозможно – как пояснил Рошфор, пока галантно вел меня до кареты, начало, конечно, было обозначено в шесть вечера, однако большинство гостей является не ранее восьми-девяти, что, в общем то, считалось нормой. При этом существовал строгий негласный регламент, по которому самые маловажные гости приезжали точно ко времени, и оставались в зале, побираясь легкими закусками, вином и разговорами где-то час. Потом прибывали персоны позначительнее, причем чем выше был их ранг, тем позднее они являлись, но, в любом случае, сделать это надо было до того, как на бале появятся Их Величества, чтобы иметь возможность приветствовать их согласно этикету и вообще, создать приятную королевскому глазу толпу. Наш черед был где-то перед кардиналом и всякого рода герцогами, но после многочисленных графьёв с баронами, что меня поначалу даже обрадовало – поскольку я, сидя в карете напротив Рошфора, лишь сокрушенно воздевшего очи вверх, хищно грызла предусмотрительно припасённые Кэти яблоки, запивая их куриным бульоном.

— А что вы так смотрите, Рошфор? – наконец не выдержала я, — Я не ела, почитайте, с полудня, а бал продлится сколько? Минимум четыре часа. А я вам ведьма, а не птичка, чтобы питаться одним воздухом и романтическими надеждами. Вот!

С этими словами я укусила последнее яблоко, совершенно не обращая внимания на всякие графские инсинуации. Потому что ехать, даже в карете, и даже по парижским улицам, забитым народом, было всего то ничего. Так что огрызок я выкинула в окно чуть ли не на самой Грефской площади.

А вот недостаток времени нашего прибытия я в полной мере ощутила только тогда, когда передо мной распахнулись двери зала, в котором проводился бал, а распорядитель, стукнув посохом для солидности, возгласил о прибытии графа де Рошфора с сопровождающей его дамой. Потому что, вообще то, когда на меня одновременно смотрят столько пар глаз – и как вообще все эти люди поместились в таком маленьком зале, спрашивается – мне становится не по себе. Можете считать это фобией, но в моем подсознании четко сидела мысль, что когда меня вот так вот разглядывали, потом в мою сторону летело всякое свинцовое или набегало что то, ощетинивающееся заточенным железом. Я вдохнула поглубже и постаралась сдержать порывы немедленно броситься в сторону, чтобы уйти с линии возможных атак — ну хотя бы вон за ту ширмочку, пожалуйста, кто-нибудь – а граф, как то даже подтянувшийся еще больше, чем обычно, еще и провел меня шагов пять прямо через толпу, пока все эти господа и дамы рассматривали меня самым пристальным образом.

Улыбайся, просто улыбайся, даже махать не надо – вот все, что я повторяла про себя, в то время как тело автоматически раскланивалось легким движением головы, а ноги несли меня вслед за графом, пока мы не оказались где-то справа от двери, вполне мило пристроившись к стенке, и я не смогла спрятаться от толпы, раскрыв большой веер. Впрочем, такую позицию пришлось держать недолго, потому что Рошфор минут через пять вытолкал меня вперед, чтобы поприветствовать Его Высокопреосвященство. Кардинал прибыл один, вопреки расхожим убеждениям, упорно рисующим его исключительно в кардинальской сутане и шапочке, одетый в такого же кроя камзол, что и Рошфор, только с шитьем побогаче и неизменной лентой с крестом, красиво выделяющейся на прочем фоне. Я, стоя в первых рядах, изобразила вполне приличный реверанс, держась чуть позади графа, кардинал же, приветствуя собравшихся, задержал на мне взгляд чуть дольше, чем на прочих, и, кажется, тоже ухмыльнулся уголками губ. Ну точно они меня подставили, на пару с Рошфором!

Однако прочая публика, изредка так же бросавшая взгляды в нашу сторону, признаков насмешек не подавала, Рошфор же был вовсе безмятежен, улыбаясь всем одинаково вежливо, когда они подходили с праздными разговорами, не касавшимися, впрочем, меня настолько, чтобы нельзя было ограничиться короткими вежливыми фразами. Потом же прибыли Их Величества: король, в скромном по меркам собравшихся, но отлично скроенном костюме ужасно дорогой вышитой ткани и королева, щеголявшая напоказ пресловутыми алмазными подвес-

ками, пришпиленными к лифу там же, где Кэти закалывала мое платье сапфирными брошками, чтобы закрепить верхнее платье. А я вот всю жизнь думала, что это такой голубенький бантик – а вышло, что бант там, конечно, имел место, и даже голубой. Но только как центральная часть композиции, и подвесков на нем было всего четыре. Так что, как оказалась, я тоже была вся в этих самых подвесках. Правда, без банта, а бриллианты у королевы были чуточку побольше, конечно, хоть и без сапфиров, но все таки. Поэтому, на будущее, я отметила про себя, что неплохо бы было, все таки, ближе познакомиться с особенностями и женского гардероба – на случай, если, упаси меня Господь Всемогущий, но придется еще раз выступать в роли дамы на таких вот сборищах.

Так что я даже была рада, что не следовала канону и позволила нашему героическому гасконцу доставить их вовремя, а не ко второй части, и вообще, заранее предупредила кардинала, что считать их бесполезно – их так и так будет двенадцать. А, по прибытии короля, наконец, начался полонез, так что я была занята тем, что чинно вышагивала под музыку в седьмой от короля паре с Рошфором, соблюдая порядок разводов и чинно кланяясь, когда то было положено протоколом танца, пересмотрев за это время, казалось, все присутствующие там пары – а, может, именно в этом и был смысл всего полонеза? Полонез тем временем плавно перетек в чередующиеся паваны, паваны – в гальярды[32], а после этого я уже, казалось, перезнакомилась с внешним видом всех бывших в зале гостей и испробовала на своей шкуре все любопытные взгляды, которыми, к скрытому негодованию дам, бросали в мою сторону некоторые кавалеры. Рошфор же ревностно ограждал меня от посягательств со стороны, упорно отказываясь танцевать с кем то еще и не давая мне передышки до самого последнего такта, завершившего первую часть бала. К моей чести я даже ни разу не сбилась – спасибо дрессировке сестры-наставницы – и даже не сильно запыхалась, хотя, если честно, выделывать все эти коленца во всем великолепии платья было не так то и просто. Однако поданный графом бокал с чем то игристым я осушила залпом, даже не поморщившись для приличия.

— А знаете, уважаемая леди, ваша идея подарить королеве те два подвеска пришлась очень кстати, — я вздрогнула, потому что Ришелье, вкрадчиво-властный голос которого раздался за моей спиной, казалось, скорее материализовался там из воздуха, чем просто подошёл, как и положено нормальным священникам. Я развернулась, этак плавно, и изобразила еще более почтительный реверанс, стараясь уловить, что именно он имеет в виду.

— Рада, что смогла оказать эту маленькую услугу Вашему Высокопреосвященству, — кротко молвила я в ответ, уже поднявшись, — Надеюсь, мое присутствие не создало вам неудобства?

Кардинал посмотрел на меня долгим взглядом, в котором, казалось, плясали веселые черти.

— Отнюдь. Его Величество весьма оценил шутку. Он сказал, что я очень удачно посоветовал Её Величеству надеть алмазные подвески, подаренные королем. Потому что в противном случае её бы затмили те, что представлены кардиналом. Так что я вручил Её Величеству еще две, в знак того, что мы даже не смеем думать о том, чтобы в чем то превзойти королеву и, тем более, самого короля. Разумеется, она все равно поняла, откуда мы их взяли, так что в ближайшее время она будет тиха и невинна, как лесная мышь. Но, Рошфор, — Ришелье бросил на графа взгляд, от которого тот потупился и тихо вздохнул, — Почему я не знал, что у меня такой отличный вкус? Впрочем, это уже не важно. Не буду вам мешать. Наслаждайтесь балом, — кардинал, величественно махнув рукой, удалился, оставив меня в еще большем смятении. Однако, до того, как я решилась спросить Рошфора, что он имел в виду, началась вторая часть бала, и мне пришлось снова танцевать, на этот раз уже разнообразного рода сарабанды

[32] Виды танцев. По протоколу, следуют друг за другом так, чтобы не утомлять гостей, но при это сохранять общую зрелищность мероприятия.

и бранли, которые, под финал, сменились гавотом. Финальным же танцем должна была быть куранта, перед которой сделали паузу, потому что танцевать ее, согласно порядку, надо было перед королем, а, значит, всем следовало поправить костюмы и прически, если они каким то образом нарушились во время бала. Я честно обмахивалась веером, поскольку, украдкой подсмотрев в отражении окна, убедилась, что прическа и вид мой, стараниями Кэти, если и нарушились где-нибудь, то точно не там, где это я могла бы заметить. Рошфор же куда то пропал, оставив меня коротать время в одиночестве. Чем тут же воспользовался почтенного вида господин в скромном, но добротном камзоле, чей вид походил, скорее, на богатого ремесленника, чем на дворянина.

— Сударыня позволит мне обратиться к ней с нижайшей просьбой?

— Отчего же нет? – я послала ему довольно очаровательную (как мне казалось в зеркале) улыбку, — Обращайтесь.

— Не могли бы вы позволить мне осмотреть ваши украшения? – я посмотрела на господина настороженным взглядом, и он поспешил добавить, — Дело в том, что я ювелир, сударыня. Филип Ретье, если вы обо мне слышали. И мне редко выпадает возможность видеть работу столь тонкую, чтобы хотя бы не попытаться осмотреть ее, пусть даже рискуя вашим расположением.

— Отчего же, — облегченно вздохнула я, — Я ничего не имею против ювелиров, особенно, когда они испытывают ко мне чисто научный интерес. Хотя, наверно, неловко будет, если вы начнете приглядываться к моему платью вблизи, — подумала я вслух и, открепив от пояса один из эглетов, показавшийся мне не таким уж и важным, чтобы можно было обойтись без него, вручила его в руки не ожидавшего такого поворота Ретье, — Смотрите сколько вам угодно.

Ювелир, достав из под полы камзола прекрасной работы увеличительное стекло на цепочке, принялся разглядывать врученную ему подвеску с немалым интересом.

— А могу ли я узнать, чьей они работы? – поинтересовался он между делом.

— Я в таких вещах не разбираюсь, если честно, — простодушно призналась я, глядя на то, как он подставляет камни под свечной свет, — Мне эти вещи матушка с собой сложила, а ей, наверное, прислали из Флоренции – у нас там как раз недавно открылись новые ювелирные мастерские…

Я сообразила, что чуть было не сболтнула лишнего, и прикусила язык. Впрочем, на горизонте как раз показался Рошфор, так что я, сославшись на то, что вот-вот начнется танец, поспешила откланяться, подарив напоследок этому милейшему человеку еще одну улыбку.

— Сударыня, а как же подвеска? – было дернулся он вслед, но чего я точно не хотела, так это тратить время и привешивать ее обратно с самым глупым видом, причем на глазах у всего этого дворянства – тем более, я даже не знала как это сделать.

— Оставьте себе, — отмахнулась я, устремившись в спасительные объятия графа, тут же поставившего меня на место, в буквальном смысле — аккуратно проводив в положенный ряд для начала финального танца.

А, уже в карете, этот выдающийся интриган сидел напротив и смотрел на меня тем взглядом, которым мужчина смотрит на женщину перед тем, как сказать «а я же говорил». Я же, сняв маску, дорвалась до фляжки с валерианой и первым делом опустошила ее досуха.

— Вид у вас, сударыня, тем временем, очень цветущий, — заметил граф, теребя приколотый к перевязи подснежник, — По вам и не скажешь, что вы не хотели идти на бал.

— Ну, я признаю, любезный Рошфор, — так и быть, пришлось согласиться, и пусть он в кои то веки почувствует себя правым, — Это намного веселее, чем мне казалось. Все эти танцевальные скачки и переходы выглядят куда лучше, когда проделываешь их на балу, а не на заднем дворе резиденции имени Святого Мартина вместо сиесты, да еще и под присмот-

ром матушки-настоятельницы. Между прочим, за плохое исполнение она отправляла собирать крапиву голыми руками, так что мое отношение было вполне оправданным!

— Крапиву?

— Ну да, крапиву. Ценное лекарственное растение, между прочим, — я посмотрела на Рошфора и поняла, что бедняга, кажется, нарисовал в своем воображении слишком уж ужасную картину, и поспешила его утешить.

— Но, вообще то, это не так и страшно. Особенно если положить ее в холодный суп, по русской моде – кисленькая, полезная, повышает жизненную силу…

Но, кажется, лучше от этой реплики ему не стало.

Запись одиннадцатая.

На той же неделе, я, разумеется, как и обещала, завилась к Рошфору, за обещанными им громилами. Его вредное Сиятельство встретил меня как обычно, смотря на меня с плохо скрываемой скорбью и смирением, делающим честь любому монаху-францисканцу – разумеется, не настоящему, а тому, какими бы они хотели представляться окружающим.

— Сударыня, — говорит он, — А может вы, все таки, откажетесь от этой затеи?

— Ни в коем случае! – я выхватила из под его носа аппетитное яблоко, неосторожно положенное с краю большой вазы, мирно стоявшей на столе подле графа, — Мне непременно надо допросить эту мадам Гургоне. Потому что кажется мне, что именно она станет тем узелком, потянув за который я, наконец, выйду на истинных заговорщиков, и не только против кардинала, а против, в первую очередь, лично меня. Мне все еще не дает покоя перспектива отрубленной головы, знаете ли. Да и босхов зад, пойманный в прошлом месяце, никак не дает покоя.

— А что за «босхов зад»? – тут же поинтересовался Рошфор, глядя на меня с большим подозрением.

— Да так, — поспешила отмахнуться я, — Мелкий бес один.

— Ну, как знаете, как знаете… — произнес граф, хотя, по моему, считал абсолютно противоположное.

Вот пора бы Рошфору и смириться с тем фактом, что я, уж если что и задумала, но очень редко отказываюсь от того, чтобы это осуществить. Вот чего он, собственно, боится? Что я испорчу репутацию кардинала? Так это не я распеваю на улицах народный, как бы выразились в двадцатом веке, «хит» под названием «Кардинал спустился в ад, Сатана был очень рад»[33]. И уж точно не за меня – я, кажется, уже успела доказать, что это бесполезное занятие. Примерно как бояться за медоеда, собирающегося отбить дохлую антилопу у львиного прайда. Так что графу ничего не оставалось, как послать за своими людьми, пока я, некстати, не вспомнила, что хотела кое-что у него спросить.

— Кстати, Рошфор, — невинно так интересуюсь я, дожевывая то самое яблоко, — Я тут краем уха слышала, вы, наконец-то, завели себе даму сердца? Не то, чтобы я собирала сплетни, просто с моей стороны невежливо было бы вас не поздравить, если это правда.

Рошфор как то сдавленно закашлялся, едва не пролив на себя вино, которое собирался выпить.

— Кто вам это сказал, позвольте узнать?

— Кэти, — говорю я, — Моя служанка что-то такое болтала на днях. Говорят, знатная дама, чуть ли не родная дочь герцога Медичи и все такое. Даже, говорят, сам кардинал все это подстроил, чтобы укрепить свои позиции, раз уж самому ему никак нельзя жениться, а вы его правая рука. Хотя мне одно решительно непонятно – когда это вы успели?

— А я и не успевал, — как то загадочно отвечает Рошфор, глядя на меня обычным своим странным взглядом, — А вы, сударыня, в курсе, сколько стоит тот подвесок, который вы легкомысленно оставили ювелиру под конец того бала?

Я выкинула огрызок в окно и уставилась на потолок.

— Ну, наверное тысячи полторы-две ливров, — предположила я, — Да, я знаю, что поступила глупо, но я так не хотела выглядеть дурой, прицепляя его обратно! Вычтут потом

[33] Реально существовавшая песня, называющаяся, в оригинале, “Richelieu dans les enfers”, и бережно сохраненная для потомков коллективом Quatuor de la Cité.

из годового жалования, ничего страшного. А какое это, вообще, имеет отношение к моему вопросу?

— Но ведь не я же явился на королевский бал в ратуше в маске, инкогнито, и в платье стоимостью с кардинальский дворец, — парировал Рошфор с интонацией ироничного превосходства, которую, обычно, употребляю по отношению к нему я, — Если не больше. И не я, между делом, говорю тому самому ювелиру – к слову, подосланному герцогиней де Шеврез с целью выяснить, не являются ли камушки на том самом платье банальной поделкой из стекла – что получила все эти драгоценности от матушки прямиком из мастерских во Флоренции! А уж когда вы запросто подарили ему этот самый подвесок, стоимостью, к вашему сведению, каких то несчастных две тысячи пистолей, то, разумеется, не оставили им ни малейшего повода не считать вас, по меньшей мере, внебрачной дочерью герцога Тосканского! Заодно, кстати, своим подарком вы чуть-чуть перещеголяли Бэкингема с его жемчугом[34], так что кардинал был просто в восторге.

— Пистолей? – я, если честно, была несколько поражена этой суммой, чтобы обратить внимание на все остальное, потому что понятия не имела, что эти безделушки стоят столько денег — А, собственно, почему так дорого то? Бриллианты то всего ничего, меньше карата, да и сапфир, конечно, дорогой камень, но не настолько же?

— Да, сударыня… — протянул этот невыносимый шпион, — Не знал, что вы настолько не разбираетесь в вопросе. А чистота камней, а сияние, а огранка, работа, в конце-концов?

Ну не говорить же этому графу, что я, оценивая камни, просто вспомнила сумму, в которую в романе Атос торговал за перстень, подаренный им как то Миледи? Там, кажется, давали за перстень с сапфиром две тысячи ливров, при условии, что на самом деле он стоил десять. Но на перстне камень, все таки, в несколько раз крупнее чем тот, что на моих брошках – вот он и должен стоить дороже. Я рассуждала как то так, и до сих пор полагала, что права.

— Ну, признаю, граф, я — глупая женщина, ничего не понимающая в драгоценных камнях, — вздохнула я, мысленно прикидывая, как бы сообщить матушке-настоятельнице Элиф ван дер Берг, увлекавшейся ювелирным делом, что ей тоже было бы неплохо ознакомиться с текущими расценками на драгоценности. А то этот комплект, который она все таки сунула мне в подарок багаж, она считала за пробу пера, и оценивала в пятнадцать тысяч за все. Правда, она это считала в дублонах – сиречь, в том, что здесь называется пистолями. Но все равно даже эта сумма куда меньше, чем сказал Рошфор.

— Так, получается, таинственная принцесса Тосканская – это я, что ли? – наконец, дошло до меня.

— Ну наконец-то, вы это поняли, сударыня, — подытожил Рошфор как то совсем торжествующе, хотя хихикал при этом абсолютно глупо. А я, наконец, поняла, почему кардинал был так счастлив и так ухмылялся, глядя на меня. Ну конечно – весь двор теперь думает, что тосканская ветка Медичи его поддерживает, а ему это только на руку в борьбе с королевой-матерью и Анной Австрийской. Кстати, не так уже это и не правда – формально, Эльба тоже относится к герцогству, а сам нынешний Великий Герцог Фердинандо Второй очень плотно сотрудничает с нашей организацией и вообще, человек не чурающийся науки и прогресса. А уж за сплетни двора я вовсе не ответе.

Поэтому, я воспользовалась отсутствием в комнате слуг, которые могли бы подглядывать, и, в качестве мести, промаршировала к Рошфору и запечатлела на его губах короткий, но вполне убедительный поцелуй.

---

[34] Бэкингем на балу как то случайно порвал ожерелье крупного жемчуга, и позволил гостям собирать рассыпавшиеся жемчужины по полу, сказав, что для него это мелочь, чтобы утруждать себя нагибаться, так что пусть оставят собранный жемчуг себе.

— Это, граф, чтобы вам не было так обидно, что вашей таинственной возлюбленной тоже оказалась я, — заявила я, глядя в его расширенные от удивления глаза, — Мне бы, на вашем месте, было бы немного обидно.

— Это почему же, сударыня? – как то опять погрустнев, спрашивает он.

— Ну, я же, все таки, не она? – пожала плечами я, и выудила из той вазочки еще одно яблоко.

А, пока Рошфор осмыслял смысл сказанной мною фразу, наконец-то явился слуга, в сопровождении двух господ, представленных мне как те самые заказанные мною громилы, так что разговор пришлось прервать, поскольку для них то я была все же Шарль. Вид громил, впрочем, и правда был внушительный, с палашами вместо шпаг, в кожаных колетах поверх черных рубах, черных же штанах с сапогами и шляпах, залихватски заломленных по моде рубак того времени.

— Задачу вам разъяснили? – поинтересовалась я у того, что был с пышными усами и выглядел как натуральный швейцарец, а, как выяснилось по акценту, именно им и был.

— Да, сударь.

— И в чем она?

— Следовать за вашей милостью, и быть вашими телохранителями на случай непредвиденных ситуаций.

— И выполнять мои команды, — уточнила я, на всякий случай, — Потому что ваша задача, в первую очередь, быть убедительными. А это значит — сделать так, чтобы мне не пришлось доставать шпагу.

— Не придется, сударь, — заверил меня швейцарец совершенно серьезно, что мне очень даже понравилось, а второй просто кивнул. – Господин граф нам все хорошо объяснил. К тому же, мы видели вас на той дороге, — добавил он с долей почтения, — Так что вовсе не считаем вас трусом, или что-то вроде этого.

Я благодарно кивнула графу, и не менее благодарно обоим громилам.

— Ну что ж, прекрасно! – возгласила я, — Тогда в путь. А именно – на улицу Турнель, и да смилостивиться Господь над душами тех, кто встанет у нас на пути, аминь.

Вели меня, разумеется, громилы – поскольку они, в отличие от меня, точно знали, где находится дом мадам Гургоне, который на улице Турнель, почти по соседству с одним из малых Дворов Чудес. И поэтому то, что я – дура несусветная, забывшая посмотреть на план города, я стала подозревать только тогда, когда громилы повели меня прямиком в сторону Бастилии. А уж когда мы уверенно прошествовали мимо окон моего особняка на Королевской площади и свернули налево недалеко от пресловутой кардинальской тюрьмы, мое подозрение превратилось в очевидный факт. Потому что оказалось – что для меня, честно считавшей, что всякие злачные места попросту не могут соседствовать с приличными особняками, было неожиданно – улица Турнель начиналась как раз за углом от площади перед Бастилией, а сама мадам Гургоне фактически жила в пяти минутах очень неспешной ходьбы от моей двери. Вот знала бы – вызвала бы громил к себе на дом, вместо того, чтобы идти сначала до Рошфора! Но графу, видимо, доставляло особое удовольствие видеть, как ведьма плутает по всему городу в поисках того, что находится под самым ее носом. Ну ничего, я еще отомщу.

Впрочем, для местных обитателей, представлявших собой всяческого рода бедняков, попрошаек и торговцев явно мошеннического вида, изредка разбавленных девицами совершенно определенного вида, не оставляющего сомнения в роде их занятий, вид дворянина, пробиравшегося через толпу в нужном ему направлении, видимо, не составлял ничего необычного. Разве что тот факт, что сей дворянин – то есть я – чуть было не вывернул руку парнишке, вздумавшему, как ему казалось, незаметно утащить висящий под плащом кошелек, вызвал в них некоторое удивление, впрочем, быстро обратившееся в насмешки над самим неудачливым воришкой, не сумевшим ощипать проходящего мимо гуся. Я, раскаявшись в том, что сорвала

на нем злость на Рошфора, кинула ему монетку, и он, исчез в подворотне, блеснув напоследок глазами.

Дверь дома, в котором жила мадам, мои телохранители просто выбили, не встретив особого сопротивления от старого, явно не рассчитанного на такое обращение, замка – или то был засов, но, в любом случае, он был ветхим. А сунувшегося было наперерез слугу швейцарец, добросовестно выполнявший роль телохранителя, попросту отправил обратно в комнатку, откуда он выполз, отточенным ударом под дых. Я же, пропустив вперед второго громилу, направилась вверх по ступенькам, чтобы встретиться с упомянутой мадам лицом, так сказать, к лицу.

Мадам оказалась рыжеволосой дамой лет тридцати-сорока, с выразительным, похожим на ворону, лицом, тщательно покрытым белилами в попытке скрыть явные признаки начинающегося алкоголизма. Впрочем, для человека, в комнату к которому только что вломились трое вооруженных и явно злых мужчин, вела себя она довольно достойно.

— Что вам угодно, господа? Зачем вы вломились в мой дом столь наглым образом? – так она нас встретила, стоя возле большого стола, покрытого алой бархатной скатертью, с хрустальным шаром и в черном балахоне, расшитом всякими каббалистическими символами. В общем, обычная такая атрибутика медиума-шарлатанки.

— Вы, — спрашиваю я, — мадам Гургоне, медиум?

— Да, это я, — отвечает она, кивая головой, от чего еще больше походит на ворону.

— А чем докажете? – спрашиваю я, после чего мадам немножко зависает, потому что такого вопроса, знаете ли, она, наверное, не ожидала. Я тем временем убедилась, что в комнате никаких других дверей нет, и взглядом показала громиле удалится и держать оборону внизу, на случай, если заявится кто-то из клиентов. Ну, или просто забредут проверить, что тут происходит.

— Докажу что? – наконец прозревает мадам, все еще глядя на меня как на явление Христа на Пасху.

— Ну, что медиум, — я шмыгнула носом и, рассеянно подцепив со стола колоду больших таких, с ладонь, карт Таро, принялась задумчиво тасовать, — Ну и там что у вас еще в наборе: приворот, отворот, проклятие, порча, снятие оных, и всякие прочие предсказания судеб?

— А с чего я вообще должна вам что-то доказывать? – заявляет мадам, встряхивая побрякушками на балахоне для убедительности, — Убирайтесь вон, или я вас прокляну так, что вы и ваши потомки до седьмого колена будут в ужасе вспоминать тот день, когда вы посмели заявиться ко мне!

— Боюсь, ждать придется довольно долго, — заявила я, поскольку потомков как то не планировала, — И вообще, мне не страшно. Лучше сыграем в карты, — я, не глядя, сняла верхнюю карту и положила на стол, — Вот это вот вы.

Мадам, покосившись на карту, убедилась, что на ней изображена Верховная Жрица, — А это вот – некий господин де Шале, — на стол легла карта Дурака, — Так вот мне интересно, почему это господин де Шале, будучи схваченным на месте преступления, когда замышлял по тихому так зарезать ржавой вилкой некого Ришелье — на стол, рядом с Иерофантом легла карта Справедливости, а затем перевернутая Фортуна, — в числе прочих заговорщиков упомянул именно вас, сударыня, как покровительницу и вдохновительницу всего того вертепа, который они, по скудности ума, именовали заговором? И не хотите ли вы мне рассказать все сейчас, в приватном, так сказать порядке, вместо того, чтобы быть немедленно препровожденной в Бастилию?

Я, не глядя на колоду, последовательно выкинула на стол Башню, Повешенного, Суд, Колесницу и Смерть, предоставив мадам расклад, буквально, ее будущих перспектив. Для наглядности.

— Вы мухлюете, — сдавленно произнесла мадам, глядя на карты.

— Проверьте, — я, пожав плечами, сгребла карты со стола и, присовокупив к остальное колоде, вручила ей, — Перетасуйте сами как хотите и выложите на стол. Не волнуйтесь – гадать на себя, на самом деле, можно, если знать, как избежать предсказанного.

Мадам, разумеется, колоду взяла, перетасовала и принялась за расклад. И, конечно же, под моим пристальным взглядом, у нее получилось все то же самое – потому что я то, в отличие от нее, не только не блефовала, так еще и действительно ведьма.

— Кстати, говорю я, — Если вы сейчас будете рассказывать мне про покровительство королевы и герцогини де Шеврез, можете вытащить следующую пару карт и посмотреть, что там будет потом. Уверяю, тоже ничего для вас хорошего.

Мадам, заглянув в следующую карту, и обнаружив, разумеется, Императрицу, швырнула колоду мне в лицо и упала кресло, сверля взглядом лежавший на столе расклад. Так что, чтобы привести ее в чувство, пришлось поднести к ее носу кружку с водой, налитой из неизменной моей фляги.

— Так вы решили насчет Бастилии? – вежливо поинтересовалась я, указывая на Башню.

— Решила, — наконец просипела она, — Я вам все расскажу.

Хотя, пока я сидела напротив, подперев щеку самым наглым образом и мечтая о разноцветном цилиндре на голову, рассказала она мне не то, чтобы много чего-то полезного. Дескать, однажды вечером пришла к ней служанка с приглашением устроить спиритический сеанс в одном доме на улице Вожирар и задатком в пятьдесят ливров. Мадам, не будь дура, от таких денег отказываться не стала, и поехала, прихватив с собой все, что повернулось под руку. Ну и провела сеанс как положено, всем все понравилось – правда, она удивилась, что ее пригласили в дом, полный благородных господ с дамами, но задаток есть задаток, и заплатили ей потом еще пятьдесят. А на следующий день пришла та же служанка с другим письмом. И сказано было, что теперь она такие сеансы устраивать будет регулярно, и получать столько же денег, только с собой больше ничего брать не надо, и вообще, молчать о том, что происходит и просто выполнять свою работу.

— Я, — говорит, — Поначалу даже не поняла, что они в виду имели. А потом, когда на второй сеанс пришла, увидела эту табличку, и перетрусила. Я ж без своих штучек ничего не могу толком – так, гадать умею, наговорить всякого, чтобы человеку приятно было. А двигать стол с дощечкой это мне нити потребны специальные, — Мадам отпила еще воды, щедро приправленной лимоном, из кружки, которую я заботливо долила до верха, и продолжила, — Только вот дощечка все равно сама двигалась, как живая, и уверяю вас, сударь, никаких ниток там не было! Мне страшно стало, но сто ливров на дороге не валяются. К тому же, мне потом намекнули, что если я от этой работы сбегу, то меня найдут в канаве мертвой – вот я, сударь и работала чучелом на чужом спектакле. Все напишу, все подпишу, только не отправляйте меня в Бастилию, сударь. Помогите лучше скрыться, а то ведь сделают крайней и казнят как ведьму.

Ну, я нашла бумагу, перо и чернила, и подсунула ей, расписав заранее все, что она мне тут наговорила. И, судя по тому, как коряво она накарябала свою подпись внизу, совершенно не зря потратила время, чтобы написать все остальное самой. А потом кликнула громил и наказала им вывезти эту мадам куда её глаза глядят, под охраной, из Парижа и отпустить восвояси. И дала сотню пистолей впридачу, вместе с кошельком.

Потому что зачем мне с ней возиться? Она тут, собственно, действительно просто крайней вышла.

Запись двенадцатая.

И все равно, что бы я не предпринимала, призрак нерожденного еще Дюма вставал надо мной, словно дамоклов меч. Начнем с того, что эта особа, герцогиня де Шеврез, не стала дожидаться, пока Ришелье до нее доберется, и сбежала из Парижа прямиком в Дампьер. Правда, не тот, про который все думают, а тот, что в Пуату, недалеко от ла Рошели, и уже оттуда начала слать письма, в которых открещивалась от несостоявшегося заговора и во всем обвиняла де Шале, который, дескать, неправильно ее понял, кардинала, который воспользовался случаем с де Шале и историей с ревностью короля насчет подвесок, чтобы в очередной раз очернить несчастную Анну Австрийскую, и, разумеется, некую Миледи, которая всему этому способствовала. Вот уж не знала, что пока, физически, я гоняла водяных вокруг острова Святого Людовика, по личной просьбе все того же кардинала, я умудрилась заодно подделать переписку несчастного графа, потом выкрасть ее, а потом еще и отравить дюжину человек, знавших о том, что весь заговор был подстроен самим кардиналом ради кражи подвесок и того, чтобы уличить королеву в измене с Бэкингемом! И даже не спрашивайте меня, где во всех этих слухах последовательность и логика, потому что их там никогда и не было.

Поэтому, для начала, на меня ополчился Арамис, никогда в жизни меня не видавший (как и я его, кстати), но заочно обвинявший Миледи в том, что он лишился регулярных встреч со своей возлюбленной белошвейкой Мари Мишон. Про Атоса я уже и так рассказывала, а д'Артаньян, ко всему прочему, лишился Констанции, по настоянию королевы уехавшей в пресловутый Бетюнский монастырь, якобы, для паломничества. Вот только город Бетюн в то время был совсем не во Франции, а находился под управлением Священной Римской Империи, что, разумеется, не могло навести Ришелье, да и всех знающих людей, на мысль о том, что наша милейшая кастелянша служит там отнюдь не мессу, а, если не шпионкой, то как минимум связной. И разумеется, официальным поводом отбытия тоже была угроза со стороны кардинальской Миледи, так что из четверки мушкетеров против меня (пока что) не имел ничего только Портос. Утешало только то, что вживую меня видел их них все тот же гасконец, причем в качестве шевалье. И, возможно, он даже не стремиться продолжить ту глупую стычку (хотя, кто его знает), так что, завидев меня в конце улицы, не кинется догонять со шпагой наперевес.

Все это, за исключением, конечно, моих собственных мыслей о мушкетерах, поведал мне все тот же неизменный Рошфор, очень удачно заглянувший ко мне на ужин. Дело в том, что накануне я, наконец, получила то, чего жаждала, почитай, вот уже несколько лет – трех больших, вкусных и – самое главное – полных икры живых форелей, которых, разумеется, в тот же день зарезала и распотрошила, отдав Кэти тушки рыб на основные блюда. Сама же я занялась тем, ради чего всё это и было затеяно – икрой! С учетом того, что этот вкуснейший продукт во Франции не пользовался популярностью – в отличие от улиток и устриц, которых фунтами и дюжинами поедала местная беднота, и которые я ненавидела всеми фибрами души – никто, кроме меня, собственно, даже не имел представления, что надо с ней делать. К тому моменту, как граф постучался в дверь, икра уже давно была посолена – всего то дел и надо, что отмыть в соленой воде, очистить от пленки и подержать 15 минут в крепком солевом же растворе – залита чистейшим оливковым маслом, присланным сестрами с Эльбы, и, в хрустальной вазочке, закопанной в куче колотого льда, ждала момента, когда будет съедена со всем почтением, вместе с несколькими бутылками купленного под такой праздник белого анжуйского и большим куском сливочного масла, купленного для тех же целей. Я же, прямо в столовой, в расстегнутом колете поверх шелковой рубашки и бриджах на босу ногу, активно орудовала ложкой, мешая в большой миске жидкое тесто для второго компонента праздника, а именно – блинов. С учетом того, что кухни в доме не полагалось (поскольку её, в противопожарных

целях, вынесли в специальную каменную пристройку на первом этаже), жарить их я собиралась на большой жаровне, водрузив на нее отобранную у служанки сковороду и приспособив вместо лопатки кельму (суть строительный мастерок), тщательно отмытую и признанную достаточно чистой и удобной для кулинарной работы.

Так что выражение лица Рошфора, увидевшего меня в этот момент, вы можете представить. А, будь на его месте кто то другой, плакала бы моя и без этого несостоявшаяся репутация добродетельной дамы.

— Я, конечно, знал, сударыня, что вы – ведьма, но никогда не предполагал, что настолько, — наконец резюмировал он, занимая крайний от меня стул в самом дальнем углу довольно длинного обеденного стола.

— Когда этот факт избавляет меня от лишних условностей, я только радуюсь тому, что так и есть, — парировала я, вздымая ложку, полную теста вверх и проверяя текучесть теста, — Вы очень кстати, Рошфор, я тут подумала, что я пожадничала, и одна я это все равно не съем. Даже при помощи Кэти, — добавила я, чуть подумав, — Так что вы обречены быть приглашенным на ужин.

— А это у вас ужин? – заинтересованно спросил Рошфор, и мне стало интересно, что же, в таком случае, он думал до этого.

— Его часть, — уточнила я, — Сегодня у нас рыбный день, если что. Лепешки по-русски с начинкой из икры форели, если быть совсем точной. Кэти сейчас варит сливочный рыбный суп по-фински и жарит форель в соусе из каких-то трав со сливками по местному рецепту. Так что в любом случае что-то из этого может показаться вам съедобным, — я ткнула куском масла, наколотым на нож, в сковороду и, убедившись, что она достаточно нагрелась, принялась размазывать его по всей площади, — Ну и анжуйское, разумеется. Вам же нравится анжуйское?

— Вполне, — кивнул граф, судя по виду, сделавший вывод о том, что ему все равно некуда деваться, и придётся мириться с поведением вздорной женщины меня, раз уж сжечь ведьму почему то запрещает сам Ватикан. А, пока я жарила блины, стопка которых росла на тарелке перед графом, этот самый граф мне все и рассказал как на духу, и про де Шеврез, и про остальные слухи тоже.

— Да, и еще де Шале тоже мы упустили, — печально закончил он, поглядывая на блины со смесью страха и любопытства. Я же, закончив с блинами, накрыла жаровню специальным колпаком, чтобы та погасла – а то в комнате становилось жарковато – и поставила сковороду сверху, остывать.

— Что вы имеете в виду, сударь? – я даже удивилась, потому что, как мне казалось, он сидел в тюрьме, пока не закончится следствие.

— Странная история, — протянул Рошфор, — Как раз по вашей части. Ему отрубили голову. Серебряным подносом – один из охранников внезапно взбесился и набросился на него с такой силой, что несколько человек не смогли его удержать. Безумец нанес ему больше двадцати ударов, пока голова, простите за подробности, сударыня, совсем не отделилась от тела. А теперь по Парижу начинают гулять слухи, что это кардинал его казнил, с особой жестокостью, пригласив вместо палача какого-то цирюльника.

— Очень похоже на стиль герцогини де Шеврез, как мне кажется, — я достала колокольчик и позвонила, намекая Кэти, что пора подавать ужин. Голова служанки высунулась из дверей, заметила Рошфора и, понимающе тряхнув кудряшками, скрылась обратно, — Все, кроме безумца, конечно. А вот это очень похоже на одержимость, что подтверждает теорию о наличии в кругах всех этих заговорщиков неучтенной ведьмы.

— Именно так, сударыня, — кивает Рошфор, — И Его Высокопреосвященство теперь весьма недоволен. Я бы даже сказал, изволит гневаться. И интересуется, что вы будете предпринимать по этому поводу.

— Понятия не имею, сударь, — я поморщилась, потому что чего мне не хватало, так это попасть в опалу кардинала, особенно при условии, что я во всем этом даже не виновата, — Вы же знаете, что нет никаких способов выявить обладателей дара, пока они непосредственно не колдуют. Ну, если они, как я, при этом не ведут себя странно и вообще скрываются. Но можете передать Его Высокопреосвященству, что я эту ведьму непременно поймаю. Рано или поздно.

— Передам, — как то отстранённо кивнул Рошфор, — Но лучше бы это было рано. Потому что Ришелье твердо уверен, что в следующем году придется воевать с гугенотами.

— Ла Рошель? – я даже не гадала.

— Именно, — кивнул Рошфор, — Только мы пока не знаем, что будет раньше – король просто объявит это сам, или гугеноты сначала поднимут мятеж.

— Ну что ж, хоть посмотрю на этот ваш бастион Сен-Жерве, — пожала плечами я, — Кстати граф, вы не хотите пересесть поближе, ну хотя бы на время ужина?

Рошфор, чуть помявшись, перебрался на стул напротив меня, оказавшись, конечно, значительно ближе чем был, но все равно на почтительном расстоянии, с учетом ширины стола. Пришла Кэти с подносом, принявшись сервировать стол, чем немало удивила Рошфора – следует сказать, что я все таки надрессировала служанку подавать блюда так, как было единогласно принято на Эльбе, что, во Франции, следовало бы называть так же «а ля русс». То есть, со всеми полагающимися ложками, вилками и ножами, размещенными на специальной салфетке, специальной тарелкой для того, чтобы ставить на нее другие тарелки с блюдами, сменными тарелками под каждое блюдо и прочими изысками, во Франции не слишком принятыми, не говоря уже о том, что те же вилки все еще вызывали вопросы относительно их приемлемости. К тому же, здесь блюда не подавали отдельно, выставляя на стол все сразу, а я предпочитала, чтобы на стол не напоминал собой посиделки одесской интеллигенции под Новый Год. Поэтому на стол была подана лишь супница, источающая вкусный запах ухи, и бутылка ледяного анжуйского, вызвавшая у Рошфора, как чистокровного француза, отдельный приступ ужаса.

— Сударыня, вы пьете вино холодным? – тактично спросил он, хотя, будь я на его месте, я бы, наверное, выражалась куда более темпераментно.

— Я понимаю, что это выглядит странно для вас, граф, — я расковыряла сургучную печать и, подцепив торчавшую пробку кончиком ножа, после небольшой возни открыла бутылку и разлила вино по изысканного вида хрустальным бокалам на металлической ножке, — Но, все же, поверьте мне, что в данном случае я абсолютно права.

Кэти тем временем разлила суп по мискам, выделив Рошфору всего половину порции – на всякий случай, а мне налив уху едва ли не до краев.

— Итак, граф, — я приподняла бокал, — Предлагаю начать. За ужин в ведьмовском стиле! — я отпила большой глоток, пропустив по языку прохладный поток освежающего, чуть отдающего цветам, вина, — И немедленно потом съешьте вот эту штучку у вас перед носом, которая рыбный суп.

Я незамедлительно последовала своему совету, зачерпнув полную ложку сливочной ухи и отправив в рот. Кэти, все таки, готовить умела, поэтому прекрасно справилась с приготовлением даже не слишком то знакомого блюда, так что вкус был именно такой как надо – форель с легкими нотками сливок и специй, приятно контрастировавшая по вкусу и температуре с белым вином. Рошфор – я была уверена, что он очень хотел перекреститься перед тем, как это сделать – последовал моему совету куда более осторожно, повторив мои действия и замерев, задумчиво жуя рыбу и смотря куда то в сторону.

— Не волнуйтесь, граф, никаких зелий там нет. Только вполне обыкновенные продукты, — соврала я, потому что картофель, который являлся неотъемлемой частью ухи, во Франции так и не прижился в качестве съедобного растения, и проходил по разряду декоративных, но ядовитых. Так что для того, чтобы его добыть, я совершила набег на кардинальский сад, рас-

копав его в ночи и тихо ругаясь на то, что размер клубней, оставшихся без нужной обработки, вызвал бы слезы у любого истинного белоруса. Заменять же его другими кореньями я не хотела, поддавшись приступу хронологической ностальгии.

— А знаете, это даже вкусно, — вынужден был признать граф, наконец, — Непривычно, конечно, но вкусно.

— Ну вот и славно, — заключила я, так что уху мы доели без эксцессов, разве что Рошфор, в отличие от меня, все равно запивал чуть ли каждую ложку отдельным глотком вина. Потом была форель жареная, не вызвавшая никаких культурных нареканий по части рецепта, кроме того, что я, в отличие от графа, ела ее с ножом и специальной вилкой, а потом Кэти, к ужасу графа, принесла на стол тот тазик со льдом и икрой. Блины, к тому времени, как раз достаточно остыли, чтобы их можно было есть с начинкой, так что я облизнулась и откупорила новую бутылку анжуйского.

— Что это? – с каким от отчаянием вопросил граф, указывая кончиком ножа на икру.

— Икра форели соленая, — провозгласила я, — Русский, и ведьминский тоже, деликатес и вообще вкуснятина.

Граф как то поежился, но я была непреклонна.

— Если вам кажется, что это ужасно выглядит, то вспомните, как вы уговаривали меня попробовать запечённых улиток, — припомнила я ему эпизод годовалой давности, когда я как то ненароком осталась у него на обед, — И проявите мужество.

— Хорошо, сударыня, — печально вздохнул граф, перетащив на свою сторону стола бутылку вина из тазика и подливая бокал до полного, — Раз вы так настаиваете.

— Ну вот и славно, — я, утащив из стопки блин, и разместив его на широкой тарелке, щедрой рукой добавила на него икру большой ложкой и ловко свернула это в конвертик, вручив Рошфору и повторив ту же процедуру для себя, — Это можно просто есть, граф, как пирожок с начинкой.

Рошфор осушил где-то половину бокала, закрыл глаза и смело откусил половину, принявшись жевать с видом абсолютно мученическим. Я же первую пару проглотила моментально, и только после этого, утолив ностальгический голод, сделала из блина рулетик, свернув в трубочку и намазывая тонким слоем сливочного масла перед каждый укусом и смакуя давно забытый вкус. Рошфор все жевал.

— Вы в порядке, граф? – участливо спросила я, надеясь, что его вредное сиятельство, после этого ужина, не начнет сторониться меня как зачумленной. Мне он, если честно, даже нравился. Граф перестал жевать и открыл глаза.

— Не знаю, — произнес он, — Я все думал, не превращусь ли я после этого сам в форель, если вы, сударыня, вдруг решили меня заколдовать. Но вижу, что нет.

— А вкус вам как? – поинтересовалась я, слегка даже обидевшись на такие мысли на мой счет.

— Специфический, — по размышлению, выдал граф, — То ли рыба, то ли не рыба, лопается так странно на зубах, и слишком солоно, признаться, на мой вкус. Я понимаю, почему вы едите это с холодным вином, — он допил бокал, прислушиваясь к себе, и закончил, — Но, как ни странно, мне хочется еще.

— Угощайтесь, граф, все равно это невозможно хранить долго, — я подвинула ему тарелку с блинами поближе и, пригубив вино, принялась наблюдать, как граф сооружает себе подобие моего рулета. В конце-концов, икру с блинами мы прикончили на пару, причем граф съел чуть ли не столько же, сколько и я, а от шести бутылок анжуйского вовсе ничего не осталось. Пришла Кэти, покосившись на меня, пустые бутылки под столом, а потом на графа, собрала посуду и остатки ужина и снова исчезла, напоследок послав в нашу сторону какой-то странный взгляд, слово хотела что-то сказать. Я же, к своему удивлению, обнаружила, что, кажется, слегка напилась.

— Ну вы хоть не пожалели, сударь, что остались на ужин? — спросила я, пытаясь понять, насколько именно на самом деле я пьяная, с учетом того, что я, все таки, ела сливочное масло и прочее, довольно жирное. Прикинула. Ой, мама… А вот граф, подлец такой, выглядит вполне трезвым – вот что значит «привычка».

— Ничуть, — говорит граф, — Это было вкусно, и очень… познавательно.

— Тогда не окажете мне любезность, и не сопроводите на небольшую прогулку? – спрашиваю я невинным тоном, — А то я опять заблужусь в этом вашем Париже, ненароком.

— Отчего же нет? – как то задумчиво отвечает Рошфор, и я, благодарно кивнув, попросила его немного подождать и пошла одеваться.

А то, знаете ли, неудобно гулять по Парижу без сапог.

Запись четырнадцатая.

Ибо суеверия преследуют и ведьм.

— Знаете, сударь, когда вы предложили мне прогуляться, я представлял себе совсем другую картину, — саркастично заметил Рошфор.

Я его, если честно, понимала. Всего час тому назад мы совершенно беззаботно вышли с Королевской площади и направились на набережную, как я выразилась, полюбоваться вечерней Сеной. А, дойдя до набережной святого Павла, повернули налево – скорее, правда, это я повернула, по привычке, выработанной за время возни с водяными, а граф лишь последовал за мной, — и пошли спокойно вдоль набережной в вечерних сумерках. Между прочим, этим фактом мы были обязаны Его Высокопреосвященству, который настолько впечатлился подаренными Орденом фонарями, украшавшими с тех пор то самое шато Флери-ан-Бьер, что – не без помощи все того же Ордена, выделившего, между прочим, на это мероприятие изрядную сумму денег в золотых слитках – сразу по приходу к власти распорядился заказать и вывесить такие фонари по всему Парижу. На почти столетие раньше, чем это должно было быть исторически, между прочим, зато Париж, помимо статьи расходов, обрел не только славу города Тысячи Огней, но и относительную безопасность, поскольку даже кое-как освещенные улицы все равно были лучше улиц насквозь темных, где всякие криминальные элементы могли работать, вовсе не опасаясь того, чтобы быть замеченными и пойманными. Да и вообще, удобно и красиво, к тому же, весьма впечатляло послов других стран, что было на руку все тому же Ришелье.

К слову, фонари были простенькие – бак с маслом вместо керосина, фигурные заслонки по краям, служившие для защиты от ветра вместо стекол, три толстых фитиля для лучшей яркости, и простенький же отражатель с отверстием для горячего воздуха вверху, из полированного железа, поскольку зеркала выходили бы слишком дорогими. Кстати, эта же часть отвечала за важный момент в виде пожарной безопасности, поскольку при падении или большом крене отражатель просто падал вниз и, в большинстве случаев, гасил тем самым все три фитиля лампы.

Так что набережная, хоть мостовая и закончилась довольно быстро, уступив место утоптанной широкой тропинке, была действительно красива, с этими всеми огоньками и плавающими по Сене лодками. Так, неспешно, под вздохи Рошфора, вздумавшего было вспомнить что то из Ронсара (кажется, про розы), но запутавшегося в строфах и окончательно сникшего после того, как я, в ответ, безошибочно продекларировала ему «Ленивца» за авторством Сент-Амана — причем я только потом сообразила, что стих этот автор все еще не написал – дошли до дома портового смотрителя. В том месте рукав реки, образованный островом Святого Луи, тогда был перегорожен большой бревенчатой плотиной, служившей для того, чтобы замедлить течение и дать возможность портовым рабочим спокойно вытаскивать на берег сплавной лес, доставлявшийся в город в сопровождении дощатых барж. Лес этот занимал все место вдоль южного берега, либо покачиваясь на волнах между теми же баржами, будучи все еще связанным в плоты, либо же в виде вздымающихся вверх штабелей, сложенных там же вдоль всей набережной и далее, за пределы городских стен. Я, усевшись на подвернувшиеся бревна, уставилась на реку, прислушиваясь к собственным ощущениям и гадая, достаточно ли я протрезвела или нет, а Рошфор, тем временем, размышлял вслух на тему того, стоит ли возвращаться обратно той же дорогой или же лучше продолжить прогулку, перейти ров по каменному мостику, взобраться вверх и так пройти до Бастилии напрямик вдоль старой городской стены. Судя по рассуждениям, в пользу городской стены выходило расстояние и некоторая

доля романтики, в пользу же обратного пути по набережной – тот факт, что на набережной куда меньше шансов встретить кого-то, кто сочтет своим долгом выклянчить у тебя удар шпагой или, по крайней мере, хороший тычок в зубы. Мою же реплику относительно того, что во всем Париже вряд ли найдется человек в здравом уме, который решит напасть на двух господ при шпагах, при условии, что один из них – сам граф, а второй это я, прервало появление пятерки гвардейцев, вежливо поинтересовавшихся у графа, оказавшегося ближе к ним, а что, собственно, мы тут делаем. И не затеваем ли мы, в нарушение всяческих эдиктов, дуэль, раз находимся именно в том месте, которое всякие благородные господа изволят выбирать для укромного кровопролития, когда оказываются по другую сторону реки от Люксембургского квартала. Рошфор в ответ просто подошел поближе, оказавшись в свете гвардейских факелов и открыв, тем самым, лицо.

— Никогда бы не подумал, что вы станете обвинять в этом меня, господин Каюзак, — произнес он, на глазах превратившись из Рошфора, угнетаемого вздорной ведьмой в графа, полностью уверенного в собственных силах и, главное, полномочиях.

— А, господин де Рошфор, — предводитель пятерки приветственно махнул рукой, — А это с вами кто?

— Шевалье де Ивер, — коротко представил меня граф, пока я все так же пялилась на реку.

Дело в том, что я заметила на водной глади нечто, меня сильно насторожившее. А именно – небольшую рыбацкую лодку, вывернувшую из-за острова и неслышно скользившую против течения вдоль противоположного берега, таясь под набережной от посторонних глаз и источников света. И, если бы не моя удача и зрение, услужливо подсветившее ауры сидевшей в ней пары человек, она бы так и осталась никем не замеченной или, как минимум, проигнорированной. Первой моей мыслью, конечно, были какие-нибудь запоздалые рыбаки или попросту контрабандисты, переправлявшие нелегальный товар в город по реке, мимо бдительных стражников на воротах. Однако, лодка, судя по ее осадке, выглядела подозрительно пустой для контрабандистов, к тому же, в том месте, куда она шла, никакого причала не было. Был же, как я и говорила, отвесная каменная набережная, плавно переходившая в довольно высокий берег, поросший кустами, и совершенно не пригодный для высадки. Лодка же, проскочив городской ров, двинулась дальше, скрывшись в темноте, и оставив у меня ощущение чего то липкого и мерзкого, словно после встречи с одним из исчадий хаоса.

— А он у вас, Рошфор, неразговорчивый, — тем временем хохотнул Каюзак, — А все таки, что вы тут делаете в такое время?

— Ловим преступников, господин де Каюзак, — пришла я на выручку графу, наконец обернувшись и подойдя к Рошфору, — И, если честно, само провидение послало нам вас, господа.

Рошфор обернулся ко мне, не подав виду, что удивлен – разве что бровь его, незаметно для гвардейцев, слегка дернулась вверх. Вот что значит, все таки, профессионал. Я же изобразила на лице вежливую улыбку.

— Если, конечно, господа гвардейцы соблаговолят нам помочь в нашем деле. И не слишком бояться темноты и воды, — продолжила я тем временем, рассматривая того самого Каюзака. По всему выходило, что, поскольку знаменитая стычка мушкетеров с гвардейцами в этой линии истории не состоялась, сей доблестный муж так и не встретил свою смерть и даже, судя по богато украшенной шляпе, вполне преуспевал.

— А в чем, собственно, дело? – поинтересовался Каюзак, заинтересованно разглядывая меня в ответ. По всему выходило, что вид мой вызывает у него не меньшее количество вопросов, которые, впрочем, он не решился задавать в присутствии начальства, то бишь Рошфора.

Вместо ответа, я подвела его к тому месту, где стояла до этого, и вкратце повторила всю историю с лодкой, поделившись подозрениями о том, что нормальные люди не будут плавать в таких местах посреди ночи. Каюзак поначалу хмыкнул недоверчиво, но потом задумался.

— Простите, сударь, — произнес он, — Эти ваши подозрения звучат достаточно глупо, если честно. Но, может быть, вы и правы.

— Вот сейчас и узнаем, — вместо ответа сказала я, — Вы не могли бы, господин Каюзак, реквизировать что-нибудь плавающее, чтобы нам можно было проследовать за подозреваемыми тем же путем, что и они? А то мысль о том, что придется спускаться в ров и ходить там среди кустов по грязи вызывает во мне легкую неприязнь.

— Отчего же нет? – Каюзак качнул пером на шляпе, — Только вот вам, наверное, придется пойти с нами, поскольку вряд ли вы сможете сесть на лодку с этого места.

— Резонно, — говорю я, — Ведите же нас, господин де Каюзак!

Гвардейцы, построившись квадратом, двинулись обратно к порту, а я пошла сзади, сопровождаемая недовольным Рошфором.

— Знаете, сударь, я еще раз выскажусь, но, когда вы предложили мне прогуляться, я представлял себе совсем другую картину, — граф выглядел весьма недовольным, хотя я так и не поняла, почему.

— Ну, что поделать? – спросила я в ответ, — Со мной вечно случается что-нибудь эдакое. К тому же есть в прогулке на лодке нечто авантюрно-заманчивое, вы не находите?

— Да, если она не происходит в сопровождении троих гвардейцев, сидящих в той же самой лодке, — мрачно заметил Рошфор.

— А почему именно трех?

— Потому что больше в лодку вместе с нами не влезет, — пробормотал его вредная светлость, указывая на стоящие вдоль берега посудины. Пришлось с ним согласиться – на мой взгляд, даже для пяти человек там было слишком мало места.

Каюзак, тем временем, свернул с набережной к реке, протопав сапогами по доскам причала прямиком к сидевшему на ней рыбаку. Видимо, гвардеец обладал каким-то особым навыком убеждения, потому что буквально через минуту в руки рыбака перекочевало несколько мелких монет, а Каюзак махнул нам рукой, указывая на большую лодку, привязанную к мосткам в конце причала.

— Прошу вас, господа! – возгласил он, — Надеюсь, кто-нибудь из вас умеет грести?

— Я умею, — шагнул вперед один из гвардейцев. Рошфор покосился на меня и грустно вздохнул.

— Я тоже могу, — сказал он, прибавив, чуть более тихо, специально для меня, — Но вы, сударь, потом будете мне должны.

Так что в лодке, не считая меня, оказались Каюзак, Рошфор и третий гвардеец, назвавшийся Бикара. Еще один выживший участник несостоявшейся дуэли, насколько я помнила. Правда, Рошфору так и не пришлось грести, поскольку на весла сели гвардейцы, предоставив графу честь управляться с румпелем на корме. Я же безальтернативно устроилась на носу, потому что только я, по разумению, могла нормально видеть в сгущающемся мраке ночи, пусть даже в качестве бонуса гвардейцы реквизировали у рыбака небольшой свечной фонарик.

Лодка отчалила от берега, под тихий скрип уключин направившись в обход острова Святого Луи. Я поерзала, удобнее устраиваясь на носу вполоборота лицом вперед, и стараясь не думать о том, насколько чистая подо мной вода, если мы, вдруг перевернемся – потому что Сена, по моему разумению, не отличалась этим качеством с тех времен, как римляне выстроили на ней первый укрепленный лагерь. Тем моя работа и окончилась, на все время до тех пор, пока мы не подплыли к противоположному берегу и не поплыли вдоль него, вслед за подозрительной лодкой.

Я же разглядывала берег, пытаясь понять, причалила ли лодка после того, как скрылась из глаз, или она поплыла дальше, а я просто зря потревожила господ гвардейцев. Так мы, медленно, проплыли еще сотни полторы туазов, и гвардейцы начали откровенно скучнеть.

— И все таки, что мы ищем, — не выдержал все же Каюзак, недовольно оглядываясь на меня.

— Потерпите еще немного, — я, кажется, увидела то, что искала, и торжествующе указала на едва заметную в кустарнике отворотку, прорытую поперек берега, — А вот и ответ на ваш вопрос, господин Каюзак. Поворачивайте, Рошфор, посмотрим что там.

Несмотря на то, что гвардейцы постарались затормозить перед тем, как лодка свернула, я все равно едва успела пригнуться перед тем, как нос оказался в кустах, продравшись через переплетение веток. Гвардейцам повезло чуть меньше – с них ветки сбили шляпы, осыпав множеством сухих листьев, пыли, паутины и всего прочего, обычно обретающегося в таких вот зарослях.

— Вы это искали, господин де Ивер? — мрачно поинтересовался уже Бикара, отряхиваясь и водружая шляпу на место.

— Вообще то, господа, тут вполне широкая канава, — сообщила я, вглядываясь вперед, — Почти канал. Разве что ветви здесь переплелось так, что неудивительно, что его почти нельзя разглядеть, тем более сверху.

— Дайте мне весло, Каюзак, — Рошфор, кажется, единственный мне поверил – а, может, просто не хотел думать, что мы напрасно потратили время. Вооружившись веслом, граф принялся толкать лодку вперед, словно заправский гондольер, так что я – как и все остальные – получила новую порцию листьев и грязи, летящих прямо за воротник, а через пару таких вот взмахов чуть было не заорала.

— Стойте, Рошфор, а то мы влетим в стену!

Граф тут же бросил весло и полез вперед, прямо через сидящих гвардейцев.

— Вот только не говорите мне, сударь, что это тупик, — произнес он, глядя на то, как канава завершается широкой каменной аркой, в которой воды было столько, что лодка едва бы прошла, если лечь в ней прямо на пол.

— А, по моему, это слив канализации, — фыркнул Каюзак, — Так что вы, сударь, просчитались. И, как мне кажется, потом будете просто обязаны накормить нас в кабаке за свой счет, за такую вот шутку.

— Я бы так не спешил с выводами, — говорю я, — Придержите мня, Рошфор, за пояс, пока я кое-что посмотрю. Сдается мне, я такие вот лазы где то видел.

Я улеглась на носу, вытянув руки вперед, и принялась шарить по своду арки. И да, через какое-то время, нащупала там канат, спокойно протянутый по самому верху, и идущий вглубь тоннеля. Видела я такое, пару раз – так в Венеции прокладывали тоннели для лодок под домами между свай, как раз контрабандисты всякие. А чтобы продвигать лодку, натягивали поверх него канат, за который можно было держаться и, перебирая руками, толкать лодку вперед, вместо того, чтобы грести. Странно только было, что кто-то в Париже додумался сделать то же самое.

— Господа, — говорю я, — Устраивайтесь ка вы на дне лодки поудобнее, потому что мы сейчас полезем в этот вот самый тоннель. И зажгите свечку, потому что в такой клятой темноте даже мне неуютно, хоть я и вижу все почти как кошка.

Рошфор, глядя на меня, кивнул гвардейцам в подтверждение того, что я не шучу. Те, повозившись кое-как, уложили на дно лодки весла и улеглись сами, я же, будучи на носу с Рошфором, провозилась чуть дольше, поскольку места там было меньше, и граф никак не мог устроиться так, чтобы, с его точки зрения, это было прилично. К тому же, все это надо было приделать так, чтобы зацепить руками край арки, будучи уже в положении лежа, что так же

потребовало некоторой сноровки. В конце-концов я не выдержала и ультимативно улеглась сверху, оказавшись на нем спиной и устроившись головой прямо на его груди.

— Ну, господа, — произнесла я, а Бикара, кажется, при этом перекрестился, — Вперед, к неизведанному. И будем надеяться, что я прав насчет хода – а то такой позор пережить будет сложно.

Запись пятнадцатая.

— Вы можете держать меня как то покрепче, господин Рошфор? – недовольным шепотом осведомилась я, когда, подтягиваясь по канату вверх, снова чуть было не въехала ему головой прямо в подбородок, — Я тут делом занят, между прочим.

В свете зажженной лампы над лодкой виден был только свод тоннеля, большей частью вытесанный из камня, но, кое-где, состоявший из вполне добротной кирпичной кладки, да тот самый канат, за который я тащила лодку, вместе со всеми ее пассажирами, куда то в конечную точку этого маршрута. Увы, но Каюзак с Бикара, лежа на корме, никак не могли в этом участвовать, поскольку и так не могли развернуться нормально в тесноте, да еще и с веслами. На долю же графа выпала сомнительная честь удерживать меня на месте, пока я цепляюсь за канат. И, судя по тому, как он это делал, граф все это время метался между тем, чтобы добросовестно прижать меня покрепче и тем фактом, что он, как приличный мужчина, пытался соблюдать приличия и не лапать навязчиво незамужнюю даму, пусть она и ведьма.

— А вы бы пустили меня наверх, господин де Ивер, и лежали бы сейчас спокойно, пока я сам тащил бы лодку, — отозвался этот вреднейший тип тем же шепотом.

— И как бы я вас тогда держал, Рошфор? Вы меня, между прочим, намного больше.

— Господа, а долго еще? – вопросил откуда то сзади Каюзак, — А то я, признаться, не очень люблю узкие и затхлые трубы.

— Понятия не имею, — честно признала я, — Но, надеюсь, не очень.

Мы проползли так уже, кажется, больше двух минут, причем пару раз лодка чуть было не застряла, а я едва не оцарапалась об один из костылей, вбитых в свод, чтобы держать канат. Хорошо хоть тоннель был прямой, а то я не удивилась бы, если бы наша лодка, будучи размерами больше той, что я видела, застряла бы на повороте. И да, запахи, преследовавшие нас все это время, были отнюдь не из приятных, начиная со стойкой вони мокрой болотной грязи.

— Кажется мне, это все построили гугеноты, еще при Генрихе Наваррском, — а это уже Бикара, которому, видимо, тоже было не по себе, — Лишь бы заманить на погибель честных католиков.

— Вполне возможно, господа, только умоляю, будьте, все таки, потише, — прошипела я, — Не хватало еще, чтобы нас в таком виде приняли в конце, если нас услышат.

В ответ раздалось лишь сопение, а я ощутила, как ладони Рошфора обхватывают меня чуть повыше талии, видимо, в отместку за повышенную склочность. Впрочем, именно этого я и добивалась, вроде как?

Лодка, тем временем, стукнулась обо что-то деревянное, а я, наконец, увидела что потолок тоннеля начал повышаться. Пришлось ворочаться, переворачиваясь на спину, чтобы попытаться посмотреть, что там впереди. Рошфор, конечно, проворчал что-то насчет наглости отдельных шевалье, забывающих про то, что под ним, между прочим, целый граф, но мне было все равно. Потому что впереди я увидела ту самую лодку, стоявшую возле импровизированного причала во вполне большой – после тоннеля – по размерам и высоте пещере. И, самое главное, там было место, чтобы приткнуть рядом еще одну, чем я незамедлительно и занялась.

— Господи, хорошо то как, — Каюзак, получив возможность выпрямиться в полный рост, не удержался от того, чтобы размять плечи, пусть и говорил при этом шепотом. Бикара, как более молодой, ограничился тем, что осмотрел стены, используя для этого фонарик, Рошфор же, выбираясь из лодки, был рассеян и задумчив. Я же, первым делом, уселась возле прохода, ведущего из пещеры дальше и прислушалась.

— Кажется, впереди все тихо, — доложила я, — А, кстати, ни у кого нет идеи, где мы находимся?

— В старых римских каменоломнях[35], — безапелляционно сказал Рошфор, — Я, конечно, знал, что их используют все подряд, от монахов до гугенотских шпионов, но никогда бы не подумал, что увижу это вот так, вживую. И, тем более, попав в них со стороны реки.

Я поежилась, представив, какое количество призраков обитало бы в них, попади я сюда полутора сотнями лет позже. Но в этом веке каменоломни еще не начали использовать вместо кладбища, так что если тут и водились какие-нибудь местные духи, то разговаривать они должны были на латыни, если не на каком-нибудь варварском наречии. Эта мысль придала мне спокойствия.

— И что теперь? – Каюзак закончил разминаться и деловито проверил, сможет ли в этой тесноте хотя бы достать шпагу.

— Пойдем вперед, — пожала плечами я, — А там посмотрим. И, господа, я буду очень признателен, если вы будете шагать тихо и пропустите меня вперед.

— Никаких возражений, — кивнул Каюзак, — Вы, я вижу, мастер в таких вот авантюрах.

— Вот и прекрасно, — я нырнула в проход, крадучись в темноте и положившись, в первую очередь, даже не на зрение, а на слух и внутреннее чутье. Правда, меня не покидала мысль о том, что неплохо бы было выклянчить у кого-нибудь из мужчин кинжал, а – еще лучше – начать носить его самой, однако здравая идея пришла в мою голову лишь тогда, когда в конце очередного прохода, перемежаемого узкими пещерами-камерами, я увидела свет одинокого факела, возле которого то ли сидел, то ли спал человек, одетый в ливрею, какую обычно носят слуги богатых дворян.

Пришлось пропустить вперед Рошфора, у которого кинжал был. Граф, прокравшись вперед, зажал рот незадачливому слуге, одновременно приставив лезвие к горлу, так что тот было, конечно, дернулся, но тут же затих, таращась на нас во все глаза, словно на привидения.

— Ты кто? – спрашиваю я, пока Рошфор снимает со слуги ремень и аккуратно связывает ему руки, а Каюзак проделывает то же самое с ногами, используя в качестве связывающего, так сказать, элемента собственные штаны незадачливого слуги, стянутые до колена и аккуратно примотанные к сапогам. По мне, так эта вся возня была лишней, и его стоило просто зарезать, но у дворян и христиан того времени были несколько иные ценности (впрочем, не мешавшие им проливать кровь на дуэлях почем зря).

— Жак, ваша милость, лакей его милости герцога Сезара де Вандома[36], — шепотом отвечает это чучело. Рошфор как то сдавленно хмыкнул, я же, поглощенная более практическими проблемами, чем родословные всяких герцогов, задала вопрос, который интересовал меня куда больше.

— Кто тут есть, кроме тебя? Или хотя бы сколько? – прошипела я, искренне надеясь на то, что никого, кроме него и второго, что я засекла на лодке, тут никого нет.

— Да почитай, много кого, — разочаровал меня этот лакей, — У их милостей сегодня сбор, мы то с его милостью на лодке приплыли, а остальные, наверное, сверху пришли, — тут в голову лакея, видимо, пришла запоздалая мысль, так что он вдруг дернулся и спросил, — А вы то кто, собственно, будете?

— Не твоего ума дело, — буркнула я, сунув ему в рот кляп, сооруженный, кажется, из его же воротника, и аккуратно завязывая его сзади головы, чтобы, упаси нас Господь, от него нельзя было так просто избавиться. Бикара, тем временем, сунулся в следующий проход, и вернулся радостный, довольно таща я руках большую винную бутылку.

— Господа! – радостным шепотом провозгласил он, — Не знаю, что тут делают остальные, но они припасли с собой отличную выпивку.

---

[35] Знаменитые парижские катакомбы.

[36] Сезар де Бурбон, герцог Вандом. Внебрачный сын Генриха Наваррского, любитель заговоров против Ришелье и Людовика XIII, включая тот самый заговор де Шале.

Я смотрю на бутылку в его руках, потом на довольного гвардейца, и тихо выдыхаю.

— Не советую вам пить из этой бутылки, господин Бикара. И, лучше, поставьте ее аккуратно туда, откуда взяли, и постарайтесь там ничего больше не трогать.

— Это почему? – вопросил гвардеец, однако, под взглядом Рошфора, который знал меня намного лучше, все таки подчинился. Я нежно пнула лежащего лакея под ребра.

— Это вы привезли?

Лакей часто закивал. Отлично. Все страньше и чудесатее, как любила говорить мать-настоятельница.

— А что это, ты знаешь? – так же ласково спрашиваю я, на этот раз не пытаясь испортить свои сапожки об его шкуру.

Лакей так же убедительно замотал головой, что было неудивительно. Я вздохнула и направилась туда, откуда Бикара принес эту злополучную бутылку. И, конечно, нашла там еще неполные две дюжины точно таких же, аккуратно уложенных в ящик для винных бутылок, с красиво укупоренными сургучом и пробкой горлышками, с аккуратным гербом на сургучной печати. Мне было только одно непонятно – зачем, собственно, было ставить печать?

Вернулась я к господам гвардейцам в самом плохом расположении духа.

— Господин Бикара, — спрашиваю я, — А вы, случайно, не знаете, что за герб на печатях, что украшают эти милые бутылочки?

— Нет, — прямо отвечает Бикара, — Что-то церковное, как я успел заметить. А что с ними не так?

— Все с ними не так, — заявила я мрачно. Ну не говорить же гвардейцам, что в той бутыли, полной, на первый взгляд, обыкновенного розового вина, и с которой так беспечно явился Бикара, на самом деле специальный питательный раствор? Радовало только то, что, в отличие от меня, гвардеец еще не видел сидящее в этом растворе исчадие, больше всего похожее на фиолетовую полуощипанную курицу с миниатюрными щупальцами вместо перьев – а то бы беднягу там же, возможно, и вырвало. В остальных было то же самое, хотя, конечно, не такое фиолетовое и менее куринообразное, но не менее мерзкое. И я, кажется, догадывалась, зачем все эти бесы были так заботливо рассортированы по бутылкам.

— А скажи мне, любезный, — пнула я этого лакея еще раз, — А вы никакой больше коробочки с собой на лодке не привозили?

Лакей снова закивал, таращась на меня влажными глазами. Ну, я так и думала.

— Господин де Рошфор, — говорю я так официально, хотя все еще тихо, — Есть у меня к вам одна просьба, деликатного свойства.

Граф деликатно отвел меня в сторону, под удивленным взглядом гвардейцев, и наклонился поближе.

— Что вам будет угодно, о, сумасбродная женщина? Вам мало того, что мы, вместо приличной прогулки под луной, случайно явились на какую то встречу заговорщиков, под предводительством самого брата короля?

— Мало, — говорю я, — Нам еще надо отсюда выбраться. Причем как можно быстрее, и лучше всего обвалить за собой тоннель и вызвать Ришелье, со всеми свободными гвардейцами. А уже потом разбираться, насколько они тут заговорщики и под чьим именно предводительством.

— Это почему же? – граф уже не мог выглядеть более удивленным или раздраженным, чем был до этого, поэтому просто прибавил голосу холода.

— Потому, — говорю я, — что в этих бутылках самые натуральные демоны. И мне, без сопровождения пары десятков гвардейцев и парочки обученных капелланов, очень не хочется спрашивать тех, кто их сюда притащил, зачем им они, собственно нужны. И уж тем более оказаться рядом, если эти бутыли, случайно, разобьют, потому что катакомбы эти и так место дурное. А значит, бесу даже маркера или обряда не надо, чтобы, освободившись, тут же влезть

в кого-нибудь с неустойчивой психикой или черной душой. И, помните, граф, что случилось с де Шале? Вот в его охранника именно такой вот бес и вселился.

— Понятно, сударыня, — по тону графа я поняла, что самому ему решительно ничего не понятно, однако испанский сапожок он на меня наденет потом, когда мы, на всякий случай, выберемся. Это утешало. Так что граф махнул рукой гвардейцам, чтобы следовали за нами, и аккуратно так направляется дальше в пещеры, оставив меня плестись следом.

Нет, я этого графа решительно не понимала. То он Рансара мне читает, то хочет, судя по тону, придушить на месте – а я то что ему сделала? Всего то блинами с икрой накормила. И ухой. По-фински.

Однако, этим вот конкретно стараниям нашим было не суждено в ту ночь оказаться успешными. Потому что не успел граф свернуть за очередной поворот, как наткнулся на парочку субъектов, крадущихся навстречу самым подлым образом, так что они, чуть было, о графа не споткнулись. И только удивление помешало им среагировать сразу, так что первого Рошфор успел таки прирезать кинжалом спокойно. А вот второй заорал дурным голосом, хотя почти сразу смолк, получив уже от меня тычок рапирой прямиком в горло.

— Бежим, — как то коротко вякнула я Рошфору, оборачиваясь назад, и сделав большие глаза в сторону топтавшихся за мной гвардейцев. Те, впрочем, сообразили почти так же быстро, как и я, ломанувшись назад со всей доступной скоростью, а возникшие в конце тоннеля за спиной Рошфора всполохи от горящего факела возвестили нас о том, что вопль убитого мною урода – в том, что он урод, я почему то даже не сомневалась – достиг своей цели. Тревогу заговорщики, или кто бы они там ни были, все таки подняли.

И вот когда мы, сопровождая свое отступление бодрым топотом, достигли той комнаты, в которой так и лежал лакей герцога как-его-там, в мою голову пришла дикая идея. Настолько дикая, что в голову она могла прийти только ведьме.

— Бегите дальше, сударь, я вас сейчас догоню, — говорю я, а сама возвращаюсь назад и выуживаю из ящика несколько бутылок с демонами. А потом швыряю в тот проход, откуда мы только что прибежали и, под звон разбитого стекла, припускаю со всех ног к лодке. Благо, гвардейцы с Рошфором уже сообразили устроиться там, и лишь ждали меня.

— Ложись! — закричала я Рошфору, тревожно выглядывавшему из лодки, прыгнула в воду и потолкала ее вплавь, держась за нос и болтая ногами, пока граф, наконец не сообразив, не стал помогать мне, найдя наощупь ту самую веревку. Так что обратно до реки мы добрались намного быстрее, чем приплыли в пещеру, разве что теперь я была насквозь мокрая и, вдобавок, замерзшая как собака на рождественский мороз. Хотя в тот момент я этого даже не ощущала.

Граф втащил меня в лодку, попытавшись накрыть своим плащом, но я совершенно невежливо отмахнулась.

— Без толку, граф, меня теперь, чтобы просушить, если только целиком в камин запихивать надо. Лучше гребите обратно, и отправьте кого-нибудь вестовым в казармы, чтобы до утра успели перекрыть все известные входы в каменоломни в той стороне. И валите все на меня, если что, особенно если кардинал начнет задавать вопросы. А я – спать.

Я еще успела заметить, как Рошфор кивнул, а потом меня как то накрыло, то ли от холода, то ли от воспоминаний, так что последнее, что я помню – это здоровенный такой айсберг, проплывающий с шорохом мимо самого борта, так что на манто падали мелкие крошки льда, и еще звуки оркестра где то вдали. А потом наступила темнота.

Запись шестнадцатая.

Очнулась я, правда, совсем не в лодке, а в своей постели, и была этим фактом крайней недовольна. Ну, не тем, что очнулась, конечно, а тем, что сделала это именно там. Потому что, уже после того как я осознала этот факт, я поняла, что, во первых, на мне как то слишком много одеял, и поэтому мне душно и жарко – потому что комнаты были тоже натоплены так, словно мы были не в Париже осенью, а в Мурманске посреди зимы. А, во вторых, под одеялами на мне ничего не было. Вдобавок ко всему, в моих ногах спал Его Сиятельство Шарль-Сезар, граф де Рошфор, собственной персоной, довольно большой и тяжелой (и, кстати, все еще одетой в костюм, в котором он явился на ужин), попирая своей головой мои бедные голени. К счастью для меня, попирал он их поверх одеяла, что, впрочем, никак не повлияло на степень моего негодования. Хорошо, что хоть не храпел при этом, как большинство мужчин.

— Кэти! – мой шепот, если его можно было так назвать, разнесся по особняку, достигнув, к моему облегчению, ушей служанки, тут же, со всем почтением, явившейся через дверь с подносом, на котором стоял котелок с отваром чего-то, пахнущего мятой, вербеной и ромашкой и большая розетка с медом.

— Да, моя госпожа? – как то весело спросила она, подходя к кровати и подсовывая мне под нос тот самый котелок, — Чего изволите?

— Это что? – спрашиваю я, указывая носом на Рошфора, и пытаясь высвободить руки, чтобы котелок все же взять и выпить, потому что пить хотелось страшно.

— Это граф де Рошфор, правая рука Его Высокопреосвященства кардинала де Ришелье, — отвечает Кэти, щедрой рукой наливая в котелок меда, пока я не кивнула, что мне хватит.

— Я знаю, что это Рошфор, Кэти, — я отпила большой глоток и одобрительно кивнула в знак того, что служанка все таки правильно подобрала ингредиенты и их пропорцию, — Я спросила, что он тут делает, и если ты ответишь мне, что спит, я кину в тебя этим вот котелком.

— Его Светлость изволили принести вас мокрую и без сознания посреди ночи и отдать мне, чтобы я вас переодела и уложила, госпожа. И потом пришли под утро в странном настроении и легли спать у вас в ногах.

Ну, хоть переодевала меня Кэти, а не сам Рошфор. А то образ прекрасной Миледи, я подозреваю, сильно бы померк после такого пассажа.

— Допустим, — я шмыгнула носом и запрокинула котелок, выпив его до дна, — А это все остальное зачем?

— Его Светлость изволили беспокоиться, что вы, госпожа, простудитесь и умрете, и от того повелел держать вас в тепле. А вы хорошо себя чувствуете, госпожа? Вы не заболели?

Кэти обеспокоенно приложила свою руку к моему лбу и сообщила, что для здорового человека он слишком горячий. В ответ я сообщила, что если я продолжу лежать под всеми этими одеялами, лоб мой вовсе станет температурой с адское пекло, куда я, после того, тут же и отправлюсь. Но не от болезни, а от того что превращусь в томленого в собственном соку цыпленка. После чего, поерзав ногами и высвободив их из под Рошфора, проследовала к окнам, под негодующие комментарии Кэти, и открыла створки, впуская свежий воздух. И только потом вернулась в кровать, устроившись под верхним, самым тонким, одеялом и поджав ноги, поскольку Рошфор – к моему счастью – так и спал себе, невзирая на мои телодвижения.

— А долго он спит? – все таки спросила я, поскольку из-за обморока пропустила всю остальную ночь, и теперь мне действительно было нужно знать, успели ли гвардейцы перекрыть катакомбы или нет.

— С самого утра, — вздохнула Кэти. Я насторожилась.

— А сейчас сколько тогда времени?

— За полдень, госпожа, — ответила Кэти, вызвав во мне чувство глубокого негодования. Так что я отдала ей котелок, наказав вернуться обратно с таким же, и остатками вчерашних блинов, и принялась пинать Рошфора через одеяло, пока, наконец, он не открыл глаза и не уставился на меня совершенно непонимающе.

— Рошфор, — говорю я ему, — Немедленно поднимайтесь с моей постели, или я вас отсюда выгоню.

— А зачем? – невинно спрашивает меня эта светлость, — Мне такой приятный сон снился…

— Затем, что я хочу знать, что там в каменоломнях, Рошфор, — пинаю я его еще раз. А этот граф вдруг подло схватил мою ногу и улегся на нее обратно, как на подушку.

— Да все там в порядке, — зевает он, пока я думаю, как бы половчее прицелиться в него второй ногой, — Все в полном порядке. Лежите, госпожа де Ивер, а то ваше одеяло начинает пикантно сползать.

Я подтянула одеяло повыше и засопела.

— В смысле, в порядке?

— Ну, в том смысле, что гвардия оцепила каменоломни, а под утро оттуда вылез бледный как смерть Лувиньи и, завидев кардинала, пал тому в ноги и как начал каяться… — Рошфор зевнул и устроился на моей ноге поудобнее, — Писец, что при кардинале был, едва успевал чернила менять, а бумагу тому сам кардинал подсовывал, когда лист заканчивался. В общем, наговорил столько, что теперь даже стыдно рассказывать. И про де Шале, и про маршала д'Орнано, и про обоих де Вандомов, и герцогиню де Шеврез, конечно, не забыл – все рассказал, как на духу, а потом сам попросился в монастырь. Грехи, говорит, отмаливать буду.

— А еще там был кто-то? – настороженно уточнила я.

— Никого там не было, — заверил мня Рошфор, — И быть не должно. Потому что я шепнул кардиналу про ваш совет завалить каменоломни, так что, как Лувиньи[37]вылез, через час гвардейцы все ходы и подорвали. Кстати, — граф подхватил вторую мою ногу, уже было собирающуюся его пнуть, и присоединил к первой, повернувшись набок и глядя мне в лицо, — Кардинал обещал навестить вас вечером, поскольку я сказал ему, что вы, сударыня, больны и не сможете приехать к нему сама.

Я прикинула, смогу ли я достать его подушкой, но пришла к выводу, что в таком случае одеяло с меня точно упадет. Так что просто недовольно откинулась назад, фыркнув еще раз.

— Я чувствую себя совершенно здоровой, между прочим! И я не уверена в том, что там внутри, в каменоломне, не бродит парочка-другая одержимых, которые просто пока не знают, как им выбраться.

— Конечно, бродят, — заверил меня Рошфор, чуть крепче сжимая мои ноги, когда я их напрягла, чтобы все таки его лягнуть. Вот никогда бы не подумала, что у него настолько сильная хватка, — А почему, по вашему, этот бездельник Лувиньи так беззаветно каялся Его Высокопреосвященству? Он первым делом и сказал, что герцог и парочка его приспешников внезапно обезумели и начали нападать на всех, словно дикие звери. Так что французское дворянство этой ночью лишилось двадцати семи достойных его членов, погибших, по случайному стечению обстоятельств, на охоте, будучи застигнута врасплох стаей диких волков, или растерзанная кабанами, или что там еще писари кардинала сочинят к тому моменту, когда в Соборе Парижской Богоматери будет торжественная панихида по невинно усопшим, — сообщил граф с интонацией, говорящей о том, что если он и испытывал скорбь по этому поводу, то прятал ее в самых отдаленных уголках своей души, — Поэтому несколько вызванных священников,

[37] Скорее всего, Рошфор говорит о Роже де Грамоне, графе де Лувиньи, брате известного маршала де Грамона, и одного из фигурантов заговора де Шале, который, в земной истории, фактически сдал всех заговорщиков Ришелье.

из епархии отца Жозефа, провели там обряды очищения по всей строгости. Ни одна нечисть не проскочит. И ход с реки мы тоже взорвали, — опередил он следующий мой вопрос.

— И, все же, я бы сходила и убедилась сама, — попыталась я выдернуть ноги из цепких графских лап, но Рошфор был непреклонен.

— Ни в коем случае! – заявил он, — Вы больны и можете встать с кровати только ради того, чтобы принять Его Высокопреосвященство в пристойном виде.

— Это почему же, сударь? – все же спросила я, прикидывая, когда же все таки придет Кэти с завтраком и, может, сгонит этого наглеца с кровати, чтобы я смогла нормально встать и одеться.

— Ну сами подумайте, — укоризненно произнес Рошфор, — Двадцать семь достойных членов дворянства внезапно сложили свои головы при загадочных обстоятельствах. Включая двух герцогов, братьев короля, между прочим, пусть и бастардов – то есть тех, кто, в любых других обстоятельствах отделался бы в самом для них худшем случае ссылкой или опалой. Кардинал, конечно, доволен таким поворотом дела, хотя и недоволен тем, что до этого дошло, а вот Его Величество в гневе и хочет голову виновных, подозревая кардинала во всех смертных грехах.

— Угу, — мрачно просопела я, начиная понимать, что немножко не учла особенности местного менталитета, — Но, кроме вас, дорогой граф, и меня, никто не знает, почему именно достойные дворяне сошли с ума, не так ли?

— А я тоже не знаю, — граф продемонстрировал мне взгляд, полный невинности, — Нас там вообще не было. И господ гвардейцев тоже не было – я их уже об этом предупредил. Мы всего лишь догоняли лодку контрабандистов, а вы в азарте случайно свалились в воду и вот, лежите, болеете. Теперь вам понятна ситуация?

— Понятна, — кивнула я, — Более чем. А зачем тогда ко мне пожалует кардинал?

— Я сам не знаю, — я попыталась поерзать в кровати, потому что мне стало неудобно, и Рошфор, видимо, подумав, что я опять собираюсь его пнуть, подгреб мои ноги еще ближе под себя, — Но уверяю вас, ничего плохого с вами не случится.

Вошла Кэти с подносом, полным еды, и как то подозрительно хихикнула, глядя на лежащего Рошфора. Граф вдруг смутился и выпустил мои лодыжки, чем я незамедлительно и воспользовалась, подобрав их под себя и усевшись на кровати, закутавшись, впрочем, в одеяло.

— И вообще, — я повернулась к служанке, — Кэти, неси одежду! Не буду я лежать весь день в кровати. В конце-концов, никто не доложит никакому кардиналу, что я не лежала весь день в постели по-настоящему.

— Да, госпожа, — девушка изобразила шутливый книксен и, топоча каблучками, скрылась за дверью, и тут же высунула обратно личико.

— А одежду нести дамскую или мужскую?

— Неси дамскую, — махнула рукой я, — Все таки, к нам собирается нанести визит Его Высокопреосвященство, а не рота гвардейцев.

— Да, госпожа, — прощебетала Кэти и опять скрылась, а я поняла, что стоявший на столе поднос слишком далеко, чтобы я смогла до него дотянуться из постели. Впрочем, а при чем тут, вообще, я? Я то у себя дома, между прочим, поэтому вольна ходить по нему в том виде, в котором мне вздумается!

— Милый граф, — я пристально посмотрела на Рошфора, так и сидевшего на кровати, — А, может, вы все таки оставите меня хотя бы на десять минут и дадите мне одеться?

Запись семнадцатая.

Ришелье я встречала во вполне приличного вида платье, сделавшем бы честь иной придворной даме, скромно ожидая его прибытия в гостиной, где, по такому случаю, был накрыт легкий стол с закусками, вином и ароматными травяными отварами. Последние, впрочем, служили вполне конкретным, лекарственным, целям, поскольку ближе к обеду я все же вынуждена была признать, что даже мой, ведьминский, а от того довольно выносливый, организм все же не в состоянии пережить купание в ледяной воде совсем без последствий. Так что чихала я натурально, а под рукой держала, на всякий, случай, платок – хотя и не представляя, как я буду в него сморкаться при Его Высокопреосвященстве.

Кардинал, правда, явился не один, а в сопровождении, чем заставил меня сильно поволноваться. Потому что господ Каюзака и Бикара я, конечно, уже знала, а вот с отцом Жозефом (в миру Франсуа Леклер дю Трамбле) ни разу не виделась, и почитала это за высшее благо. Потому что бородатый старик в капуцинской рясе был в нашем Ордене известен своим категорическим неприятием ватиканской политики в отношении таких как я вообще, и Ордена в частности. Однако, внешне я никак не выказала охватившего меня беспокойства, и лишь скромно поцеловала его руку вслед за кардинальским перстнем, пока господа гвардейцы, стоявшие в дверях в качестве охраны – уж не знаю, насколько почетной – таращились на меня во все глаза.

— Приятно видеть сударыня, что вы чувствуете себя хорошо, несмотря на неприятное происшествие прошлым вечером, — заметил кардинал, устраиваясь на стуле напротив меня, из чего я заключила, что визит будет долгим. Отец Жозеф тем временем пристроился на углу стола, принявшись тщательно изучать стоявшие на столе котелки с отварами трав и, особенно, чайник с привезенным из Венеции чаем – ну вот была у меня такая слабость, отказаться от которой я не смогла несмотря на редкость и дороговизну товара.

— Благодарю, Ваше Высокопреосвященство, — я скромно опустила взгляд, — за беспокойство о здоровье столь скромной особы, как я.

— Это как посмотреть, — довольно двусмысленным тоном произнес кардинал, — Но, все же, лучше бы нам перейти сразу к делу.

Ришелье поднял руку, и Каюзак, пройдя от двери, вложил туда небольшую шкатулку, которую кардинал незамедлительно открыл и пододвинул ко мне поближе. Внутри, как я разглядела, лежали несколько круглых тонких лепешек, обычно называемых «облатками», с тем же похожим на герб рисунком, что я видела на бутылках в каменоломнях.

— Расскажите нам об этом.

— Как вам будет угодно, Ваше Высокопреосвященство, — кивнула я, все же отпив глоток чая перед тем, как продолжить, — Это, с вашего позволения, так называемый маяк или метка, выполненные, в данном случае, в форме облатки, изготовленной из теста с добавлением специальных ингредиентов, — я посмотрела на кардинала, — Мне стоит их перечислять?

— Нет, пока можете это пропустить, — покачал головой Ришелье.

— Хорошо, — кивнула я, — Так вот, маяк этот изготовлен ведьмой или колдуном со способностью к управлению сущностями, и служит одной лишь цели – чтобы приманить и подселить в человека, который его съел, то, что у вас именуется бесом или демоном, и превратить его в одержимого, — на этих словах отец Жозеф посмотрел на меня как то особенно пристально, но я этот взгляд выдержала спокойно, — Старое изобретение, известное, впрочем, еще жрецам викингов, получавших таким образом истинных берсеркеров – хотя те использовали для этого единый сосуд, где эликсир внутри использовался и как маркер и как, собственно, вместилище для подселяемого духа. Это давало им возможность контролировать результат, поскольку кол-

дун мог точно знать, какую сущность подселяет. К слову, как только ингредиенты этого маяка будут выведены, простите за подробности, естественным путем, дух обычно покидает одержимого, так что – за исключением того, что такое подселение безусловно противно церкви, а еще плохо сказывается на здоровье такого временно одержимого, практика является относительно безопасной.

— Продолжайте, — спокойно кивнул кардинал, обменявшись с отцом Жозефом короткими взглядами. Я кивнула, отпив еще глоток чая.

— Здесь же, как мы видим, маяк и сосуд разделены, или сосуда не было вовсе – из чего я заключаю, что целью было или же подселить любого духа, оказавшегося неподалеку от того, кто съест облатку, или же выпустить духа потом, в нужный момент, когда облатка будет уже съедена, но все еще не переварена, так сказать. То есть, съедающий ее мог вовсе не знать, что он именно делает. В этом случае, когда дух был бы выпущен, выглядело бы это со стороны будто человек внезапно сошел с ума и начал бросаться на всех подряд, как одержимый – собственно, он и был бы одержимым. Кажется, я уже слышала о подобном инциденте, Ваше Высокопреосвященство?

— Истинно так, — кардинал откинулся на спинку стула и обменялся с отцом Жозефом еще одним многозначительным взглядом, — И кто может изготовить подобную… вещь?

— Как я уже сказала – ведьма или колдун, у которого есть соответствующий дар, — спокойно ответила я, — И, заранее отвечая на следующий вопрос – у меня его нет. Хотя мы все, разумеется, изучаем основы всех известных дисциплин, чтобы узнать и, если придется, знать как с ними бороться, если встретим.

— А в чем заключается ваш дар? – внезапно спросил отец Жозеф, подавшись вперед. Голос его, к слову, сильно контрастировал с внешним видом, будто бы принадлежал человеку лет на десять моложе.

— А можно просто показать? – оборачиваюсь к нему я, — Не хочу звучать как напыщенная дура, хвастающаяся слово пьяный мушкетер в кабаке.

— Показывайте, дочь моя, — как то коротко ответил отец Жозеф.

— Господин де Рошфор, — поманила я стоявшего возле окна графа, — Не могли бы вы принести из соседней комнаты пару пистолетов? Это такая ореховая шкатулка во втором ящике гардероба, возле окна.

Граф кивнул, и в скором времени явился, держа в руках большой ящик, в котором покоилась моя любимая пара пистолетов: с клеймом самого Буржуа, вьющейся под курком, отделкой из слоновой кости, удобной рукояткой, с длинными стволами и, самое главное — с новомодным батарейным замком. Я же тем временем открыла все окна, несмотря на прохладную погоду, и попросила присутствующих отойти к дальней стене.

— Отлично, — говорю я, — надеюсь, никто из присутствующих не считает, что я собираюсь на них покушаться, потому что пистолеты заряжены, и из них сейчас будут стрелять.

Я забрала у Рошфора ящик, достав оба пистолета и вручив ему один. А затем отошла на другой конец столовой, взвела курок и повернулась к нему спиной.

— Стреляйте, Рошфор, точно в меня. И упаси вас Господь целиться мимо!

— Но, сударыня… — попытался было возразить граф.

— Вы мне не доверяете? Стреляйте, граф.

Я прикрыла глаза и сосредоточилась. Рошфор выстрелил – я явственно ощутила, как щелкнул спусковой механизм, высвобождая пружину, толкающую курок с кремнем навстречу огниву, и начала поворачиваться в тот же самый момент, опуская ствол своего пистолета вниз и нажав на курок чуть раньше, чем дуло достигло нужного положения. Самое сложное тут было подгадать сам момент выстрела, потому что у таких вот пистолетов он происходит далеко не сразу после того, как, собственно, вы нажали на спуск. Так что немного, но я все таки рисковала.

Выстрелы грохнули практически одновременно, залив столовую дымом и оглушив присутствующих, которых я, увлекшись, забыла предупредить зажать уши. Впрочем, дым быстро ушел в открытые окна, оставив после себя лишь приятный – для меня – запах сгоревшего пороха. А господа священники и гвардейцы, привычные к таким звукам, очухались еще раньше.

— Я ведь просила, граф, стрелять точно в меня, — укоризненно произнесла я, громко чихнув перед тем, как пройти на середину комнаты, — А не в пол передо мной. Теперь из-за вас мы испортили прекрасный ковер. Хотя, конечно, Кэти его потом исправит, — я взяла со стола ложку, и подцепив кончиком её свинцовый ком, ушедший где то на треть в доски пола, достала и подала, на ложке, кардиналу.

— Ну вот как то так, — говорю я, пока кардинал разглядывает слипшиеся друг с другом пули, мою и Рошфора, — Отличный бы вышел номер для скоморохов на ярмарочной площади, не находите?

— Вполне, — отвечает на это Ришелье, а отец Жозеф только хмыкнул, — Разве что я, так полагаю, этот фокус вы проделали вовсе без подготовки. Но теперь я понимаю, почему Рошфор был так очарован тем, как вы преподали урок тому гасконцу в Менге.

— Граф преувеличивает мои таланты, Ваше Высокопреосвященство, — скромно говорю я, — Он фехтует намного лучше меня. Просто не так быстро.

Рошфор издал какой то звук, похожий на сдавленный кашель. Зато отец Жозеф, кажется, от моего ответа пришел в восторг, судя по тому, как плясали огоньки в его глазах.

— Отрадно видеть, что дочь сия не утратила скромности, обладая талантами, неподвластными прочим людям, — заметил он, делая большой глоток – и когда успел налить – моего чая из ромашки и мяты, налитого в большую кружку, — Однако, вернемся к тому, ради чего мы, собственно, пришли.

— А именно? – я уселась обратно на свой стул и долила чаю в свою кружку, залив изрядным количеством меда из вазочки.

— Как вы понимаете, Его Величество изрядно огорчен и обеспокоен тем, что произошло в каменоломнях этой ночью, — как то буднично говорит кардинал, — И, разумеется, даже попробовал обвинить меня в произошедшем, хотя совершенно понятно, что я к этом не имел никакого отношения. Однако вы, госпожа де Ивер, все еще находитесь под подозрением, поскольку являетесь ведьмой и действуете, хоть и с моего согласия, но в интересах своего Ордена – и даже не пытайтесь этого отрицать. Поэтому король поручил отцу Жозефу, как ярому противнику всех ведьм, расследовать это дело. И, при необходимости, заключить вас под стражу и предать суду.

Я спокойно допила чай и налила себе новую кружку.

— Если начистоту, — говорю я, -то у меня нет никаких доказательств того, что я к этому не причастна. Кроме того факта, что я уже докладывала вам – и, я полагаю, отец Жозеф тоже об этом знает – о своих подозрениях касательно того, что против нас действует кто-то, так же несомненно обладающий колдовским даром. И случай на каменоломне это только подтверждает.

— Каким образом? – спрашивает отец Жозеф.

— Посудите сами: у нас перед глазами есть заговор де Шале. Разработанный самим графом, и слегка подправленный, может быть, герцогиней де Шеврез. На мой взгляд – план глупый, совершенно банальный и поэтому легко раскрываемый, и – насколько мне не изменяет память — большая часть остальных покушений на Его Высокопреосвященство так же не отличалась изысками в части планирования. Здесь же мы имеем целью что-то другое – а именно, получить в одном месте группу одержимых, которые, как я полагаю, должны будут посеять ужас и панику среди тех, кто окажется поблизости. А это, простите – отнюдь не заговор. Это,

господа, план с целью посеять ужас и панику среди людей, то есть то, что называется терроризмом.

— Как-как вы сказали? – переспросил кардинал.

— Терроризм, — я еще раз повторила это слово, — Вам это понятие незнакомо, потому что его изобрели в России люди, бунтовавшие против власти в целом. И их единственной целью было не сменить эту власть, и даже не свергнуть. Их целью было посеять страх и хаос, чтобы власть имущие сами отреклись от своего положения, под давлением обстоятельств, так сказать. Это как будто палач, пытающий пленника до тех пор, пока он не скажет то, что нужно, только вместо пленника – целый народ или сословие.

— Очень… любопытно, — произнес кардинал, отец Жозеф же промолчал и чинно перекрестился.

— А что навело вас на такие мысли, дочь моя? – спросил он после этого

— Облатки, — просто ответила я, — Никто не станет делать маяк в форме облатки, если тот, кто его съест знает, что он ест, так сказать. Можно выбрать форму проще, вроде пилюли, или эликсира. Но облатки – это то, что раздают людям после мессы и причастия – то есть, эта форма выбрана для того, чтобы использовать на невинных людях. А значит, заговорщикам, скорее всего, было все равно, кто именно их съест. Или – что еще хуже – они точно знали, кто их съест, и замышляли превратить в одержимых против их воли. Это именно что террор, а не просто заговор или даже попытка массового убийства, причем террор жестокий. Более того, я бы сказала, что этот террор направлен так же и против моего Ордена и мня лично.

— Вот как? Почему?

— Потому что его колдовская природа очевидна. А тем, кому она не очевидна, всегда можно это подсказать, просто подослав парочку кликуш на рыночную площадь. И вот уже толпа ревет и с вилами и факелами штурмует мой милый особняк, пока Его Высокопреосвященство оправдывается, каким образом и зачем он допустил ведьму к государственным делам. Как то так.

Ришелье какое-то время смотрел на меня, а затем повернулся к отцу Жозефу.

— Я же говорил вам, сударь, что это – во всех смыслах интереснейшая дама. Теперь вы могли убедиться в этом сами, равно как и в том, что она невиновна, о чем вы спокойно можете доложить королю.

— Вполне, — кивнул в ответ этот старик, называвшийся в народе не иначе как «серый кардинал», — Я убедился в том, что дочь эта, хоть и ведьма, но открыта и вполне честна. И у меня есть к ней одна просьба, если вы не возражаете.

— Разумеется, — киваю я, дождавшись позволительного жеста кардинала, — А какая именно?

— Я просил бы прислать мне ваших замечательных трав, которые используются для этого напитка, — старик указал на чайник, — И вашего замечательного меду. Не думаю, что Господь, в чаяниях своих, разгневается на меня, если среди мирских соблазнов, коими я непрестанно окружен, я позволю себе продлить маленькую радость, которую испытал, испив этого целебного напитка.

Я понимающе кивнула.

— Я распоряжусь, чтобы их доставили к вашему дому завтра же утром, святой отец. Нет ничего приятнее, чем поделиться с ближним своим скромными дарами Господа, посланными нам им в утешение, ибо, как сказано в Писании, «пусть каждый из вас пользуется тем даром, какой получил от Бога, чтобы служить другим, верно распоряжаясь полученным от благодати Его».

Святой отец, верно оценив завернутый в оболочку Писания посыл, лишь одобрительно кивнул. На самом деле, хитрый капуцин не просто выпрашивал у меня несомненно вкусный и редкий в этих краях чай – это было само собой разумеющимся. А вот новость о том, что сам

серый кардинал Франции спокойно принимает в дар от ведьмы травы для лечебных отваров – она стоила намного больше, чем весь чай, хранившийся у меня в сундуке. Мой же ответ и вовсе касался не столько чая, сколько дара как такового. Буквально – хоть я и процитировала, конечно, первый самый урок воспитания в школе на острове.

— Прекрасно! – резюмировал Ришелье, — И, в таком случае, остается уладить один небольшой вопрос, касающийся вашего статуса, госпожа де Ивер.

Он протянул мне бумагу, оказавшуюся, при ближайшем рассмотрении, довольно коротким списком поместий, ничего мне не говорящих, кроме того, что за кратким описанием следовало указание цены в ливрах.

— Прошу прощения, Ваше Высокопреосвященство? – я положила бумагу на стол, посмотрев на кардинала, — Но к чему это?

— Вам, сударыня, полагается награда, по моему разумению, — скучным голосом произнес кардинал, — Однако, как вы понимаете, пожаловать вам ее официально я не могу. Однако, поскольку ввиду последних событий несколько поместий остались без законного наследника, вместо этого я дарую вам право выбрать поместье по своему вкусу и купить его, вместе с полагающимся к нему по сеньорату титулом.

— Но, право слово, Ваше Высокопреосвященство, — возразила бы я, но была остановлена красноречиво поднятой ладонью.

— Поверьте мне, вам это очень пригодится, — каким то мягким, но в то же время не оставляющим выбора тоном произнес Ришелье.

— В таком случае, примите мою искреннюю благодарность, Ваше Высокопреосвященство, — я склонила голову и вернулась к изучению списка, краем глаза зацепившись за знакомое название.

— Мне бы подошло вот это, — кончиком ногтя подчеркнула я название, наконец то вспомнив, откуда я его знаю. Прелестное местечко, и недалеко от Парижа, пусть и со странным именем.

— Мальмезон? – на губах кардинала скользнула улыбка, — Что ж, вам прекрасно подойдет эта усадьба[38]. В таком случае, позвольте мне заранее вас поздравить, баронесса де Мальмезон, с покупкой прекрасного имения.

Я поцеловала перстень, расписалась в бумагах и вызвала Кэти, доставившую из моей спальни требуемые за усадьбу двадцать тысяч ливров – дублонами, конечно, а то мешочек получился бы слишком тяжелым.

— Ключи вам доставят завтра, сударыня, — Ришелье встал из-за стола, вместе с отцом Жозефом, — И не буду более вас занимать, вы, все же больны. Желаю скорейшего выздоровления, — он развернулся к двери, и, будто бы сейчас вспомнив о стоявших там гвардейцах, добавил, — Да, кстати, эти двое господ тоже имеют к вам пару слов. Прошу уделить им ваше внимание, сударыня, если вас не затруднит.

На этом кардинал удалился, оставив меня в столовой наедине с Рошфором, как то грустно улыбающимся вслед ушедшим священникам, и двумя знакомыми мне гвардейцами. Каюзак, выждав с минуту, пока я любовалась на них поверх очередной чашки с чаем, наконец, не выдержал, и шагнул вперед, доставая из за пазухи большой пакет с документами.

— В общем, сударыня, — он как то кашлянул невпопад, — Это вам. Прошу ознакомиться.

[38] В буквальном переводе – «дурной дом». Поместье расположено в 20 километрах на запад от Парижа, и известно, в основном, благодаря тому, что его когда то облюбовала себе в качестве резиденции некая Жозефина Бонапарт.

Запись восемнадцатая.

В пакете, поданном мне Каюзаком, находилось короткое письмо, написанное явно рукой Ришелье, в котором мне, как дворянке Франции и подданной Его Величества, присваивалось звание лейтенанта отдельного взвода при роте гвардейцев кардинала, с предписанием произвести набор и за собственный счет снарядить и вооружить указанное подразделение в количестве до пятидесяти человек, для выполнения особых поручений Его Высокопреосвященства. Снаряжение и униформу кардинал предписал выбрать на мое усмотрение. Каюзак же и Бикара, так и топтавшиеся возле порога, как следовало из отдельной приписки, были присланы в качестве кандидатов на су-офицеры – причем, Ришелье весьма прозрачно намекал, что при том, сколько они уже знают, это был наиболее оптимальный способ для них продолжить службу, не рискуя ни головой, ни опалой. Вот же… кхм… воистину великий политический деятель! Получается, баронство с поместьем мне выданы не как милость и награда, а в качестве места размещения и источника дохода для содержания этого самого отдельного взвода, который, вместе со мной, кардинал намеревается использовать для «особых поручений». Что за поручения догадаться было не сложно, поскольку вряд ли кардинал не мог догадаться самостоятельно обо всем, что я ему тут полчаса только что рассказывала, разве что он не знал, что это все называется емким словом «терроризм».

Допустим. Я развернула второе письмо, вложенное в тот же пакет, и обнаружила, что это послание от матушки-настоятельницы, еще раз благословлявшей меня на служение Его Высокопреосвященству и намекающей на то, что, коли уж статус посла не мог быть присвоен мне официально, поскольку Орден не является государством в полном смысле слова, то дворянский титул, обещанный кардиналом и прилагающийся к этому взвод солдат отлично заменят мне официальное посольство и охрану, а для ведения поместья она может прислать мне парочку сестер, давно уже скучающих на острове, но, в силу обстоятельств, не способных к служению в качестве полноценного агента влияния. Еще лучше. То есть, они просто договорились за моей спиной заранее, и кинули меня в воду, сделав, в награду, французской баронессой на побегушках. Какая прелесть! Хотя, несомненно в этом были и свои плюсы – по крайней мере, это все исключительно льстило моему самолюбию. Особенно титул.

— Господа! – обращаюсь я тем временем к гвардейцам, и Рошфору тоже, поскольку граф так и торчал за моей спиной с видом кота, которого (по мнению самого кота, разумеется) не кормили весь день (ибо все мы помним, что коты никогда не бывают достаточно накормленными), — А может, вы все таки присядете за стол? Я приглашаю, если это так необходимо по этикету. И вообще, настаиваю.

Мужчины, наконец то, уселись за стол, хотя, по моему, гвардейцы, в отличие от Рошфора, все же чувствовали себя слегка не в своей тарелке.

— Итак, господа, — я хлопнула по столу письмом Ришелье, — Как я поняла, вы теперь находитесь в моем подчинении, не так ли?

— Да, , — кивнул Каюзак на пару с Бикара, — А разрешите задать вопрос?

— Разрешаю, — тактично согласилась я, подливая вино в кубки, стоявшие перед гвардейцами, благо красноречивые их взгляды говорили куда больше, чем языки.

— А как к вам обращаться? – вежливо так спросил Бикара, отводя взгляд, — А то на набережной вы представились как шевалье де Ивер, а сейчас вот в платье перед нами сидите…

— По обстановке, — отвечаю я, — Прошу простить меня, господа, за тот маскарад, но сами понимаете, даме, и тем более в платье, не пристало бегать по подземельям и плавать в речке за лодкой, болтаясь как простыня в руках неумелой прачки. Так что позвольте предста-

виться еще раз – Шарлотта де Ивер, а теперь еще и баронесса де Мальмезон. Но если вы видите мня в мужском наряде, то звать следует Шарль, на всякий случай.

— Рад знакомству, — отвечает Каюзак, — Франсуа де Ротонди, сьер де Каюзак, к вашим услугам.

— Жак де Ротонди, сьер де Бикара, — представляется следом Бикара, аккуратно подходя и целуя мне руку, под едва слышное сопение Рошфора, — К вашим услугам, сударыня.

— Так вы, получается, братья? – вот точно бы не догадалась никогда.

— Именно так, — улыбнулись оба гвардейца, — Просто сеньораты разные, так вот и вышло.

— Н-да… — протянула я, — Фамилии разные, а семейка одна и та же. Ох уж эта французская манера: так вот общаешься с людьми и не знаешь про них ничего. А потом, например, узнаешь получше родословную того же Рошфора – прошу прощения, граф, вы просто очень удачно тут сидите — а окажется что он какой-нибудь дальний родственник герцогини де Шеврез, упаси Господи.

Рошфор закашлялся, подавившись вином. Каюзак, оказавшийся ближе, сочувственно похлопал его по спине.

— Да уж, сударыня, — произнес он, когда наконец закончил кашлять, — Вы, несомненно, обладаете талантом попадать куда надо, даже если сами того не понимаете.

— А что не так? – совершенно искренне удивилась я.

— Графы де Рошфор – это титул дома Роган, — произнес сквозь смех Бикара, — Так что вы, своим примером, оказались чертовски точны, сударыня, потому что герцогиня де Шеврез из того же дома, хотя и по другой линии.

— Не знала, — я повернулась к графу и постаралась, чтобы вид мой был достаточно извиняющийся, — Простите, граф, я действительно не знала таких подробностей.

— А вы, между прочим, каждый третий месяц подписываете документы на оплату аренды, — укоризненно произнес Рошфор, когда, наконец, откашлялся, — И там, кажется, тоже стоит что-то насчет «особняка Роганов», но за все время вы так и не удосужились это заметить.

— Вот только не говорите мне, что арендную плату я плачу вам, Рошфор!

— Именно так, — потупился граф, — И, признаюсь, я немало счастлив этому обстоятельству.

Я потом выяснила, что бедный Рошфор приходился незаконнорожденным сыном губернатору Парижа, потому и получил титул графа только недавно, а особняк ему отписали по личному настоянию кардинала еще до этого, за отличную службу. Тогда же, увы, я не поняла всей ситуации, а то бы непременно настояла, чтобы граф поднял мне арендную плату – составлявшую, как потом выяснилось, чуть ли не две трети всего его дохода.

— Тогда, мой друг Рошфор, вы можете приходить в гости намного чаще, — говорю я, — Все таки я живу в вашем доме, а значит, должна оказывать вам больше внимания.

— Только лишь поэтому? – как то странно интересуется Рошфор, пока братья, чуть ли не синхронно, переглянулись между собой.

— Ну, еще и потому, что ваше общество мне приятно, — так и быть добавила я, — Но, все же, может перейдем к делу?

— Было бы неплохо, сударыня, — как то мягко согласился Рошфор, под одобрительные кивки братьев.

Следующие часа три мы провели за бумагами: сначала я, как полагается, составила два патента на звание су-лейтенанта и энсина для Каюзака и Бикара, а потом мы все долго обсуждали список снаряжения, который бы, с одной стороны, устраивал меня, знавшую специфику той нечисти, за которой – была в этом уверена – придется охотится особому взводу, а с другой стороны был бы привычен и понятен тем, кто в этом взводе будет служить, за что отве-

чали остальные трое мужчин. И, разумеется, составить эскиз униформы – что я взяла на свою ответственность, заставив Кэти принести акварельные краски и быстро нарисовав нужный мне вид, используя в качестве основы уже привычный всем гвардейский плащ. Правда, в качестве базового цвета я настояла на серо-голубом, цвета «Дикого Ветра», чтобы быть точной, поскольку он, во первых, был все же достаточно эстетически красивым, чтобы в такого цвета плащах гвардейцы выглядели достаточно элегантно. А, во вторых, он же был достаточно серым, чтобы обладать маскирующими свойствами, что уже было критично лично для меня. Хотя выбранный в качестве эмблемы орденский крест, красный, с черно-серебристым кантом, на фоне циркуля и угольника, размещавшихся позади него от перекрестия до основания (официальный герб Ордена, если что), будучи нашитым на этот самый плащ, конечно, маскировки не добавляли, но я сочла, что это все равно будет лучше, чем радикально красные кардинальские плащи, которые гвардейцы, помнится, снимали, когда были в засаде. В любом случае, мужчинам этот рисунок, к моему облегчению, понравился.

В мундир, помимо плаща, входили штаны и колет того же цвета «дикого ветра», а такие вещи как шляпу, перевязь и сапоги единогласно постановили оставить на вкус самого носящего. Хуже было с экипировкой: конечно, шпага даже не обсуждалась, и каждый должен был иметь свою – и мысль о каком то другом варианте привела мужчин в ужас, а я, памятуя о том, что в фехтовании каждому удобен свой клинок по руке, с ними согласилась. А вот дальше начинались проблемы. Начнем с того, что пара пистолетов нормально помещалась только в седельной кобуре – поскольку размеры их, конечно, были меньше чем у мушкетов, но все равно длиной обыкновенный кавалерийский пистолет был с руку Каюзака по локоть. А, значит, носить его с собой было довольно неудобно – что вынудило меня ввести в экипировку еще и третий, поменьше размерами но того же калибра. В конечном итоге я заявила, что меня совершенно не волнует, насколько роскошные перевязи будут носить гвардейцы, когда они не на задании и не на поле боя, но в бою у них будет нормальный уставной бандальер с поясом. И, в доказательство своей правоты, начертила оный на другом лист, подвесив на него и кобуру для малого пистолета, и шпагу на отдельных ремешках, и пеналы с отмерянными зарядами для мушкета, впрочем, не подвешенные, как было заведено в то время, а на специальных петельках, поскольку мне было важно, чтобы они не брякали при ходьбе, и все остальное, вроде полагающейся даги. А перевязь со шпагой отдельно пусть носят крест-накрест, если захотят. Мужчины, посовещавшись, были вынуждены со мной согласиться, особенно когда я уточнила, что господам солдатам особого взвода придется много лазать, бегать и вообще, заниматься совсем не тем, к чему располагает линейная тактика того времени.

Собственно, наличие мушкета так же не обсуждалось, хотя и здесь я немного поспорила с Рошфором, который заявил, что они не слишком то и нужны для солдат, не собирающихся воевать на поле боя. На что я заметила, что за них всеравно плачу я, поэтому они будут. На это у мужчин аргументов не нашлось, и мушкет был внесен в перечень экипировки, хоть мне и пришлось отдельно, к вящему неудовольствию всех троих мужчин, настоять на том, чтобы мушкеты возились в специальном чехле-кофре жесткой кожи, чтобы его можно было повесить за спину сидя на лошади. Моя аргументация была той же – я плачу, так что они всегда смогут высмеять меня потом, когда получат это вживую и проверят, так сказать, на практике. Последним же камнем преткновения стало кабанье копье.

Я настаивала на том, что он обязано быть. Братья настаивали, что охотничье оружие несовместимо с дворянской честью и солдатскими традициями, будучи использовано не на охоте. И вообще оно громоздкое, и где его прикажете носить, особенно вместе с мушкетом. Рошфор же, памятуя о том, как я с ним обращалась, хранил благоразумный нейтралитет. Опять же, победила я – поскольку упирала на то, что орудовать им придется в исключительных случаях, а вот когда этот самый случай, в виде какого-нибудь медведя или того же самого кабана, на тебя попрет, то мощное и прочное копье с ограничителем будет куда сподручнее чем шпага,

которую, некстати, можно и сломать о ребра этого самого животного. И вообще, я готова лично продемонстрировать сомневающимся то, куда именно я засуну это самое копье, если они посмеют смеяться, причем хоть в индивидуальном порядке, хоть сразу, всей толпе, не разбирая титулов и званий.

— Такое впечатление, сударыня, что вы нас в ловчие готовите, а не в солдаты, — наконец выдал Каюзак, глядя на меня.

— А вот, кстати, так вас называть и будут, — нашлась я, — Взвод ловчих гвардейской роты Его Высокопреосвященства. Прекрасно звучит, и точно отражает суть, — настал черед братьев смотреть на меня в том недоумевающем стиле, в каком обычно смотрит на меня Рошфор после того, как я опять что-нибудь сделаю, эдакое, — А вообще, господа, если вы помните историю с де Шале, то представляете себе, что такое одержимый или бесноватый. И уверяю вас, остальные ужастики из колдовского арсенала тоже не сильно от зверей отличаются, так что копье вам пригодится. А то, что мы будем работать в том числе и против колдовских тварей – в этом можете даже не сомневаться, иначе бы меня на роль командира не поставили, вопреки всем неписанным правилам.

Каюзак, было, хотел что-то сказать, но Рошфор кивнул ему, подтвердив то, что я ни коим образом не шучу. Между тем, я взглянула на часы и обнаружила, что время неумолимо приближалось к ночи.

— Господа, — говорю я, — Боюсь, что я вас и так слишком задержала. Можно, конечно, разместить вас всех в гостевой комнате, но, боюсь, слухи о том, как наутро из моего дома выходят целых три мужчины, моя репутация все таки не переживет. Давайте, все же, на этом закончим на сегодня, а завтра приходите к обеду, и подумайте над тем, кого бы вы хотели набрать в новый взвод, чтобы потом не пришлось за них краснеть, как кардинал за поведение королевских мушкетеров.

Братья, взглянув на часы, со мной согласились и быстро отбыли, напоследок пометя пол перьями шляп, словно на дворцовом приеме. Рошфор же задержался, глядя на меня как то особо выразительно.

— Вы хотите мне что-то сказать, граф? – спросила я, недоумевая о причинах такого его поведения.

Вместо ответа этот вредный тип берет и прижимает меня к себе так, что мой нос оказался точно на уровне пряжки его перевязи, и я бы непременно его расквасила, если бы не успела отвернуть голову в сторону.

— Сударыня, — говорит он проникновенно, — Я так волновался, что вас поместят в тюрьму и приговорят к смерти, что не могу выразить словами, как я теперь рад, что этого не случилось.

— Это вы с визита отца Жозефа так волнуетесь? — спрашиваю я, делая попытки вырваться из его объятий. Вот же медведь! Его бы Дюма силачом вместо Портоса сделал – силища та же, да и рост не подкачал, — Право, граф, оно того не стоило. В худшем случае я бы просто сбежала, хотя, если честно, мне было бы грустно это делать.

Граф, в ответ, лишь прижал меня плотнее, так что я пискнула и начала вырываться активнее.

— И вообще, пустите меня, пока не пришла Кэти и не стала опять хихикать, как делает каждый раз, когда видит вас со мной! А я так и не знаю, почему она это делает, — я все таки вывернулась из лап графа и, на всякий случай, отойдя от него на пару шагов, принялась приводить в порядок платье, — Но мне льстит, Рошфор, что вы за мня волнуетесь. Обычно этого не делает вообще никто.

— Правда, сударыня? – Рошфор как то радостно улыбнулся, — Благодарю вас за эти слова.

— Да не за что, дорогой граф, — говорю я, — Это чистая правда. А сейчас, если позволите, я все же отправлюсь спать, — добавила я еще, совершенно неприлично чихнув, — А то я почти забыла, что больна и должна лежать в кровати. Но ваше беспокойство мне об этом напомнило.

Кажется, Рошф

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.